

819956

Джалиле Джалил

ВОССТАНИЕ КУРДОВ

1880 года

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ДЖАЛИЛЕ ДЖАЛИЛ

ВОССТАНИЕ КУРДОВ 1880 года

819956

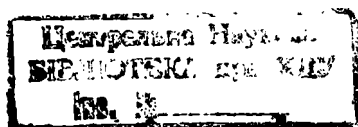
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

Ответственный редактор

Н. А. ХАЛФИН

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Положение курдов во второй половине XIX в.	12
Курды и русско-турецкая война 1877—1878 гг.	24
Предпосылки восстания курдов 1880 г.	39
Выступление Осман-бея и Хусейн-бея в Джезире в 1878 г.	48
Волнения в районе Хакари	51
Восстание курдов под руководством шейха Обейдуллы в Иране в 1880 г.	73
Приложение	103
Библиография	129

Индекс 1-6-3
43-66

Территория, занимаемая курдами, расчленена между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Природные богатства Курдистана, особенно его выгодное географическое расположение, издавна привлекали внимание европейских стран.

Правительства Турции, Ирана и Ирака не только не признают территориальное единство курдов, но и отрицают существование курдского народа в этническом смысле, не уважают его национальные права. Игнорирование национальных прав курдского народа сопровождается грубой фальсификацией его истории и культуры. Борьба курдов за независимость, как правило, преподносится буржуазными учеными и прессой как реакционные выступления «разбойничьих банд».

В связи с актуальностью курдской проблемы важное значение приобретает исследование истории политической борьбы курдского народа за национальное единство, независимость и демократию, исследование, помогающее правильно понять и оценить характер освободительной борьбы курдов на нынешнем этапе.

В буржуазной историографии Запада изучение истории и культуры курдов до сих пор находится в подчинении колониальной политики держав. Этот вопрос рассматривался колонизаторами постольку, поскольку был необходим для лучшего изучения характера курдов и природы занимаемой ими территории с целью дальнейшего подчинения их себе и расширения на Ближнем Востоке своего политического и экономического влияния. Политическая же, социально-экономическая история курдов не была предметом специального исследования.

Девятнадцатый век в истории курдского народа —

важный и одновременно сложный период. В это время курды впервые вошли в сферу политических интересов на Ближнем Востоке Британской империи и царской России; социально-экономическая жизнь курдского народа стала претерпевать серьезные изменения в связи с проникновением и развитием капиталистических и товарно-денежных отношений; и, наконец, отдельные, разрозненные феодальные выступления курдов против турецких и иранских поработителей начали перерастать в общенародный мощный поток с определенным стремлением сбросить иноземное иго и создать свое национальное государство.

Настоящая работа посвящена одному из важнейших этапов в истории освободительной борьбы курдского народа — восстанию шейха Обейдуллы в 1880 г., явившемуся кульминационным пунктом в курдском движении XIX в. Восстание охватило значительную территорию и отличалось большой силой. Участники его боролись за независимость, против социального гнета и беззакония турецких и иранских властей. Размах восстания вызвал беспокойство не только правительств Турции и Ирана, но и Англии, России, Австрии и других государств.

В исторической литературе (как в буржуазной, так и в советской) не опубликовано специальных исследований на эту тему. Немногочисленные общие работы по истории курдов XIX в. не дают обстоятельного анализа этого восстания.

В предлагаемой работе автор пытается изложить весь ход курдского выступления 1879—1882 гг., выявить социально-экономические и политические причины, породившие восстание 1880 г., а также по мере возможности коснуться армяно-курдских взаимоотношений, без которых трудно было бы правильно понять политику Турции в отношении курдов.

Основой для написания работы послужили неопубликованные материалы, извлеченные из Архива внешней политики России (АВПР), и документы, изданные в английских «синих книгах».

Документы из Архива внешней политики России включают сообщения и донесения русских дипломатических и военных агентов в Эрзуруме, Ване, Диярбакыре, Табризе, Тегеране и других местах. Сведения о курдах, собранные русскими военными агентами и дип-

доматическими представителями в Турции и Иране, в основном имели целью выяснить отношение жителей к официальным властям, определить политическое положение Курдистана и влияние России на курдов. Используемые нами документы хранятся в фондах «Константинопольского архива», «Главного архива» и «Миссии в Персии». Среди этих материалов важное значение имеют дипломатическая переписка и донесения управляющего Генеральным консульством в Азербайджане (в городе Табризе) Шульжевского послу в Тегеране, переписка И. А. Зиновьева, полномочного министра России в Иране, а также многочисленные донесения русского вице-консула в Ване К. П. Камсаракана и управляющего русским консульством в Трабзоне Н. А. Налетова послу в Стамбуле Е. П. Новикову¹. Ценный материал для изучения социально-политического положения курдов перед восстанием 1880 г. содержат и донесения русского вице-консула в Диярбакыре М. Якиманского.

Для освещения темы значительный интерес представляли также документы Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ЦГВИА).

Заслуживают внимания и архивные английские документы, опубликованные в серии «синих книг». Они состоят из большого числа томов, сгруппированных по странам. Материалы, касающиеся социально-экономических вопросов Курдистана, курдских восстаний, представлены вместе с документами о Турции и Иране. Материалы, опубликованные в «синих книгах», тщательно отбирались и подтасовывались, поэтому в них нельзя найти полного и объективного отражения происходивших событий. Безусловно, английский парламент располагал более широкими сведениями. Крайняя тенденциозность в подборе материала и прямая фальсификация в «синих книгах» не раз разоблачались К. Марксом в его работах.

Большинство «синих книг» представляют собой публикацию переписки английских дипломатов, их отчетов и донесений. Благодаря ряду документов, помещенных в «синей книге» (Turkey № 5), мы можем уяснить дея-

¹ Некоторые из этих материалов были использованы и опубликованы П. И. Аверьяновым («Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия», Тифлис, 1900, прил. № 22, 24а).

тельность английских представителей в Курдистане, установить их роль в организации карательных действий турецких и иранских сил.

В исследовании событий периода восстания шейха Обейдуллы значительную помощь оказала пресса.

Автор использовал английские газеты «Таймс», «Дейли ньюс», турецкую газету «Вақыт», армянские — «Мшак», «Ардзаганк» и другие, русские — «Голос», «Кавказ», «СПб. ведомости» и другие газеты за 1880 г.

Однако многие сведения о восстании изложены в прессе весьма противоречиво. Следует учитывать, что большинство газет того времени относилось к курдскому восстанию весьма враждебно, изображая его грабительским движением, организованным курдскими вожаками.

Для изучения восстания шейха Обейдуллы в 1880 г. большой интерес представляет статья К. П. Камсаракана «Вторжение шейха Обейд-Уллы в Персию в 1880 году», изданная в 1884 г.² Во время восстания Обейдуллы Камсаракан был русским вице-консулом в Ване и имел возможность непосредственно следить за ходом подготовки и самим восстанием. Среди материалов Архива внешней политики России большое место занимают донесения Камсаракана. В отличие от своих донесений Камсаракан в статье приводит большой фактический материал с подробным указанием хронологии событий³.

Некоторые сведения почерпнуты нами из сборника «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году»⁴. Хотя статьи в нем посвящены в основном армянскому вопросу, трагической судьбе армян в Османской империи, однако они содержат и значительный материал, освещающий положение курдского населения.

О курдах немалую литературу оставили европейские и американские миссионеры. Помимо своей активной проповеднической деятельности среди местного, в пер-

² «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XI, СПб., 1884.

³ Полный текст статьи в 1893 г. переведен на армянский язык и издан в газете «Ардзаганк» («Эхо») (см.: *Կամսարական, Շէյխ Օբէյդ-Սալանի յարձակումը Պարսկաստանի վրայ 1880 թուին, «Արձագանք», № 115, 1893*).

⁴ «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», М., 1896.

вую очередь христианского населения, они занимались изучением быта, характера и культуры народов Востока. в том числе и курдов. Литературное наследство миссионеров представлено в виде дневников, путевых записок. Интересны в этом отношении дневники двух миссионеров — И. Бишопа⁵ и С. Г. Вильсона⁶, пробывшего в Иране 15 лет. Эти авторы более объективно и подробно излагают отношение Обейдуллы к христианскому населению и к представителям европейских государств. Большую ценность представляет IV глава дневника Вильсона, в которой рассказывается о восстании курдов в Иране под руководством шейха Обейдуллы в 1880 г.

Восстанию Обейдуллы посвящена и статья армянина Багдасаряна⁷. Она опубликована в 1905 г. в связи с 25-летием восстания Обейдуллы. Статья отличается объективностью, и многие новые факты, очевидцем которых был сам автор, будучи в Курдистане по торговым делам, свидетельствуют о дружелюбном отношении Обейдуллы к христианскому населению.

Из работ на армянском языке следует также отметить «Терсим» Андраника⁸ — результат личных его наблюдений во время путешествия по горной стране Дерсима. Особый интерес представляет последняя часть книги, где автор, со слов многих очевидцев и участников восстания дерсимцев против турок, сообщает новые и ценные сведения по интересующему нас вопросу.

В исторической литературе (советской и зарубежной) политической жизни курдов уделялось мало внимания. В ней почти отсутствуют работы об освободительной борьбе курдов в XIX в. Многие историки объясняют этот пробел отсутствием источников и литературы о курдах. Лишь в некоторых книгах наряду с изложением истории Ближнего Востока можно найти отдельные упоминания о курдах. Скупые строки о жизни и освободительной борьбе курдского народа можно найти в работах, посвященных истории курдов, их территории, этно-

⁵ Bishop, *Journey in Persia and Kurdistan*, vol. I, II, London, 1891.

⁶ S. G. Wilson, *Persian life and customs*, New York — Chicago — Toronto, 1895.

⁷ Դ. Բաղդասարյան, Թուրքո-քրդական արշավանքի բանեւէինգամեակը (1880—1905), «Մուրճ», 1906, №№ 2—6, 8.

⁸ Անդրանիկ, Տերսիմ, Ճանապարհորդութիւն և տեղագրութիւն, Թիֆլիս, 1901. (далее — Андраник, Терсим).

графии и другим вопросам. Так, в книгах русских исследователей А. Карцова⁹ и В. Ф. Минорского¹⁰ несколько страниц и абзацев посвящены курдским восстаниям XIX в. В основном эти авторы дают правильную оценку курдским выступлениям. Так, в работе «Курды» Минорский впервые восстание Езданшира называет «настоящим народным движением»¹¹. Примерно так же оценивает Минорский восстание шейха Обейдуллы в 1880 г. Многие положения работ Карцова и Минорского по вопросу освободительной борьбы курдского народа не устарели и по сегодняшний день¹².

Заслуживает особого внимания и исследование П. И. Аверьянова «Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия», где можно найти ответ на многие интересующие нас вопросы.

Русское командование, учитывая важную политическую роль курдов в делах Ближнего Востока, их склонность к поддержке действий русских против Турции, сочло нужным обобщить опыт, приобретенный русскими в течение XIX в. С этой целью начальник штаба кавказского военного округа генерал-майор Белявский поручил капитану Генерального штаба Аверьянову составить исторический очерк о курдах. Так, он должен был выяснить: во-первых, участие курдов в войнах России с Ираном и Турцией в течение XIX в.; во-вторых, показать современное политическое положение курдов; в-третьих, определить перспективы отношений их с Россией при возможных столкновениях России с Ираном и Турцией. Аверьянов писал: «...Весьма желательно, чтобы указания опыта, вынесенные из наших отношений с курдами и действий против них в течение целого столетия, не пропали бесследно, но могли бы принести известную

⁹ А. Карцов, *Заметки о курдах*, Тифлис, 1896.

¹⁰ В. Ф. Минорский, *Курды. Заметки и впечатления*, Пг., 1915.

¹¹ Там же, стр. 9.

¹² В. Ф. Минорским написан о курдах и ряд других работ, как, например: «Древности Маку. Путевые заметки», Пг., 1916; «Келяшин. стела у Топузова и древнейшие памятники вблизи Урмийского озера», Пг., 1917; «Поездка в Макинское ханство в октябре 1905 г.». — «Материалы по изучению Востока», вып. I, СПб., 1909; «Поездка в Марагу и район рек Джагату и Татаву в начале августа 1906 г.». — «Известия Штаба Кавказского военного округа», 1907, № 20; «Kurdes», «Kurdistan», — «Encyclopédie de l'Islam», т. II, Paris, 1927, и многие др.

пользу будущим деятелям и участникам наших будущих войн в Малой Азии»¹³.

Такая постановка вопроса, естественно, должна была наложить отпечаток на профиль работы. Аверьянов обращает свое внимание исключительно на политические события, происходившие во время войн России с Турцией и Ираном, на участие курдов в этих войнах и на курдские восстания против Турции и Ирана. Социально-экономические вопросы в его книге совершенно не рассматриваются.

В то же время, пожалуй, нет другой такой работы по вопросу политического положения курдов. Несмотря на некоторые ошибочные выводы, работа Аверьянова сохраняет свое значение как одна из первых попыток на основе источников изложить освободительную борьбу курдов, их политическую жизнь в XIX в.

Среди трудов зарубежных авторов следует отметить работы Левона Месропа¹⁴, Никитина¹⁵, Э. Б. Сона¹⁶ и других.

Много полезного фактического материала содержится в статье В. Никитина «Рассказ курдов о самих себе», в которой использована курдская рукопись о религии и истории курдов¹⁷.

Заслуживает внимания книга Аршака Сафрастяна «Курды и Курдистан»¹⁸, имеющая обзорный характер. В ней дается достаточно глубокий анализ освободительной борьбы курдов.

Из восточных авторов, работы которых о курдах представляют несомненный интерес, заслуживают упоминания Абдул Азиз Ямулки¹⁹, Шажир Хосбак²⁰, Бледж

¹³ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. II.

¹⁴ Հիւրոյ Մերոյ, *Քուրդիստանի եւ Քուրդերը, Փարիզ, 1957*.

¹⁵ В. Nikitine, *Les kurdes. Etude sociologique et historique*, Paris. 1956.

¹⁶ Э. Б. Сон, *О курдах и их стране*, Урмия. 1917.

¹⁷ См. В. Nikitine, *Les kurdes racontés par eux-mêmes*, — «L'Asie Française», Paris. 1925, № 231, pp. 148—157; Никитин вместе с Соном издал «The tale of Suto and Tato: Kurdish text with translation and notes», — «Bulletin of the School of Orient and Afric Studies», vol. III, pt 1, 1923, pp. 69—106.

¹⁸ A. Sairastian, *Kurds and Kurdistan*, London. 1948.

¹⁹ عبدالعزيز يامولكي، *كوردستان و كورد اخلاصا*، طهران

²⁰ الدكتور شاکر خصباک، *الکرد والمسألة الكردية*، بغداد، ۱۹۵۹

Шерко²¹, Алади Суджади²², Хамза Абдулла²³, Амин Зеки²⁴, Садих Домлоджи²⁵. В своих исследованиях Шакир Хосбак и Бледж Шерко в основном рассматривают борьбу курдов в XX в. Книга иракского ученого Алади Суджади («Курдские восстания»), несмотря на описательный характер (на курдском языке), ценна как первая попытка дать периодизацию освободительной борьбы курдов. В ней главным образом рассматриваются события XX в.

Книга Амина Зеки «Знаменитые курды и Курдистан»²⁶ — результат многолетних исследований автора — представляет интересное изучение истории курдского народа. Этот труд Амина Зеки, как и его другие произведения²⁷, с полным основанием можно считать первым обстоятельным исследованием по истории курдов на курдском и арабском языках, опубликованным в Ираке.

Вместе с тем Амин Зеки, уделив главное внимание описанию фактических событий, не показал роли курдских масс. В центре внимания у Амина Зеки стоят отдельные личности, предводители, а не народ.

В советской исторической литературе восстание 1880 г. на основе большого фактического материала впервые освещается в книге Н. А. Халфина «Борьба за Курдистан»²⁸. Многие важные выводы, содержащиеся в главе «Подъем освободительного движения и выступление Обейдуллы», значительно облегчили нашу работу над темой. Правда, автор подробно не останавливается на описании непосредственного хода восстания курдов

²¹ الدكتور بلهج شيركوه القضية الكردية، القاهرة، ١٩٣٠

²² علاء الدين سجادی، شورشه کانی کورد و کوردستان، بغداد، ١٩٥٩

²³ همزه عبدالله، شورشى بارزان، سليمانى، ١٩٥٩

²⁴ محمد أمين زكى، مشاهير الكرد و كردستان، القاهرة، ١٩٤٧

²⁵ صديق الدمولوجى، أماره بهدينان، الموصل، ١٩٥٢

²⁶ محمد أمين زكى، مشاهير الكرد و كردستان، القاهرة، ١٩٤٧

²⁷ محمد أمين زكى، تاريخ الكرد و كردستان، القاهرة، ١٩٣٠، تاريخ السليمانية، بغداد، ١٩٥١

²⁸ Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан*, М., 1963.

в 1880 г. и на внутренних вопросах восстания. Это не вошло в его прямую задачу; однако читатель по прочтении монографии может получить ясное представление о масштабе и характере восстания. Весьма важные выводы по данной теме содержатся и в историческом труде М. С. Лазарева «Курдистан и курдская проблема»²⁹.

Особое внимание армяно-курдским отношениям уделено в книге М. Г. Нерсисяна «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма в 1850—1870 гг.»³⁰, вышедшей на армянском языке. В ней автор впервые дает правильную марксистскую оценку роли курдских масс и курдских феодалов в освободительной борьбе народов и подтверждает свои выводы новым фактическим материалом из богатой армянской исторической литературы и прессы.

²⁹ М. С. Лазарев, *Курдистан и курдская проблема*, М., 1964.

³⁰ Մ. Գ. Ներսիսյան, *Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ.*, 1955, Երևան.

ПОЛОЖЕНИЕ КУРДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

По своему происхождению курды восходят к древним племенам, которые занимали территорию на западе от восточных склонов Тавра до Загроса, охватывая его северо-западную часть (Курдистанский Загрос)¹.

Гористый характер страны оставил свой заметный стпечаток на развитии курдского народа. Горные хребты, пересекая плодородные долины, мешали общению и упрочению экономических связей жителей. В то же время богатые альпийские луга способствовали тому, что скотоводство с давних времен стало главной отраслью хозяйства основной части курдского населения. В жаркие летние месяцы племена со скотом поднимались на высокогорные пастбища, а глубокой осенью спускались на свои постоянные зимовки. Земледелием занимались жители тех районов, которые были расположены на равнине.

Еще в раннем средневековье многие курдские племена в поисках новых пастбищ постепенно продвигались на север и запад. Продвижение их на север было обусловлено также политическими причинами. После Чалдыранской битвы в 1514 г. и первого раздела Курдистана между Османской империей и сефевидским Ираном султан Селим I с помощью влиятельного курда Молла Идриси для обеспечения безопасности восточных границ от Ирана заселил курдскими племенами всю турецко-иранскую границу от берегов реки Аракса до крайнего юга Месопотамии.

Греческие и византийские авторы характеризовали курдов как народ с воинственным и вольнолюбивым ха-

¹ В. Ф. Минорский, *Курды. Заметки и впечатления*, стр. I

рактором. Их независимое положение не могли сломить в течение десятка столетий ни греко-византийские, ни тюрко-сельджукские, ни татаро-монгольские завоеватели. Даже после раздела Курдистана власть турецких и иранских правителей в этом районе была настолько номинальной, что курдские племена в любое время могли переходить турецко-иранскую границу и признавать подданство другой страны. Курдский историк Шерефхан Битлиси писал: «Величайшие султаны и высокопоставленные вельможи никогда не посягали на их (курдов.— Д. Д.) страну и земли, а ограничивались лишь их подарками, преданностью и послушанием, ибо это было нужно, чтобы пользоваться ими в качестве отрядов вспомогательных войск»². Курды сохранили независимость фактически вплоть до первой половины XIX в.

Занимая выгодное положение в центре Ближнего Востока, Курдистан с древнейших времен считался важным перекрестком сухопутных торговых путей между Европой и Азией. Этим и объяснялось большое политическое и стратегическое значение Курдистана. В XIX в., в период усиления колониальной политики европейских держав на Востоке, сильно возросло и значение Курдистана.

Если в древности и в средние века Курдистан вместе с Арменией был ареной крупных военных действий между соседними государствами и подвергался набегам тюрко-сельджукских и татаро-монгольских орд, то в новое время он стал одним из центров столкновения политических интересов стран Азии и Европы.

* * *

Экономика восточных районов Османской империи в рассматриваемый период находилась в крайне тяжелом состоянии. Глубокий упадок сельского хозяйства в курдских и армянских районах был обусловлен низким уровнем развития производительных сил и условиями феодального способа производства. К. Мак Коан, отмечая низкий уровень сельскохозяйственной техники в Тур-

² См. V. Veliaminof-Zernoi, *Scheref-Nameh ou histoire des Kourdes par Scheref, prince de Bidlis*, t. II. SPb., 1862, p. 34.

ции, сравнивал орудия труда крестьян с мотыгой первобытных времен, которой пользовался библейский Ной³.

Во второй половине XIX в. значительная часть населения Курдистана перешла от полукочевому образу жизни к оседлому, что привело к разложению племенной организации и было связано с экономическими изменениями в хозяйстве. Вождь племени, окруженный малочисленной группой своих людей, беспощадно эксплуатировал простых членов племени. Так, курды, подвластные Джафар-аге, одному из вождей курдского племени в России, обязаны были бесплатно перевозить его огромное хозяйство, обеспечивать его дровами, а также во время бракосочетания приносить в «подарок» одного быка. С. А. Егiazаров писал, что среди народа употреблялось выражение «бык Джафар-аги» как символ тяжелого, обязательного долга⁴.

Обнищанию полuosедлых курдов способствовали тяжелые государственные налоги на скот и недвижимое имущество. Так, племя джаф⁵ платило харджи-хане (подать с дома)⁶. Для взимания харджи-хане часто назначались специальные люди, называвшиеся «вуджух». Иногда в роли вуджуха выступали сами вожди племен. Злоупотребляя своими правами, вуджухи присваивали часть налогов. Кроме харджи-хане курды платили своим вождям многочисленные штрафы.

В еще более тяжелом положении были те курдские племена, например шивезури, пиресани, ревандуз, сюрчи, херки, кюре, зерари и другие, которые жили в Турции, но перекочевывали на летние пастбища в Иран. Они должны были платить налоги двум государствам: десятину — турецким властям, а налог за пользование пастбищами — иранским⁷. Если курды оставались зи-

³ К. Мак Коан, *Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии*, М., 1884, стр. 282.

⁴ С. А. Егiazаров, *Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии*, — «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», кн. XIII, вып. 2, Тифлис, 1891, стр. 16.

⁵ Аширет джаф обитал в Шахризурском районе.

⁶ Хуршид Эфенди, *Сияхэт-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе*, СПб., 1877, стр. 219.

⁷ Правда, следует отметить, что некоторые племена пограничных районов, пользуясь возможностью постоянно переходить границу,

мой на иранских пахотных землях (мэзра), то платили местным властям подать — харджи-хане, размер которой зависел часто от их прихоти⁸.

Под тяжестью налогов и податей некоторые племена все больше оседали на землю, их хозяйства постепенно становились земледельческими. Рассмотрим процесс перехода полукочевого племени джаф к оседлости и земледелию. Джафы зимовали в районе Сулеймание. В 30-х годах XIX в. племя джаф на зимовках имело немного пахотных земель. Полученный урожай не мог удовлетворить потребности племени в хлебе. Поэтому джафы закупали зерно и другие продукты. Но уже в начале 50-х годов отмечалось значительное расширение пахотных земель. Это происходило за счет аренды земель у феодалов на условиях выплаты им ашара и выполнения некоторых повинностей, а также за счет занятия свободных, необработанных земель⁹.

Теперь уже курдские племена не поднимались летом на кочевки, а лишь отправляли туда свои стада. Племя рэмэк, например, постоянно жило в районе Битвейн, а летом стада перегоняло на пастбища горы Кандил¹⁰.

Однако члены племени, имевшие мало скота, все больше привязывались к земле, а если и выходили на кочевку, то только в качестве пастухов или других подсобных работников.

Племенная аристократия эксплуатировала не только соплеменников, но и оседлое земледельческое население, которое, ища защиты своих земель от постоянных набегов кочевников, обращалось за военной помощью к сильным вождям племени. В таких случаях крестьяне-земледельцы обязывались выплачивать вождю подати и по существу попадали в полное подчинение к нему.

Таким взаимоотношениям между верхушкой племени и оседлым населением во многом способствовали и власти. Так, иранские власти с целью привлечения на свою сторону курдских племен из Турции часто предоставляли их вождям большие права. Например, вождь мамашского племени Бейрут-ага получил право на от-

вообще избегали уплаты налогов. Льготы иногда предоставлялись и самими властями с целью привлечь племена на свою сторону.

⁸ Хуршид Эфенди, *Сияхэт-намэ-и-худуд...*, стр. 249—250.

⁹ Там же, стр. 218.

¹⁰ Там же, стр. 256.

куп района Пасва за тысячу туманов. Из этой суммы 200 туманов он брал себе, а 800 — вносил в казну¹¹.

В свою очередь турецкие власти, чтобы привлечь на свою сторону верхушку курдских племен, а также разжечь курдско-армянскую вражду, нередко давали право пользоваться одним и тем же участком земли и армянскому феодалу и курдскому бею¹².

Чтобы держать оседлое население в подчинении, курдская верхушка имела вооруженную дружину, состоявшую в основном из родственников и обнищавших членов племени, которые за свою службу получали пищу, оружие и коней. Дружина использовалась также против соседних мелких полукочевых племен, подчиняя их власти бея и угоняя их стада. В обязанности дружины входил и сбор налогов с населения.

Непрерывная вражда курдских вождей сопровождалась грабежом деревень, гибелью посевов и истреблением оседлого населения.

Влияние племен, которым власти часто оказывали поддержку, имело тяжелые последствия для развития экономики района. Земледельцы, постоянно подвергаясь грабительским нападениям отдельных племен, нередко от оседлого образа жизни переходили на кочевой. Так, оседлые курды рода корхасини (банеи), объединившись, снова стали кочевать¹³.

Причиной перехода к кочевому образу жизни служили также тяжелые поборы и налоги, взимаемые властями, и военные походы правительственных войск. По этому поводу Элизе Реклю писал: «Смотря по положению политических дел, число их (кочевников.— Д. Д.) увеличивается или уменьшается. Если, например, область терпит от грабительства губернатора или от того, что по ней прошли войска, или наты шер-нишины, призывающие к постоянному местожительству и к возделыванию почвы, покидают свои деревни, чтобы начать кочевую жизнь, подобно сахар-нишины; в благоприятные времена племена поселяются на землях, которые им жалуются»¹⁴.

¹¹ Там же, стр. 257.

¹² *Լեւոն, Քրդերի հայ լեզվագրությունների գաղափարաբանությունները, հատոր Ա, Փարիզ, 1934, էջ 41.*

¹³ Г. Акопов, *К вопросу о консолидации курдов как нации* (диссертация), М., 1952, стр. 217.

¹⁴ Э. Реклю, *Земля и люди*, т. IX, СПб., 1887, стр. 168.

Многие земледельческие районы в условиях постоянного притеснения со стороны полукучевых племен превращались в пастбища. Например, местность Абага в Ванском санджаке, где основную массу населения составляли курды-езиды, считалась в прошлом процветающим районом. Но с начала XIX в. население этого района под давлением местных аширетов рассеялось, и район превратился в пастбище для скота¹⁵.

Бедственное положение населения зачастую усугубляла и религиозная верхушка. Пользуясь своей религиозной властью, богатые шейхи сделали свои права неприкосновенными. Малейшее недовольство верующих рассматривалось ими как неповиновение богу. Известны многочисленные факты, когда шейхи грабили хозяйство того или иного верующего бедняка, который несколько запоздал с уплатой подати.

Под видом «защиты безопасности» шейхи часто распространяли свою власть и на немусульманское население, заставляя его платить различные подати.

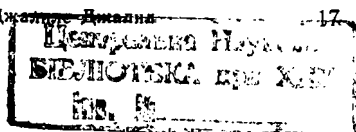
Более того, с целью увеличить свои доходы духовные лица, вожди при поддержке властей не раз разжигали национальную или религиозную рознь среди населения. Однако, если во многих местах, в частности у полуоседлых курдов, эта политика удавалась¹⁶, то иначе обстояло дело среди оседлых земледельцев — армян, курдов, айсоров. Представители армянского народа не раз говорили, что их жалобы относятся не к курдскому населению вообще, а к курдским беям, эксплуатация которых в одинаковой мере распространялась на армян и курдов. Армянский католикос Хримян писал в своей жалобе: «Они (курдские беи.— Д. Д.) считают своими крепостными не только армянских крестьян, но даже и своих единокровцев, которые находятся в руках торунов (людей знатного происхождения.— Д. Д.) как пленники»¹⁷. Об одинаковом притеснении как курдов, так и армян со стороны курдских феодалов говорится и в сообщении из Шатаха¹⁸. В Шатахе все земли были сосре-

¹⁵ Хуршид Эфенди, *Сияхэт-намэ-и-худуд...*, стр. 290.

¹⁶ Социальной причиной таких притеснений в основном служила борьба за пастбища, за новые угонные районы.

¹⁷ *Դիմիւն խոյոց ցանկութիւնի, հտար ԺԳ, էջ 465.*

¹⁸ Интересные факты по этому вопросу см. в кн.: Е. К. Саркисян, *Аграрная политика Османского правительства в западной Армении*, Ереван, 1957.

доточены в руках курдских феодалов. Не только в Шатахе, но и в других восточных районах Турции, всюду встречались крупные курдские землевладельцы. Большие земельные угодья в нахие Санджака принадлежали двум курдским феодалам: Эмир-аге и Хусейн-аге, которые эксплуатировали почти все население этого района ¹⁹.

Курдские беи и шейхи бесчинствовали почти во всех северо-восточных областях Османской империи. В особенно тяжелых условиях находились армянские крестьяне северных районов империи. Не находя никакой поддержки со стороны местных властей, армяне должны были выполнять все прихоти курдских феодалов.

Во второй половине XIX в. заметно усилился процесс укрупнения земельной собственности курдских феодалов. Увеличение земельных угодий происходило за счет расширения наследственных ленов, покупки государственных участков, притеснения соседних немусульманских народов и их переселения и, наконец, насильственных захватов слабых, мелких землевладений.

Безземельные крестьяне юридически были независимы от феодала. Однако экономически они находились почти в полной зависимости от него. Феодал отдавал земли безземельному крестьянину в издольную аренду (ортекчылук). В восточных районах Турции была широко известна разновидность издольщины «мараба». Об издольщине, близкой к мараба, В. И. Ленин писал: «При этой форме особенно явственно выступает черта, свойственная отработочной системе вообще, именно кабальный, ростовщический характер подобного найма на работу» ²⁰.

При этой наиболее тяжелой форме аренды феодал ссужает крестьянина всем: и орудиями производства, и землею, и семенами. По утверждению А — До, при таких условиях во время распределения урожая феодал брал себе $\frac{2}{3}$ его ²¹. Заинтересованный в наибольшей эксплуа-

¹⁹ А. М. Коллюбакин, *Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции*, т. III., ч. 1, отд. 2, Тифлис, 1891, стр. 60.

²⁰ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 192.

²¹ Ա.-Բօ, Վանի, Բիթլիսի և Էրզրումի լիւթիկթիւրը, Երևան, 1912, էջ 276.

тации крестьян, феодал старался лишиться хозяйства рабочего скота и сельскохозяйственных орудий.

Разорив крестьян, феодалы нередко выдавали себя за «благотетелей», отдавая им во временное пользование корову, а также в долг немного пшеницы и ячменя. Но долг феодалу-«благотетелю» ставил издольщиков в постоянную экономическую зависимость от него. Кроме уплаты феодалу доли урожая арендатор был обязан выплатить еще и государственные налоги. А если семья феодала находилась в деревне, семья мараба должна была прислуживать ей. Феодал смотрел на издольщика как на рабочую силу, имел право оскорблять его, бить, даже согнать с земли.

Почти все крестьяне должны были отбывать барщину, работать на феодала бесплатно и т. п. Можно привести множество примеров, свидетельствующих о полной зависимости крестьян от феодала²². Крестьяне деревни Хосан в 1893 г. работали на своего феодала Мухаммед-агу: «30 человек в течение двух дней перевозили его муку, 500 человек убирали его урожай, 50 человек в течение трех дней чинили его дорогу, 450 человек свозили его хлеб в амбары, 150 человек строили ему дом, жители деревни снабжали его сукном, строительными материалами»²³.

Безжалостно эксплуатируя крестьян, курдские феодалы проводили время в пышных пирах или на охоте. А. А. Аракелян справедливо называл их трутнями, умеющими только в совершенстве владеть оружием²⁴. Богатству и праздному образу жизни феодалов Элизе Реклю противопоставлял нищету курдских и армянских крестьян. «Зимние жилища,— пишет Реклю,— как у армян, так и у курдов состоят по большей части из хижин, наполовину подземных, кровли которых, покрытые, едва отличаются от смежной почвы; одни и те же травы растут на доме и на окружающих землях, весной и летом одни и те же цветы распускаются и тут и там.

²² См. Фр. Грин, *Армянский кризис и владычество турок*, — сб. «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», М., 1896, стр. 259.

²³ А. Д. Новичев, *Очерки экономики Турции до мировой войны*, М.—Л., 1937, стр. 61.

²⁴ А. А. Аракелян, *Курды в Персии*, — «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», кн. XVII, Тифлис, 1904, стр. 13.

Если бы не видел пирамид высохшего навоза, возвышающихся подле каждого жилья, то прошел бы по деревне, не замечая ее существования. Некоторые могущественные шейхи курдов обладают большими каменными домами, имеющими даже мраморные каминны...»²⁵.

С развитием товарно-денежных отношений положение крестьян еще более ухудшалось. Многие феодалы, связанные с рынком, требовали от крестьян уплаты налогов деньгами, а не натурой. Затруднения при перевозке урожая на городской рынок заставляли крестьян пользоваться «помощью» специальных скупщиков. Скупщиками большей частью были крупные ростовщики, располагавшие значительными денежными средствами.

Обременительные налоги, обнищание и разорение крестьян приводили к тому, что они не могли больше выплачивать подати, запастись семенами на следующий год и потому вынуждены были обращаться к ростовщикам, попадая в зависимость от них. Число и размеры налогов постоянно увеличивались. Основным налогом была «десятина» (ушр, или ашар). Она взималась сельскохозяйственной продукцией: официально в размере 10% зерна, сена, овощей, фруктов²⁶. Но фактически «десятина», как правило, превышала 10% урожая. Так, в 1867 г. взималось 15%²⁷, в 1868—1870 гг.— 12,5%²⁸.

Ашар собирался не непосредственно администрацией, а через откупщиков. Крупным откупщиком ашара в Турции, например, было Управление Оттоманского банка²⁹. В свою очередь крупные откупщики раздавали район на откуп более мелким. В роли мелких откупщиков часто выступали феодалы. Откуп одного района нередко составлял четыре-пять степеней³⁰. Такая система сбора налогов ложилась тяжелым бременем на плечи крестьян. «Зло этого налога,— писал Карлайль Мак Коан,— заключается не столько в его форме и

²⁵ Э. Реклю, *Земля и люди*, стр. 305.

²⁶ Я. Д. Малама, *Описание Эрзерумского вилайета*, СПб., 1874, стр. 28.

²⁷ К. Мак Коан, *Наш новый протекторат...*, стр. 289.

²⁸ АВПР, ф. «Главный архив, V—A₂», 1872 г., д. 1083, л. 7.

²⁹ А. Ростковский, *Налоги в Турции (Донесение консула в Бигони)*, — «Сборник консульских донесений», вып. VI. СПб., 1899, стр. 534.

³⁰ К. Мак Коан, *Наш новый протекторат...*, стр. 290.

размере, сколько в способах его взимания»³¹. Размер налога, собранного с населения, намного превышал сумму, выплаченную за откуп. Крестьяне содержали собирателя ашара (ушурджи) и сопровождавших его лиц, которые к тому же получали диш-парасы, т. е. плату за то, что ушурджи «утруждал себя едой», как в насмешку говорили крестьяне, и сбором налогов.

Обременительным был также имущественный налог, который в разных районах страны был различен (налог на собственность, на дома, подоходный, подушный налоги). «Армяне и курды,— писал русский консул в Эрзуруме в своем донесении,— его платят, но смысла его и самого расчета большая часть из них отнюдь не понимает»³². Пользуясь этим, сборщики налогов обкрадывали крестьян. При сборе налога не принималось во внимание уменьшение числа жителей в деревнях и состояние их имущества. Поэтому крестьяне со своими семьями уходили в другие деревни или города, чтобы не платить налога за отсутствующих или умерших односельчан.

Тяжелым налогом для скотоводов был хамчур³³. Этим налогом облагались лица, имевшие овец, коз, свиней и крупный рогатый скот. Сбор его также отдавался на откуп. Сначала он взимался натурой (за десять голов скота брали одну³⁴), а затем деньгами (3 пиастра за одну голову скота), что еще больше усугубляло нищенское положение скотовода. Русский консул в Эрзуруме по поводу тяжести взимания хамчура деньгами пишет: «Часто случается, что бедный поселянин предлагает сборщику: «Возьми ягненка, возьми козленка — нет у меня денег!» На это сборщики хамчура отвечают: «На что мне твой козленок, он и со шкурой не стоит 3 пиастров. Подавай деньги, наличные деньги»³⁵.

По некоторым данным, доходы от хамчура в Эрзурумском вилайете в начале 70-х годов составляли 10 млн. пиастров. Многие оседлые курды, которые занимались

³¹ Там же, стр. 289.

³² АВПР, ф. «Главный архив V—A₂», 1872, д. 1083, л. 12.

³³ Карлайль Мак Коан называет этот налог «сайме» (см. «Наш новый протекторат...», стр. 294), Малама налог на овец и коз называет «агнам» (см. «Описание Эрзерумского вилайета», стр. 31).

³⁴ К. Мак Коан. *Наш новый протекторат...*, стр. 294.

³⁵ АВПР, ф. «Главный архив V—A₂», 1872, д. 1083, л. 13

главным образом скотоводством, часто вынуждены были уходить из деревни, возвращаясь к прежнему, кочевому образу жизни, чтобы только избавиться от хамчура. В курдской деревне Нуршин (Мүшская долина), ранее состоявшей из 400 дворов, осталось лишь 50. К тому же эти 50 дворов подвергались постоянным набегам моткинских и хутских кочевых курдов. «Норшинские курды,— писал русский консул в Эрзуруме,— мне говорили: «В Мотке хорошо, там хамчура нет. В солдаты тоже не берут. Моткинский каймакам хотя и есть, но он туда и показаться не смеет. Он живет и получает жалованье в г. Ахлате»³⁶.

Кроме приведенных выше налогов с курдского крестьянина взимались различные пошлины и поборы, число которых доходило до 40. Например: сбор с соли, с рыбной ловли, пошлина на привозимый в город лес, на право окраски тканей в городе в синий цвет, судебные пошлины, процентный сбор за переход недвижимого имущества (тапу) и многие другие.

Наиболее тяжелой была пошлина (карагюмрюк) на ввозимые продукты питания. Эта пошлина действовала даже во время голода, препятствуя ввозу в голодающие районы страны хлеба или других продуктов питания. Карагюмрюк мешал упрочению экономических связей турецких районов, пагубно влиял на местную торговлю. Эта пошлина была отменена лишь в 1874 г.

Как уже отмечалось, губительным для крестьян был не только размер, но и способ взимания податей. Они собирались не в какое-либо определенное время года, а по желанию администрации или по настоянию Порты. В случае несвоевременной доставки денег ко двору следовали угрозы мутесарифам и каймакамам о смещении их с должности. Чиновники, опасаясь этих угроз, нередко в течение года собирали по нескольку раз один и тот же налог. Они, учитывая шаткость своего положения, в первый же год наживались за счет грабежа населения, а затем давали взятки вышестоящим и тем самым обеспечивали себе право хотя бы на временное правление. В Миандоабском районе в Иране в течение двух лет сменилось пять каймакамов. Каждый из них

³⁶ Там же, лл. 14—15.

успевал за время пребывания на своем посту изъездить весь район, по дороге вымогая деньги и подарки³⁷.

Таким образом курдский крестьянин в Турции одновременно эксплуатировался и государством и своими феодалами — ага и беями. Все это привело к тому, что курды стали подниматься на борьбу за свои права.

Освободительная борьба курдского народа против турецких властей из-за феодальной раздробленности курдских племен постоянно кончалась неудачей. Турецкие власти находили поддержку у своих союзников в лице европейских стран, проводивших колонизаторскую политику.

³⁷ «Correspondence respecting the populations in Asia Minor and Syria, Turkey, № 10 (1879)», London, 1879, p. 57.

В XIX в. Османская империя, объединявшая под властью султана многие народы европейского и азиатского континентов, переживала острый политический и экономический кризис. Военная мощь империи уже давно ушла в область предания. Освободительные выступления угнетенных народов, возникавшие то на западе, то на востоке империи, сделали неминуемым ее распад.

Попытки султанов сохранить путем реформ государственную целостность не имели успеха. Балканские народы после каждой войны Турции с Россией усиливали борьбу и добивались признания своих прав.

Пользуясь военным, экономическим и политическим ослаблением Порты, великие европейские державы все больше вмешивались в ее дела, пытаясь связать свои колониальные интересы с судьбой народов, борющихся за свою независимость. Вопрос «оттоманского наследства» затрагивал интересы многих европейских держав.

Власть султана над арабским, армянским и курдским народами значительно ослабла в результате успехов египтян в 20—30-х годах XIX в. В Курдистане, например, она была номинальной. В первой половине XIX в. им по существу управляли курдские феодальные династии — равандузская, бохтанская, битлисская и другие. Сепаратистские тенденции этих родов серьезно беспокоили Порту, особенно в пограничных землях. Большая турецкая армия, возглавлявшаяся Рашид-пашой, должна была водворить «спокойствие» в этих районах. Однако курды и армяне оказали турецким войскам упорное сопротивление.

Антитурецкие настроения среди курдов после кровавой деятельности Рашид-паши и Хафиз-паши настолько усилились, что во время Крымской войны в Курдистане поднялось восстание, которое грозило Порте серьезными последствиями. В подавлении этого восстания немалое участие приняла Англия — союзница Турции в Крымской войне.

Эта война еще более ослабила Турцию и способствовала дальнейшему ее подчинению европейским державам. Они вмешивались во внутренние дела, осуществляли финансовый контроль почти во всех областях экономики. Страна была разорена, опустела казна, из-за военных действий многие земли стали непригодными для посевов, была нарушена экономическая жизнь некоторых важнейших районов, всюду можно было встретить дезертиров, усилились грабежи и разбой. В этих условиях в 1856 г. султан обнародовал рескрипт, известный под названием «хатт-и хумаюн». Хатт-и хумаюн не оправдал надежд народа; наоборот, он поставил страну в большую зависимость от иностранного капитала. Кроме того, государство увеличило налоги. Все это вызвало сильное недовольство населения, особенно там, где происходили военные действия.

Потерявшие надежду найти себе средства существования армяне и оседлые курды во многих районах продавали свое последнее имущество, дома и покидали родину. Эмиграция в 1873 г. стала настолько массовой, что начала серьезно беспокоить многих турецких правителей. Эрзурумский мушир Самих-паша немедленно предписал каймакаму Басина, во владениях которого особенно участились случаи ухода населения, лично побывать в деревнях, уговорить жителей подписать мазбат о преданности султану и заявление, что они и «не помышляют оставлять прекрасную Турцию»¹. Скоро, однако, каймакам вынужден был отправить муширу телеграмму о том, что армяне Басина наотрез отказались подписать мазбат.

Необходимо было новое пополнение числа налогоплательщиков. Было решено насильственно превращать курдские полукочевые племена в оседлые. Новый проект

¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1873, оп. 517, д. 732 л. 59 об.

«водворения» вызвал серьезное волнение среди курдского населения Эрзурумского, Карского, Баязитского, Ванского и Мушского санджаков. Главную опасность «водворения» курды видели в том, что теперь они должны были помимо государственных налогов поставлять и военных рекрутов. Курдские племена готовы были восстать или в крайнем случае перейти границы России и Ирана, о чем их представители намекали русским дипломатам.

Самих-паша готовился подавить сопротивление курдов с помощью турецких властей. Эта подготовка мушира вызвала новые серьезные волнения среди населения. «Здесь собирается гроза, с которой не совладеть турецкой силе», — писал из Эрзурума в марте 1873 г. Обермиллер послу России в Константинополе Н. П. Игнатьеву. Предположение русского консула не было лишено основания, ибо курдские племена и так несли тяжесть налогового бремени. Только от курдов Карского санджака в последней четверти XIX в. государственная казна ежегодно получала 720 тыс. пиастров².

Ситуация еще больше осложнилась тем, что турецкие войска в это время заканчивали военные действия против курдов и армян горных районов Гевара и Вана и готовились к переброске на север против полукочевых племен. Армией, действовавшей на юге, руководил Исмаил-паша (курд из Карса), человек, «до фанатизма преданный турецкому султану, жестокий и беспощадный в отношении своих соплеменников»³. Жертвами его жестокости стали курды районов Эгиля, Ахджакенда, Бохтана, Джезире и многих других мест.

Напряженное положение в северо-восточных районах Османской империи вынудило великого везира Эссада-пашу сменить мушира Самих-пашу с поста правителя Эрзурума и назначить на его место Мустафу Фосфора⁴. Новый мушир оказался намного слабее, трусливее своего предшественника. Нерешительность Фосфора, по утверждению современников, была вызвана боязнью потерять свое место. Но и примиренчество нового прави-

² Там же, л. 62 об.

³ П. И. Аверьянов. *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. 158.

⁴ Мушир Самих-паша был назначен правителем в Алеппо.

теля не могло ослабить ненависть населения к турецкому игу.

С особенной ненавистью к турецким властям относились в местах со смешанным армяно-курдским оседлым населением, в северо-восточной части Киликии, Зейтунском и соседних с ними районах. В 1875 г. началось восстание зейтунских армян, что предопределило их позицию в будущей русско-турецкой войне. Взялись за оружие также курдские племена Албистана, Аччи и других районов.

Весьма опасный для Порты характер носили события в Дерсиме, горном районе, расположенном между реками Карасу (приток Евфрата) и Мурадчай.

Дерсимские курды вместе с армянами активно сопротивлялись турецкой администрации и до 70-х годов фактически сохраняли свою независимость.

В 50—60-х годах, завершив завоевание сравнительно легко доступных районов Дерсима, турецкие правители пытались усилить наступление на центральные горные районы. Но убедившись, что только силой оружия подчинить курдов Дерсима не удастся, обратились к политике «кнута и пряника». Используя вражду между вождями отдельных курдских племен, они подарками и посулами стали привлекать к себе некоторых беев. Политика разжигания раздоров, проводившаяся турецкими властями, не осталась бесплодной. В письме русского консула в Эрзуруме, адресованном послѣ в Стамбуле, например, упоминается о том, что мушир Эрзурума Самих-паша «успел разделить тамошних курдов на две враждебные партии, из коих одна ищет защиты, покровительства и подарков от правительства»⁵. Эти подкупленные беи обязывались платить подати и посылать своих людей в армию.

Отсутствие в Дерсиме пригодных для переброски артиллерии дорог мешало действию турецких карательных экспедиций. Поэтому турецкие власти намеревались заставить продавшихся беев строить дороги от Диярбакыра до Эрзинджана через Пломур, Хозат, Малазгирт и Палу. Хитрый мушир Самих-паша, который надеялся, что дороги облегчат покорение Дерсима, был одним из рьяных сторонников этого строительства.

⁵ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, прил., стр. 71.

Самих-паша обещал дерсимским курдам, не платившим податей, «счесть курдскую работу на шоссейной дороге за недоимки и обязался со своей стороны снабжать дерсимских работников только хлебом»⁶. По распоряжению мушира на постройки дорог было немедленно выделено 80 тыс. кисе.

Однако и это не помогло туркам. Бей, сотрудничавшие с Портой, теряли авторитет и влияние среди курдов, а многие из них даже поплатились жизнью за предательскую политику. В частности, дерсимский каймакам Гюляби-бей в 1875 г. был убит восставшими курдами⁷. «Дерсимские курды возмутились против изменников — своих собственных шейхов — и отказываются строить шоссе»⁸, — сообщал русский консул в Эрзуруме.

Большое влияние на положение в Курдистане, как и в Армении, оказывало обострение отношений между Россией и Турцией.

С 1875 г. начался новый политический кризис Османской империи. В западных областях империи восстали славянские народы. Положение обострялось тем, что здесь сталкивались интересы России, Австро-Венгрии, Англии и других стран. Восстание в Герцеговине и Боснии встретило сочувствие Сербии и Черногории. Скоро к восставшим присоединилась и Болгария. Турки стремились сохранить свое господство над славянскими народами, а крупные державы спорили за приоритет во владении проливами Черного моря. То был «вопрос о дальнейшей судьбе турецкого господства в областях со славянским, греческим и албанским населением, а также спор из-за обладания входом в Черное море...»⁹.

В такой обстановке Порты стремилась предотвратить восстание на востоке страны. Более того, она пыталась завоевать симпатию курдских племен и особенно их вождей. С этой целью были пущены в ход посулы, подкупы, интриги. Опытный и хитрый эрзурумский мушир Самих-паша энергично взялся за подготовку регулярной кавалерии из курдов для их участия в назревавшей

⁶ АВПР. ф. «Главный архив V—A₂», 1873. д. 1085, л. 5.

⁷ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, прил., стр. 72.

⁸ АВПР. ф. «Главный архив V—A₂», 1873. д. 1085, л. 24.

⁹ Ф. Энгельс, *Внешняя политика русского царизма*, — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 22, стр. 49.

войне. Однако вести, полученные Самих-пашой от разных губернаторов (мутесарифов), были весьма неутешительными. Так, 29 октября 1876 г. он получил срочные телеграммы от ванского и мушского мутесарифов, в которых сообщалось, что курды отказываются предоставить требуемое число редифов, а в Кузиджане даже оказали сильное сопротивление.

Тогда Самих-паша откомандировал к племенам зиланли и касканли для набора курдов в армию чиновника Бакир-бея Хатуноглы. Эти племена пообещали ему выделить отряд в 1600 человек.

Однако выполнить свое обещание они не торопились. Обеспокоенный Самих-паша в начале февраля 1877 г. отправил к племенам Ибрагим-пашу (одного из преданных Порте курдских вождей). Но, несмотря на угрозы Ибрагим-паши, курды не собирались формировать отряд и послали своих представителей к русским для переговоров.

Особое внимание уделял Самих-паша курдам Дерсима, которые представляли собой ненадежный тыл для турецких властей¹⁰. Он вызвал к себе Хусейн-бея, каймакама Кузиджана, и потребовал от него выставить 10-тысячный отряд курдов. В ответ на это бей потребовал огромную сумму золотом, коней, вооружения и экипировку. Курды, подвластные Хусейн-бею, неодобрительно отнеслись к этому решению и объявили, что они не будут ни выставлять войска, ни платить налоги. «Если это — война за защиту родины, то мы не нуждаемся в султанской помощи. Нашу родину мы и без султана можем защитить»¹¹, — заявили они.

Правитель центрального Дерсима, шейх Сулейман, воспользовавшись обострением положения на Ближнем Востоке, отказался вообще признавать турецкие власти и подчиняться им. Он имел хорошо вооруженное 12-тысячное войско, которое защищало пять укрепленных крепостей. Некоторые из влиятельных курдских беев стремились упрочить свои позиции установлением связей с русскими военачальниками. Так, каймакам Хозата Мансур-ага, узнав о сосредоточении русских войск в районе

¹⁰ Казами Эрзинджан, Кемах, Кузиджан, Оваджык, Малазгирт, Куручай и Хозат до русско-турецкой войны управляли курдские каймакамы, назначенные турками.

¹¹ Андраник, *Дерсим*, стр. 217.

Александрополя, послал своего доверенного к ним и предложил свои услуги в случае, если русские вступят на территорию, соседнюю с Дерсимом ¹².

Отношение дерсимских курдов к русско-турецкой войне ярко выражено в письме сына одного из влиятельных курдских беев, Мухаммед-бея Козанооглы, написанном спустя десять лет после окончания войны. В этом письме Козанооглы просил у русского царя посредничества перед Портой для освобождения его семьи, подвергшейся преследованиям турецких властей и сосланной из-за активной помощи русским во время войны ¹³.

За военными приготовлениями в Османской империи внимательно следила Англия. Опасаясь повторения событий времен Крымской войны, когда курдское население во главе с Езданширом подняло антитурецкое восстание, англичане принимали все меры к тому, чтобы мобилизовать ресурсы Курдистана для войны с Россией. С этой целью они настойчиво добивались от турецкого правительства немедленного удаления оттуда всех влиятельных курдских руководителей. В этой связи русский консул в Эрзуруме Обермиллер еще в 1873 г. писал: «В нынешнем курдском вопросе играют главную роль не турки, а англичане. Английский мой коллега имеет точнейшие инструкции по вопросу об уничтожении теперь раз и навсегда курдского сопротивления даже вопреки желанию самих доброхотных турок» ¹⁴.

Английский консул в Эрзуруме по поручению посла в Стамбуле Эллиота ездил по всему Курдистану для сбора сведений о влиятельных курдских вождях, опасных для Турции.

Настаивая на удалении курдских вождей из Курдистана, англичане одновременно не отказывались от привлечения их на свою сторону путем подкупа или обещаний. Вместе с тем они всячески старались отвлечь внимание армян и других христианских народов от надежды на освобождение.

Действия английской дипломатии не имели успеха. В Стамбуле весьма неохотно относились к предложениям

¹² П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, прил., стр. 83, 84.

¹³ АВПр, ф. «Посольство в Константинополе», 1883—1885. д. 7608, лл. 4—15.

¹⁴ АВПр, ф. «Главный архив V—A₂», 1873, д. 1085, л. 8.

Англии об удалении курдских вождей из Курдистана. По мнению ряда турецких деятелей, такие резкие меры могли служить поводом для новых волнений, а также обострить и без того напряженное положение в северо-восточных и восточных районах Анатолии.

Политика России на Ближнем Востоке отличалась сравнительной умеренностью. Еще не оправившаяся после Крымской войны Россия не хотела идти на открытый конфликт с европейскими странами.

Для народов Ближнего Востока, в частности для армян и курдов, боровшихся за национальное освобождение, большое моральное и политическое значение имела поддержка Россией освободительной борьбы балканских народов.

О доброжелательном отношении курдских руководителей к России свидетельствовало письмо Лорис-Меликова генерал-майору Павлову от 2 декабря 1876 г., где он писал, что курдские старшины отправляли к нему в Александрополь «своих родственников и доверенных людей с заявлением полнейшей готовности служить нам по-прежнему, причем спрашивали даже указаний, что следует сделать в настоящее время»¹⁵.

В то же время русские военачальники придавали большое значение участию курдов в войне, правильно оценивая их значение для Турции: «...Ни кавказские выселенцы, ни дагестанские горцы не были так важны для турецкого правительства, как его собственные будто бы подвластные курды разных племен и наименований»¹⁶.

Русские военные руководители считали, что курды в этой войне выступают против турецких властей. В этом их убеждала ненависть, «которую курды питали из рода в род к своему сюзерену, игнорируя при этом всякую его власть над собой». Однако в России прекрасно понимали, что турецкое правительство постарается привлечь курдов на свою сторону, так как оно хорошо помнило восстание Езданшира. Учитывая все это, генерал-адъютант Игнатьев в депеше от 23 ноября 1876 г. отмечал, что «кавказскому начальству необходимо заручиться сочувствием курдов и завязать с ними тайные сношения по

¹⁵ П. И. Аверьянов. *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, прил., стр. 98.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 485, д. 1243, л. 15 об.

примеру прежних войн — иначе заискиванием турецкой администрации, английскими интригами удастся восстать против нас все воинственное курдское население»¹⁷.

К началу войны с Россией турецкая армия была явно не подготовлена: не хватало солдат, ощущался острый недостаток в обмундировании, снаряжении. Именно в таком положении и застал командующий армией Файк-паша регулярные войска по прибытии в Ван. Впоследствии он писал, что нашел в Ване «вместо 60-тысячной армии лишь 370 полуодетых солдат, эскадрон кавалерии с большим неукомплектом лошадей и одну горную батарею»¹⁸.

В 1877 г. положение несколько изменилось. Согласие влиятельного курдского вождя шейха Обейдуллы участвовать в войне привлекло на сторону Турции многих курдов.

Как отмечает русский консул в Эрзуруме Иванов в своей записке о курдах Бохтана, ни сам Обейдулла, ни его дед шейх Хусейн, ни отец шейх Та никогда не проявляли враждебного отношения к русским; наоборот, они всегда были в оппозиции к Турции «и постоянно принимали под защиту и охрану тех месопотамских династий, которые восставали против правительства»¹⁹.

Тогда чем же объясняется согласие Обейдуллы участвовать в военных действиях против русских?

Чтобы не допустить усиления русского влияния на население восточных районов империи, Турция объявила священную войну за веру — «газават». Шейх Обейдулла, как глава одного из крупнейших мусульманских орденов, конечно, не мог не откликнуться на этот призыв. Вместе со своими тремястами последователями (мюридами) он отправился на север, ближе к линии фронта, где вскоре и начались военные действия. Вероятно, его действия были обусловлены также политическими мотивами: желанием использовать войну между Россией и

¹⁷ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, прил., стр. 96.

¹⁸ «Материалы для истории войны 1877—1878 гг. в Азиатской Турции. Процесс Файка-паши, начальника Ванского и Баязетского отрядов», пер. с турец., СПб., 1879, стр. 46.

¹⁹ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, прил., стр. 90.

Турцией для расширения сферы своего влияния, а также стремлением стать во главе курдских отрядов, чтобы в дальнейшем использовать их для своих антитурецких планов.

Турецкие власти, испытывая трудности в обеспечении армии, стремились использовать прифронтовые районы для снабжения войск необходимыми припасами. Курды района Баязита должны были беспрекословно выполнять все налоговые повинности, снабжать турецкие войска продовольствием. «В пользу ожидающих войск,— писал генерал-лейтенант Тер-Гукасов Лорис-Меликову,— каждое семейство Баязитского санджака обязано теперь же дать назначенным от начальства лицам: курды — по два барана, по батману (16 ф.) масла и по паре шерстяных носков, а оседлые жители, если не могут дать требуемого натурой, то деньгами»²⁰.

В период военных действий появилась еще и такая тяжелая повинность, как содержание солдат, расквартированных по домам крестьян. Размещение солдат на постой вменялось в обязанности каймакамов. Неорганизованность снабжения войск продовольствием, задержка жалования солдатам и офицерам явились причиной грабежа, мародерства.

Из-за бессмысленных расходов султанского двора государственная казна опустела. В результате власти прибегали к займам. Военачальники вынуждены были обращаться к состоятельным горожанам в Эрзуруме за займами, чтобы выдать солдатам жалованье²¹.

В ряде случаев турецкие власти умышленно использовали регулярные войска для прямого грабежа населения, для устрашения и наказания тех, кто оказывал им сопротивление. В этих же целях они пытались использовать и иррегулярные войска, главным образом курдские отряды. Так, Мухтар-паша в телеграмме командующему армией Файк-паше прямо указывал на необходимость наводнить Эриванскую провинцию турецкими иррегулярными войсками, которые были заражены «духом грабительства»²². Кроме того, иррегулярные войска

²⁰ Там же, стр. 176.

²¹ С. О. Кишмишев, *Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг.*, СПб., 1884, стр. 22.

²² П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. 195.

использовались для неожиданных налетов на фланги и передовые отряды русских. Однако участие в военных действиях не отвечало желаниям курдов. Поэтому с первого же дня войны они проявили неповиновение своим руководителям — шейхам и при первом же удобном случае покидали поле боя, унося с собой оружие и военное снаряжение.

В телеграмме Файк-паши, отправленной Мухтар-паше 17 июля 1877 г., чувствовалась большая тревога по поводу того, что курды, подвластные шейху Обейдулле, намеревались разойтись из-за недостатка продовольствия и отсутствия палаток. Оставляя свое старое оружие, они подбирали исправное и уносили с собой вместе с другими вещами.

Вскоре курды начали уходить уже целыми отрядами. Только 17 июня из-под Баязита ушли самовольно 1500 человек; к ним присоединилась еще 1 тыс. курдов из других мест²³. К моменту осады Баязитской крепости у Обейдуллы из 5 тыс. человек, входивших в состав иррегулярной армии²⁴, остались 1443 человека, т. е. в три раза меньше. Это заставило Обейдуллу оставить осаду и самовольно возвратиться в Баргири.

Нередко бывали случаи прямого отказа курдов сражаться на стороне турок. Часто они просили русских принять их в свою армию²⁵. Очевидец военных действий на Кавказском фронте английский капитан Норман в своей работе, посвященной русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с сожалением пишет, что курды не оправдали ожиданий турок своим пассивным участием в войне²⁶. Турецкие власти, потеряв по существу контроль над курдскими силами, на второй год войны временно приостановили формирование иррегулярных частей.

Успехи русских войск под Карсом, у Баязита и в других районах оказали большое воздействие на политическую обстановку в Курдистане, активизировав анти-турецкие настроения курдского населения. В своей записке консул в Эрзуруме Иванов сразу же после паде-

²³ Там же.

²⁴ З. Б. Колюбакин, *Русско-турецкая война 1877—1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии*, ч. I, СПб., 1906, стр. 67.

²⁵ «Мирское слово», 1877, № 18, стр. 138.

²⁶ Norman, *Armenia and the campaign of 1877*, London—Paris—New York, 1878, p. 292.

ния Карса извещал: «...Уверен... в том, что Курдистан озабочен теперь замыслами к восстанию и готовится к тому»²⁷.

Ряд событий в горном районе Дерсима является лучшим подтверждением слов русского консула.

Если Порте во время войны удалось все-таки включить в ряды своей армии немного курдских отрядов и привлечь на свою сторону некоторые полукочевые племена, ищущие в этой войне грабежа и мародерства, то Дерсим был, как пороховая бочка. Нужен был только благоприятный момент, чтобы она взорвалась.

Влиятельный бей Козана, который отказался предоставить правительству 25-тысячную армию, на требование Порты пропустить османские войска к театру военных действий поспешил занять с помощью курдов пути к Карсу, Токату, Сивасу и Эрзуруму и задержать продвижение войск²⁸. Положение в Дерсиме было настолько опасным, что Порта сочла необходимым направить туда войска для «наведения порядка». Однако они встретили сильное вооруженное сопротивление населения.

Любопытно отметить, что английский вице-консул в Трабзоне Биллиоти, несмотря на свое в целом враждебное отношение к курдам Дерсима, в одном из донесений вынужден был признать, что курды восстали с целью «стать независимыми» и происходившие события в Дерсиме нельзя сводить к грабежу²⁹.

Против дерсимских повстанцев действовала главным образом 4-я турецкая армия, к которой присоединились отдельные местные турецкие отряды. Основные действия развернулись у подножия гор Тужик и Хут, где сконцентрировались все жители, бежавшие от турецких войск³⁰.

Сопrotивление курдов имело организованный характер. Жители деревень Дерсима, которые находились на пути продвижения турецких войск, забрав имущество,

²⁷ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, прил., стр. 87.

²⁸ АВПр, ф. «Посольство в Константинополе», 1883—1885, л. 7608, л. 8.

²⁹ «Further correspondence respecting the affairs of Turkey, Turkey, № 54 (1878)», р. 87.

³⁰ Книга Андраника «Терсим» — единственный для нас источник, подробно описывающий эти события. Однако при изложении их он не указывает дат.

переселялись в горы Тужик и там готовились к активным действиям. Когда 4-я турецкая армия, сжигая покинутые жителями деревни, подошла со стороны Хозата к горе Тужик, началась борьба, которая продолжалась три дня. Курды обратились за помощью к соседним племенам, однако те сами находились в трудном положении. В критический момент к осажденным на помощь подошли курды-храни и армяне-мирага. Объединенные силы курдов и армян вынудили турок отступить в долину Пах³¹. Но, получив подкрепление, турецкие войска возобновили наступление. Произошло сражение, в результате которого турки обратились в бегство. После этого поражения турецкие власти послали новые силы для подавления сопротивления курдов Тужика. Один из участников этих сражений сообщил Андранiku следующее: «После победы только пять дней прошло, как османская армия снова возвратилась и начала яростное наступление. Турки вели сильный артиллерийский обстрел горы. Борьба длилась 15 дней, обе стороны упорно сражались. Но после того как турки увидели, что огнем невозможно нас покорить, они решили оставить нас без воды и пищи, чтобы заставить сдаться»³².

В этих условиях среди осажденных возникли разногласия по поводу путей дальнейшей борьбы. Одни говорили, что нужно оставить Тужик и укрепиться в Хути-Тересе, другие — что этот путь может стать причиной поражения.

В результате разногласий часть осажденных, прогнав кольцо, перешла в Хути-Тересе. Турецкие войска, воспользовавшись ослаблением сил дерсимцев, предприняли решительное наступление, захватили Тужик и учинили зверскую расправу над повстанцами. Однако и после падения Тужика курды не прекратили сопротивления и вели партизанскую борьбу в районе Эрзинджана.

На ход восстания курдов Дерсима большое влияние оказали успехи русских войск на Кавказском фронте.

Курдские вожди часто обращались к русским с предложениями о совместных действиях. «Я узнал из

³¹ Об этом сражении среди народа сохранилось много песен.

³² Андраник, *Дерсим*, стр. 222.

достоверного источника,— пишет Библиоти в другом своем донесении,— что курды Дерсима после возвращения из армии Мухтар-паши вступили в связь с русским войском и, надеясь на их наступление на Эрзинджан, восстали»³³.

Однако попытки восставших объединить свои военные силы с продвигающимися русскими войсками по ряду причин не удались. Между тем турецкие войска, продолжая продвигаться по территории Дерсима, повели наступление на массив Хути-Тересе, являвшийся цитаделью для восставших курдов и армян.

В ущелье Минзур восставшие нанесли серьезные поражения туркам и вынудили их прекратить наступление. В результате этих и других неудач турецкие власти были вынуждены снова отказаться от мысли об окончательном подчинении Дерсима.

Дерсимцам удалось отстоять свою относительную независимость ценой крови тысяч жителей и храбрых воинов — курдов и армян. В районах, захваченных турецкими войсками, после их ухода оставались лишь развалины.

Одной из характерных черт восстания дерсимцев являлся его массовый характер. В нем участвовали представители разных племен и народов и разных классов — все население от мала до велика, мужчины и женщины. Турецкие офицеры, боровшиеся против дерсимцев, например, отмечали, что как мужчины, так и женщины обычно сражались с отчаянной храбростью³⁴.

Освободительная борьба в Дерсиме влияла на борьбу в других частях Курдистана, особенно в его центральных районах — Хакяри, Бохтан и Джебзире.

Дерсимское восстание, возникшее стихийно в результате попыток турецких властей поднять курдов во время русско-турецкой войны против России, окончилось тем, что курды сохранили свое независимое положение. Это сыграло в дальнейшем важную роль в истории анти-турецкого движения курдского народа.

Переговоры о перемирии между Турцией и Россией, начатые весной 1878 г., остановили успешное продвиже-

³³ «Further correspondence respecting the affairs of Turkey, Turkey, № 54 (1878)», p. 86.

³⁴ F. Millingen, *The wild life among the Koords*, London, 1870, p. 150

ние русских войск в глубь северо-восточных районов империи.

Несмотря на то большое место, которое занимали курды в политике Турции, Англии, России и других держав, ни в период войны, ни во время Сан-Стефанских мирных переговоров, ни на Берлинском конгрессе курдский вопрос не выдвигался и отдельно не рассматривался.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ КУРДОВ 1880 г.

Политический кризис Турции, возникший в результате русско-турецкой войны, сопровождался резким упадком ее экономики. Военные действия тяжело сказались на экономическом состоянии восточных районов Османской империи.

Мобилизация в армию трудоспособного мужского населения привела к острой нехватке рабочей силы в сельском хозяйстве, вызвала недовольство и массовые выступления крестьян.

В результате войны экономика страны попала в большую зависимость от иностранного капитала. В 1879 г. Османская империя окончательно обанкротилась. По настоянию западных держав султан издал «Мухарремский декрет»¹. Это был неравноправный договор Турции с ее кредиторами. С учреждением в 1881 г. «Управления оттоманского государственного долга» Турция официально была поставлена под международный финансовый контроль. Страны-кредиторы (Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия) получили в Турции исключительные права и привилегии.

Чтобы пополнить опустевшую казну, государство увеличило налоги. Взимание налогов сопровождалось насилиями и самоуправством турецких чиновников и местных феодалов. Нередко турецкие власти требовали от населения зерно в счет урожая следующего года². Так было, например, в районе Башкале. Несмотря на резкое

¹ Мухаррем — первый месяц мусульманского лунного календаря.

² «Correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria. Turkey, № 4 (1880)», London, 1880, p. 76.

сокращение количества скота в ряде мест, власти собирали агнам по старым спискам³. Более того, они бесцеремонно увеличивали размеры налогов, сокращая сроки их взимания. В несколько раз увеличился агнам, удвоились эмляк, поземельная подать и многие другие налоги⁴. Вследствие безмерных поборов экономически слабые и неустойчивые хозяйства курдского и армянского крестьянства окончательно разорились. Многие разорившиеся крестьяне становились батраками у крупных землевладельцев, курдских ханов и беев или уходили в большие города на заработки. Покидая родные деревни, они скитались долгие месяцы и даже годы по чужим краям. Из разных районов Османской империи многие курды, покинув родину, уходили даже в Тбилиси, Баку и другие города. Например, среди переселенцев в Тбилиси значительную часть составляли курды из района Муша. «...Если бы не спросили, кто они такие,— говорится в сообщении газеты «Мшак»,— едва ли можно было бы узнать, что это курды, а не армяне, так сильно их сближало, приравнивало, объединяло и делало братьями одинаковое положение, общий труд»⁵.

Турецкая администрация не была в состоянии обеспечить порядок в стране. Всюду господствовала коррупция. Так, русский вице-консул в Диярбакыре Якиманский в своих первых донесениях удивленно сообщал об окончательно разложившейся администрации. Во главе всех злоупотреблений и бесчинств, по его словам, стоял генерал-губернатор района Иззет-паша, «человек военный, впрочем, без всякого специального образования, совершенно неопытный администратор, слышший к тому же за открытого взяточника»⁶.

Действия губернатора способствовали еще большим преступлениям и злоупотреблениям нижестоящих чинов. Судебные органы в районе Диярбакыра были абсолютно деморализованы. Преступники всегда могли за крупные взятки избавиться от наказания. Приговоры в спорных

³ «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», стр. 76.

⁴ АВПР, ф. «Главный архив V—A₂», 1880, оп. 181, д. 1095, л. 24.

⁵ «Ушак». («Мшак»), 1880, № 103.

⁶ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1879, д. 1798, лл. 9, 9 об.

случаях, как правило, выносились в пользу того, кто мог дать взятку быстрее и побольше.

Чтобы стать судьей (кади), нужно было дать немалую взятку. Естественно, что каждый судья, чувствуя недолговечность своего пребывания на этом посту, стремился любыми средствами нажить состояние.

Не лучше было положение в жандармерии и полиции. Части турецкой армии после войны потеряли свою боевую способность. Бесчинства, прямой грабеж населения на пути продвижения солдат имели систематический характер.

В апреле 1879 г. в районе Диярбакыра население обратилось к властям с жалобой на произвол и бесчинства регулярных и нерегулярных войск. Низкая дисциплина в армии в значительной мере была вызвана отсутствием казарм, обмундирования и регулярной выплаты жалованья.

Султанский двор, несмотря на тяжелое финансовое положение страны, расходовал много денег на придворные развлечения. Губернаторы восточных районов часто получали из Стамбула срочные телеграммы, требовавшие предоставить определенные суммы Порте для тех или иных нужд двора. Так, в 1880 г., когда весь район Эрзурума был охвачен голодом, вали получил телеграмму с требованием доставить ко двору 15 тыс. турецких фунтов. Аналогичная же телеграмма была отправлена в Трабзон⁷.

Из-за отсутствия денег в казне жандармы и полицейские много месяцев не получали жалованья⁸. Они почти не проявляли усилий в поимке воров и грабителей, тем более что хорошо знали подкупность судей.

В условиях тяжелого финансового положения и недовольства населения турецкие власти по настоянию западных держав обещали заняться реформой в восточных районах страны. К тому же население этих районов, разоренное разрухой и войной, уставшее от бесчинств властей, возлагало большие надежды на реформы.

⁷ «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», стр. 73.

⁸ Государство часто вместо денег выдавало своим чиновникам векселя, которые чиновники затем продавали купцам или ростовщикам за полныен (см. *Ատրպետ, Ճիվադ, Քյոն Զոնահին փաշա, Քիֆիւս, 1911, էջ 5*).

Для выяснения положения дел на месте и выработки проекта реформ в первой половине 1879 г. в Эрзурум и Харпут были командированы комиссары Абедин-паша и Манас-эфенди.

Однако эти комиссары проявили полную бездеятельность. Более того, многие расходы, связанные с передвижением комиссаров со свитой, легли тяжелым бременем на местное население.

Для изучения дел в Диярбакырский район были отправлены Бекир-паша и Искандер-бей. В свиту Бекир-паши входили Саид-паша (бывший мутесариф Триполи), Сулейман-паша (капитан первого ранга, адъютант султана), полковник Шекир-бей, служивший во французской армии, полковник Тагир-бей, шесть лет состоявший на полицейской службе в Индии, два года в Китае, капитан Маврокордатос, мулазим Юсуф-бей, англичанин Шефер и секретарь Г. Бергип⁹. Комиссия, приехавшая в Диярбакыр в начале февраля 1880 г., фактически не выполнила своей задачи. Пробыв здесь три недели, она уехала через Мосул в Багдад. Чтобы снабдить членов комиссии деньгами на дорожные расходы, генерал-губернатор, не имея достаточных средств в кассе вилайета, вынужден был прибегнуть к принудительным мерам для сбора «недонмок»¹⁰.

По свидетельству русского вице-консула Якиманского в Диярбакыре, многие члены комиссии отнюдь не намеревались улучшить положение дел в этом районе, а по инструкции англичан имели большие стратегические цели¹¹.

Небезынтересно отметить, что англичане в это время настойчиво пытались вмешаться в дела турецкой армии и жандармерии. Ссылаясь на очень низкий уровень боеспособности солдат и подкупность жандармов, они предлагали свои услуги для наведения порядка среди них. Это предложение получило одобрение при дворе. В феврале 1880 г. через Муш в Битлис отправился английский капитан Нортон, а в Эрзурум — английский пол-

⁹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1880, оп. 517, л. 1799, л. 3.

¹⁰ Там же, л. 5.

¹¹ Там же, л. 2 об.

ковник Куп с назначением на пост главных инспекторов жандармерии в этих районах¹².

Ни попытки англичан, ни действия комиссии не могли приостановить все более усиливающееся разложение администрации и развал экономики Османской империи. Зимой 1879/80 г. почти все восточные районы Турции были охвачены страшным голодом. Газета «Таймс» в марте 1880 г. в корреспонденции из Стамбула сообщала: «Бедствия в Диярбакире и Мосуле очень велики, население последнего округа полностью лишено средств к существованию. Однако надеются, что следующий урожай может поправить положение страдальцев»¹³.

В результате засухи сильно возросли цены на хлеб. Местные власти, спекулируя, старались больше выжать из населения. Так, правитель Хакяри Гасан-паша, имея в Ванском зерновом складе более 12 тыс. киле¹⁴ пшеницы, на просьбы жителей распродать зерновые запасы на условиях займа ответил отказом. Между тем, получив крупную взятку, он весь этот хлеб по дешевой цене продал ростовщикам и спекулянтам¹⁵.

Подобные злоупотребления властей наблюдались и в других районах страны. Так, турецкие чиновники Харпута продали 30 тыс. киле зерна местным спекулянтам, которые затем сбывали купленное зерно на рынке втрое, вчетверо дороже¹⁶.

Повышение цены на хлеб было результатом как войны, так и засуха. В результате голода и нищеты в восточных районах начались эпидемии. В Хакяри, например, свирепствовала дизентерия. Турецкие власти, страшась распространения эпидемий, отправили туда из Эрзурума врача Лануани, который установил, что от

¹² «Further correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria, Turkey № 23 (1880)». London, 1880, pp. 26, 28; см. также «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», стр. 85; АВПР, ф. «Главный архив V—A», 1880, оп. 181, д. 1095, лл. 93—94.

¹³ «Times», 12.III.1880, p. 5.

¹⁴ Киле — около 25 пудов; в разных районах киле имело разную меру.

¹⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе». 1800, оп. 90, д. 1566, л. 3 об.

¹⁶ Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан*, стр. 110.

голода в Хакарии умерли свыше 10 тыс. человек. Особенно сильно пострадало курдское население¹⁷.

На страницах тифлисской газеты «Мшак» в 1880 г. почти ежедневно публиковались сообщения из разных районов Турции и Ирана, в которых с большой тревогой говорилось о бедственном положении армян и курдов. «Голод,— писала «Мшак»,— усиливается, люди повсюду оборваны и истощены; от голода и болезни они превратились в скелеты, бесцельно бродят по улицам, стонут, всхлипывают и постоянно просят о помощи. Много людей уже умерло с голоду»¹⁸.

В районе Башкале умерли по меньшей мере 10 тыс. человек, в окрестностях Баязита и Алашкерта — от 2 тыс. до 3 тыс. человек, примерно столько же «в Медиадском, Бохтанском и Джезирийском районах, не считая нескольких сотен, погибших на дорогах»¹⁹.

Хозяйство полукочевых и оседлых жителей Курдистана и Армении особенно серьезно затронул объявленный Портой в первые месяцы 1880 г. закон о снижении курса монеты. На голодающее и изнуренное население этот закон произвел ужасное впечатление. «При этом нужно заметить,— писал Якиманский из Диярбакыра,— что сельские жители и особенно номады Курдистана и Месопотамии до сих пор имели в обращении у себя исключительно эти турецкие полуфальшивые монеты и не принимали ни золото, ни серебро»²⁰. Следует также отметить, что правительственные кассы в провинциях были заранее секретно предупреждены о готовившемся снижении курса и те успели поменять свои металлические монеты до опубликования закона. Поэтому, когда было объявлено о понижении курса денег, в государственных кассах уже почти не было металлических монет. Кроме того, кассы принимали деньги от населения за полцену и лишь до апреля. Таким образом, махинация с металлическими монетами полностью была осуществлена за счет трудового народа.

¹⁷ ЦГВИА. ф. 450, л. 92, л. 117; АВПР. ф. «Посольство в Константинополе», 1880, л. 1566, л. 21.

¹⁸ «Мшак», 1880, № 84.

¹⁹ «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», стр. 75.

²⁰ АВПР. ф. «Посольство в Константинополе», 1880. оп. 517, л. 1799, л. 18.

Население на явный обман государства ответило активным выступлением, в ряде мест переросшим в вооруженные столкновения.

Голодающие курды с оружием в руках нападали на хлебные склады, убивали богатых чиновников, отчаянно сопротивлялись турецким солдатам, направленным для умирения непокорных и для сбора налогов. Так, курды Мардина силой отобрали 50 киле пшеницы у некоего Джело, хлебного спекулянта, оказав при этом упорное сопротивление турецким солдатам²¹.

Не в лучшем положении были и жители Джезире, Мосула, Диярбакыра и других мест. Якиманский в своих донесениях послу в Стамбул писал, что из-за недостатка хлеба население вынуждено питаться ослиным мясом или разными кореньями²².

Местные власти Диярбакыра, боясь перерастания отдельных выступлений во всеобщее восстание и пытаясь воспрепятствовать нападениям на хлебные склады и дома спекулянтов, установили жандармскую охрану у домов сборщиков податей, а также усилили охрану городских ворот. Окраине было предписано не пускать в город голодающих курдов, которые стекались сюда со всех сторон.

Голод сильно затронул также кочевое и полукочевое население. Многие курды-скотоводы, лишившись скота, вынуждены были спускаться с гор в город или искать себе пропитание сезонной работой в качестве пастухов у местных феодалов.

Тысячи курдов, оказавшись в тяжелом положении из-за анархии и голода, бросали все, что у них было, и обращались в русское консульство за помощью. Так, в мае 1880 г. к русскому вице-консулу Якиманскому в Диярбакыре явился из Мидиат наместник ассирийского (айсорского) патриарха, чтобы получить позволение «подать просьбу от 10 000 курдов-мусульман о принятии их под русское покровительство или же о дозволении им переселиться в Россию»²³.

²¹ Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан*, стр. 110.

²² АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1880, оп. 517, д. 1799, л. 9.

²³ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1880, оп. 517, д. 1799, л. 51 об.

Многие отправлялись на север, к русской границе, в надежде найти приют и кусок хлеба. Очевидцы писали, что все дороги вокруг горы Арарат полны были нищими и голодающими курдами, многие из которых, обессилив, умирали тут же²⁴.

Тяжелое положение населения северо-восточных районов Османской империи привлекло внимание армянской общественности. Многие армянские общества в России оказывали большую денежную и материальную помощь голодающим в Турции. Часть этих денег они раздавали и курдам. По сообщению газеты «Мшак», армяне передали в помощь курдам 25% полученных ими денег и продовольствия²⁵.

В 1877—1880 гг. сильный голод охватил и районы иранского Курдистана, например Хоя, Соуджбулака, Урмии, Сенне и др. В этих районах всюду можно было видеть группы голодающих беженцев, прибывших из Турции в надежде на спасение. В эти годы в ряде районов Ирана большое распространение получила торговля детьми. Таким известным центром работорговли был г. Дилман, на площади которого «курды за бесценок продавали своих детей — и это было обычным явлением»²⁶.

Более того, по сообщению английского генерального консула в Табризе Аббота, в одних курдских и иранских деревнях вымерло все население, а в других — остались лишь женщины и дети²⁷.

Для состоятельных иранских чиновников и землевладельцев голодающие курды представляли опасность. Они открыто угрожали разграбить хлебные склады в городах, невзирая на их усиленную охрану. «Голод в ряде мест, — писала газета «Мшак», — довел население до яростного безумства. Они больше не обращают вни-

²⁴ «Псак», 1880, № 14.

²⁵ «Мшак», 1880, № 113; английское правительство, воспользовавшись голодом в Анатолии, пыталось, помогая деньгами христианскому населению, привлечь его на свою сторону. Для этих целей английский вице-консул Клейтон получил от своего правительства около 400 лир, вице-консул в Эрзуруме капитан Эверест — 150 ф. ст. (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1880, оп. 90, л. 1566. лл. 1 об., 2).

²⁶ «Мшак», 1880, № 84.

²⁷ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», London, 1881, p. 35.

мания ни на законы, ни на охрану, толпами нападают на хлебные склады и грабят их»²⁸.

Однако курды постепенно от стихийных нападений на хлебные склады стали переходить к организованной вооруженной борьбе, которая в 1880 г. вылилась в широкое народное восстание.

²⁸ «Мшак», 1880, № 48.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ ОСМАН-БЕЯ И ХУСЕЙН-БЕЯ
В ДЖЕЗИРЕ В 1878 г.**

В начавшихся всеобщих волнениях стали принимать участие и такие курдские племена, которые до этого времени отличались известной пассивностью.

Стремясь отвлечь курдов от освободительной борьбы, турецкие власти разжигали национальную рознь между армянами и курдами. Однако эти старания не имели успеха. Недовольство армян и арабов продолжало нарастать. Договор, заключенный в Сан-Стефано и затем пересмотренный в Берлине после русско-турецкой войны, не удовлетворил даже минимальных требований армянского народа. Армяне районов Муша, Вана, Зейтуна, потеряв всякую надежду на автономию, взялись за оружие. Этому в значительной степени способствовало новое постановление турецких властей о призыве армян в турецкую регулярную армию.

Осенью 1878 г. волнения охватили районы Вана, Муша и Битлиса. В них активную роль играли курдские племена мотканлы, рашкотанлы и салики¹. Антитурецкое движение приняло большой размах, распространившись на районы Бохтана и Хакяри. В это время стихийные волнения начали приобретать характер организованной борьбы, которую возглавляли сыновья известного Бадрхан-бея — Осман-бей и Хусейн-бей, служивший до этого в генеральном штабе турецкой армии в Стамбуле. Центром восстания стал район Бохтана, куда начали прибывать вооруженные отряды курдов со всех концов страны. Восставшие курды разделились на два лагеря. Южным командовал Осман-бей, а северным — Хусейн-бей.

¹ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. 224.

Осман-бей должен был захватить Джебзире. Когда восставшие подошли к городу, турецкий гарнизон и все представители властей в страхе бежали в Сиирт. Курды без сопротивления овладели Джебзире. Они захватили боеприпасы, оружие и все запасы зерна. Постепенно восстание перекинулось и на другие районы. К восставшим присоединились новые отряды вооруженных курдов. Со взятием местечка Дех в руки восставших попали местная казна и большой склад оружия.

В такой обстановке некоторые курдские феодалы и вожди, недовольные турецким господством, выразили свое признание сыновьям Бадрхан-бея. Как свидетельствует историк Бледж Шерко, повстанцы заняли города Джуламерк, Захо, Амадия, Мардин, Низиб и др.²

Районы курдского движения с центром в Джебзире были объявлены независимыми от Османской империи. Осман-бей провозгласил себя эмиром, и в мечетях во время хутбы вместо имени султана читали его имя.

Обеспокоенные размахом восстания, турецкие власти предприняли срочные меры для его подавления. Против повстанцев были посланы регулярные силы из Сиирта, Диярбакыра, Эрзинджана и Эрзурума, всего 17 батальонов. С юга были направлены арабские подразделения Багдадского вилайета.

Три батальона, отправленные из Сиирта, не встретив на пути сопротивления, вошли в местечко Дех и зверски расправились с мирным населением. Против этих трех батальонов выступил отряд курдов под предводительством Хусейн-бея и одержал победу, заставив их сдаться в плен. Первые же успехи курдов стали стимулом для вовлечения новых отрядов в повстанческие силы. В Хак-яри готовилось большое ополчение для присоединения к восстанию³.

Весть об успехе курдов и поражении турецких отрядов быстро дошла до самых далеких районов Курдистана и усилила антитурецкие настроения. Тогда турецкое командование стало принимать экстренные меры. Началась спешная переброска сил в Муш из Байбурта

² الدكتور بلهچ شیرکوه، القضية الكردية، ص ٤٧

³ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. 225.

и Эрзинджана, чтобы предотвратить возможное соединение восставших Дерсима и Джезире⁴.

Для руководства операциями против повстанцев с большими полномочиями был назначен Иззет-паша. По некоторым данным, его жалование выражалось огромной суммой — 50 тыс. пиастров, в то время как жалование самого вали Диярбакыра составляло лишь 25 тыс. пиастров⁵.

Вслед за этими мерами турецкие власти усилили репрессии против курдского населения. Перебросив войска к району восстания, им удалось приостановить его дальнейшее распространение и отрезать повстанцев от возможной помощи со стороны курдов других районов.

Первую неудачу повстанческие подразделения курдов потерпели у Шернеха. Осман-бей, руководивший операцией, вынужден был отступить в Джезире. При стычке с турецкими силами, отправленными из Битлиса, Хусейн-бей также не добился успеха и вернулся в Джезире. Неудачи курдов охладили их энтузиазм. Стесненные со всех сторон, отряды повстанцев отошли в недоступные для противника горы.

В ответ на это султан обещал через своего специального представителя из Стамбула главарям курдского восстания свободу и признание их прав над курдами, если они согласятся вступить в переговоры с ним. В доказательство своей благосклонности и прощения султан освободил из тюрьмы всех членов рода Бадрхан-бея. Представитель султана демагогично призывал не проливать кровь мусульман, указывая на путь решения споров через переговоры⁶. Поверив ему, сыновья Бадрхан-бея начали переговоры с турецкими властями. Вскоре турецким властям удалось путем обмана арестовать Хусейн-бея и отправить его в Стамбул, а Осман-бей вынужден был признать турецкую власть⁷.

В результате восстание было подавлено, однако выступление сыновей Бадрхан-бея стало предвестником нового крупного восстания, вспыхнувшего в 1880 г.

⁴ «Correspondence respecting the populations in Asia Minor and Syria. Turkey, № 10 (1879)», p. 7.

⁵ Ibid., p. 19.

⁶ См. также محمد أمين زكي، تاريخ الكرد و كردستان، ص ٢٥٤
شاكر خصباك، الكرد و المساله الكردية، ص ٧

⁷ «Daily News» 13.1.1879, p. 5.

Вслед за Бохтаном и Джезире поднялись курды района Хакяри — горной территории Курдистана на турецко-иранской границе.

Курдское движение с этого времени вступает в новый, более организованный этап борьбы против турецких и иранских поработителей. Важная роль в подготовке нового восстания принадлежала дервишскому ордену накшбенди. Центром деятельности этого и других дервишских орденов были текке — дома молитв¹. Роль дервишских орденов в курдских районах была настолько сильна, что «принадлежность к одному и тому же ордену связывала последователей более крепко, чем даже родовые связи»².

Главой ордена накшбенди среди курдов во второй половине XIX в. был курдский шейх Обейдулла, пользовавшийся большим авторитетом. Обейдулла относился к числу крупных курдских феодалов, заинтересованных в развитии широкой торговли, в уничтожении анархии и разбоя в курдских районах. Пользуясь всеобщим недовольством курдских масс турецкими чиновниками и правителями, Обейдулла придал своим политическим взглядам религиозное обоснование. В текке шейха Обейдуллы собирались его мюриды. Религиозную власть над широкими массами курдов шейх осуществлял через халифов,

¹ Курды-мусульмане — главным образом сунниты шафиитского толка. Среди них более влиятельными дервишскими организациями считались: ордена накшбенди, кадирие и мовлови.

² Кемаль Мустафа, *Путь новой Турции*, ч. 1, М., 1922, стр. 388.

По утверждению американского современного ученого Бернарда Льюиса, орден накшбенди в Турции постоянно выступал в качестве «политической оппозиции» турецким правящим кругам (Bernard Lewis, *The Emergence of Modern Turkey*, New York, 1961, p. 403).

своих религиозных представителей, стоявших во главе отдельных текке. Из жизни шейха Обейдуллы нам известны лишь немногие факты. Интересные сведения о религиозной власти шейха приведены в статье Никитина «Рассказ курдов о самих себе»³.

Подробная генеалогия приведена в книге Никитина⁴.

Как подтверждают многочисленные сообщения, авторитет семьи шейха Обейдуллы стал заметно подниматься при жизни его отца, энергичного шейха Та. Шейх Обейдулла получил в наследство от отца несколько деревень, которые были ему пожалованы шахом и султаном. Обейдулла увеличил число подвластных ему деревень до 200 и считался одним из крупных землевладельцев в Курдистане. Именно усиление феодальной и религиозной власти шейха и соперничество с соседними феодалами дало в свое время повод барзанским шейхам распространить среди населения слухи, будто шейхи Шемдинана⁵ отошли от истинного пути религии и теперь они не столько религиозные руководители, сколько светские властители⁶.

В руках Обейдуллы были сконцентрированы основные табачные плантации Хакяри, продукция которых шла на вывоз и пользовалась большим спросом на городских рынках. Сильным конкурентом шейху в производстве табака была французская компания «Режи». Деятельность шейха, направленная на обеспечение безопасности на дорогах в курдских районах, и его жесткая борьба против разбоев и анархии в стране проводилась в интересах развития торговли.

* * *

Преследуя цель создания независимого Курдистана, Обейдулла во время русско-турецкой войны старался расширить свое политическое влияние на все районы, населенные курдами. Тяжелое положение побуждало

³ В. Nikitine, *Les kurdes racontés par eux-mêmes*, pp. 148—157. О шейхе Обейдулле см. также: «Кавказ», 1880, № 298.

⁴ Յոկոր Եւշիւղիան, Բիրդո-Հայ ցամաքներն, Կ. Պոլիս, 1911 էջ 157.

⁵ В. Nikitine, *Les kurdes racontés par eux-mêmes*.

⁶ Шемдинан — маленький город в районе Хакяри, где жил шейх Обейдулла.

⁶ В. Nikitine, *Les kurdes racontés par eux-mêmes*, p. 149.

курдов поддержать попытки Обейдуллы ослабить грабежи турецкой администрации и укрепить его власть в расположенных вблизи его владений районах.

В антитурецком движении активно участвовали представители курдских знатных родов — Ревандузские, Бохтанские, Битлисские и другие, потерявшие свои привилегии и независимость. В числе антитурецки настроенных курдов были и многие шейхи, религиозные вожди, недовольство которых было вызвано стремлением турецких властей лишить их влияния. Еще более решительную позицию занимали те шейхи, которые стояли по своему положению ближе к низшим слоям.

После войны шейх Обейдулла предпринял более активные действия по организации восстания против Турции. Турецкое правительство, узнав об этом, немедленно отправило к шейху ванского муфтия для переговоров. Однако переговоры муфтия с шейхом, длившиеся более недели, не дали желаемых результатов. Обейдулла, излагая свои намерения муфтию, отмечал, что его возмущение и недовольство вызвано главным образом злоупотреблениями администрации⁷. Касаясь позиции Обейдуллы на переговорах, генерал-майор Зеленый в своем рапорте начальнику Главного штаба Кавказского округа от 15 февраля 1880 г. писал, что, «пользуясь настоящим бессилием Турции и предполагая, что последняя идет к окончательному разложению, шейх намерен отделиться от Турции и приобрести себе полную независимость...»⁸.

Уже первые приготовления шейха к восстанию против Турции получили отклик среди всех курдов. Такие иранские города, как Хой, Соуджбулак, Урмия и Ушну, стали базой для доставки восставшим оружия и боеприпасов.

«...Ныне,— писал в декабре 1879 г. русский консул в Иране Кребель,— шейх замышляет возмущение против оттоманского правительства, намеревается образовать из турецкого Курдистана независимое государство, стать во главе оногo, избрав резиденцию город Мосуль»⁹.

⁷ ЦГВИА. ф. 450, д. 98, л. 15.

⁸ Там же.

⁹ АВПР. ф. «Миссия в Персии», 1877—1896, оп. 528а, д. 1202, л. 4.

В своей политике Обейдулла больше ориентировался на Россию, чем на Англию. Объясняя свою позицию, он отмечал, что «лучше быть на стороне льва, чем лисицы»¹⁰. Обейдулла несколько раз пытался через русского консула Обермиллера в Эрзуруме заручиться поддержкой России во время своего выступления. Особенно он активизировал свои действия после открытия в Ване русского вице-консульства. «Вскоре после вступления моего в управление Ванским вице-консульством,— пишет Камсаракан,— известный шейх Ибадулла (Абдулла) два раза присылал ко мне своего поверенного (Юсуф Аги) с предложениями...»¹¹.

Через другого посланца, Саида Мухаммеда Саида, отправленного в октябре 1879 г. к Камсаракану, шейх подробнее излагал свои политические цели и причины, вызвавшие эти побуждения. Саид Мухаммед Саид заявил, что шейх окончательно убежден в несостоятельности империи обеспечить спокойствие подвластных ей народов, что в свою очередь представляет угрозу для сохранения и обеспечения жизни и имущества населения, поэтому шейх считает своей нравственной обязанностью вступить за народ, видящий в нем своего прямого защитника¹².

Причины роста грабежей и сильного обнищания населения шейх видел прежде всего в самоуправстве турецкой администрации. Саид Мухаммед Саид, излагая далее взгляды Обейдуллы, заявлял: «...Корень всех зол очевиден: корыстная администрация, начиная с низших представителей ея — заптиев и кончая высшим, высасывает соки населения, терпение которого истощилось. Не одни христиане, но и они, курды, задавлены поборами, и если последние занимаются грабежами, то только вследствие злоупотреблений самой администрации»¹³.

Саид Мухаммед Саид во время беседы с Камсараканом обратил его внимание на то, что шейх в своей антитурецкой борьбе предпочитает покровительство России. Свою ориентацию на Россию шейх аргументи-

¹⁰ ЦГВИА, ф. 450, л. 98, л. 28.

¹¹ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1879. д. 15656, л. 5.

¹² Там же, л. 6.

¹³ ЦГВИА, ф. 450, д. 98, л. 28; АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1879, д. 15656, л. 6.

ровал тем, что «помимо того обстоятельства, что Россия — сосед Турции, она всегда пользовалась у курдов большим уважением, чем Англия»¹⁴. Во время беседы Саид Мухаммед Саид обратил внимание вице-консула на важное стратегическое положение, которое занимали курды, и на то, что при случае войны России с Турцией или с Англией «курды... могут оказать большое влияние на исход кампании, ибо наиболее важные горные проходы в Ванском и Диарбакырском вилайетах находятся в их руках»¹⁵.

Об этой беседе Камсаракан подробно писал в очередном донесении послу в Константинополе; он рекомендовал отклонить просьбу курдов и делать упор на христианское население Восточной Анатолии. Эта точка зрения, как замечает Н. А. Халфин, являлась отражением линии царского министерства иностранных дел¹⁶.

Обейдулла придавал большое значение одновременному выступлению курдского населения Турции и Ирана, а также народов, недовольных турецким гнетом, — армян, айсоров и арабов. Чтобы обеспечить свое выступление поддержкой соседних народов, Обейдулла вошел в контакт с маршимуном — главой айсоров, с шерифом Мекки и хедивом Египта¹⁷. Арабы Багдадского вилайета во главе с Ферган-пашой предложили Обейдулле свою поддержку. По договоренности отряды курдских повстанцев должны были соединиться с арабскими силами после занятия курдами Мосула. Развитие восстания предусматривалось по следующим направлениям. Часть повстанцев во главе с младшим сыном шейха Абдул Кадыром вместе с курдскими племенами мангур и мамаш (Иран) должна была овладеть городами Амадия и Мосул, а Обейдулла с остальными силами захватить административный центр Ван. Будучи дальновидным политическим деятелем, Обейдулла большое значение придавал также поддержке европейских стран и прилагал большие усилия к тому, чтобы привлечь их на свою сторону.

¹⁴ Там же.

¹⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1879, д. 15656, л. 6а.

¹⁶ См. Н. А. Халфин, *Борьба за Курдистан*, стр. 118.

¹⁷ Там же, стр. 116.

Первые же приготовления шейха Обейдуллы к восстанию и ряд волнений, имевших место в Ванском вилайете, обратили внимание не только турецких властей, но и английских дипломатов. С целью изучения положения дел на месте и уточнения слухов о подготовке восстания в северо-восточные районы страны в 1879 г. совершили путешествие два англичанина — лейтенант Кровдер и преподобный Фозер. Их путь проходил через Самсун, Амасью, Сивас, Эрзинджан, Муш, Битлис и Ван. Обратно они возвращались через Малазгирт в Эрзурум.

В то время как подготавливалось восстание Обейдуллы, в августе 1879 г. к северо-востоку от оз. Ван начались стихийные антитурецкие волнения среди большого племени хайдаранли. По сообщению английского консула в Эрзуруме майора Троттера, одной из главных причин выступления курдов хайдаранли была бедность, нужда в хлебе и крове¹⁸.

Выступление племени хайдаранли активно поддерживал шейх Обейдулла. Однако большую опасность для турецких властей представляли далеко идущие планы шейха, чем волнения племени хайдаранли, которые прекратились с наступлением зимы.

Порта, осведомленная о подготовке шейха к восстанию, стала предпринимать меры. Осенью 1879 г. на место командующего четвертой анатолийской армией Дервиш-паша был назначен мушир Самих-паша, наделенный самыми широкими полномочиями. Самих-паша вместе со своими войсками прибыл в Ван. Вслед за этим в качестве подкрепления из Эрзурумского вилайета к Вану двинулись отряды пехоты с двумя батареями. Кроме того, Самих-паша сконцентрировал вокруг Хакяри турецкие батальоны из соседних городов: Эрзурума, Эрзинджана, Мосула, Диярбакыра, Вана, чтобы закрыть проходы, связывающие соседние курдские районы с Хакяри. «Окрестные курды, — сообщали два айсора английскому консулу капитану Клейтону, — не в состоянии присоединиться к восставшему шейху, поскольку проходы заняты войсками»¹⁹. По прибытии в Ван Самих-паша сразу же отправил к шейху для пере-

¹⁸ «Correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria. Turkey, № 4 (1880)», p. 67.

¹⁹ Ibid., p. 79.

говоров адъютанта султана Хамид II, Бехри-бея²⁰. При этом Бехри-бею было поручено любыми способами — подарками, обещаниями — отговорить шейха от мысли о восстании. «Утверждают, впрочем, — писал Зеленый в своем рапорте, — что правительство назначило Ибадулле пенсию и что будто бы упомянутый Бехри-бей повез этому шейху подарок султана (саблю и орден)»²¹.

Однако уговоры и обещания Бехри-бея также окончились безуспешно. Шейх приказал подвластным ему курдам отказаться платить дань государству и оказать сопротивление. Объясняя властям это распоряжение, он указал на несправедливо большие размеры податей, установленных правительством²².

В начале августа 1879 г. курды-геракли отказались платить налоги турецкому каймакаму. Тогда каймакам отправил из Гевара против курдов отряд в 400 человек. При стычке курды понесли большие потери. Турки с 40 пленными курдами вернулись в Гевар.

В защиту курдов-геракли выступил шейх Обейдулла, который разослал доверенных людей с воззванием к соседним курдским вождям для вовлечения их в восстание. В воззвании говорилось, что курдские районы в прошлом не были подчинены турецким властям, и сообщалось о подготовке наступления на г. Амадия.

Правитель Мосула отправил 200 солдат в Палга для сбора налогов. Обейдулла послал против турецких сборщиков налогов небольшой отряд курдов под руководством своего сына Абдул Кадыра, но этот отряд был разбит турками в ночной схватке. Одновременно правитель Башкале через своего представителя потребовал от шейха полного подчинения и уплаты налогов. Однако шейх арестовал представителя и пообещал отпустить его лишь при условии освобождения 40 арестованных курдов-геракли. В свою очередь вали Вана направил в резиденцию Обейдуллы своего посланца Абубекир-эфенди, который должен был выяснить на месте обстоятельства и потребовать от шейха объяснений.

²⁰ Один из многих сыновей известного Бадрхан-бея.

²¹ ЦГВИА, ф. 450, л. 98, л. 15 об.

²² АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896, оп. 528а, л. 12ой, л. 5 об.

Шейх в записке правителю Вана свое вмешательство в конфликт аргументировал тем, что правительственные войска в районе Амадии разграбили и сожгли несколько деревень, убили многих жителей и изнасиловали их жен. «Мой сын,— писал Обейдулла,— получил указание от меня по прибытии на место приложить все усилия к тому, чтобы примирить противные стороны»²³.

Интересно отметить, что иногда турецкие солдаты не желали сражаться против отрядов шейха. По свидетельству Клейтона, это объяснялось тем, что шейх пользовался огромным авторитетом среди мусульман, считался святым человеком²⁴.

Во время этих событий большую поддержку курдам оказали айсоры. В своем донесении майору Троттеру от 6 сентября 1879 г. капитан Клейтон с тревогой сообщал, что «маршимун, а также и некоторые влиятельные мусульмане в этом городе (Ване.— Д. Д.) имели связь с восставшими курдами»²⁵. Айсоры во многих местах враждебно относились к американским миссионерам. Они предприняли все меры, чтобы не пропустить американцев в районы Урмии и Мосула для изучения дорог и переходов в этих местах. Эти действия одновременно были направлены и против англичан, которые покровительствовали этим миссионерам.

Маршимун открыто поддерживал волнения в Хакяри, примкнув к «партии недовольных»²⁶.

Эта позиция главы айсоров объяснялась благожелательным отношением шейха к местному айсорскому населению. В английских документах констатируется, что шейх не одобрял актов насилия и грабежа, которым подвергались айсоры со стороны отдельных курдских мародеров. Он не раз предпринимал меры к тому, чтобы угнанный у населения скот был возвращен хозяевам.

Благожелательное отношение айсоров к курдскому движению беспокоило представителей Англии в Турции и Иране. Так, Аббот задавал себе вопрос: «Возможно ли, чтобы горные несториане (айсоры.— Д. Д.) в конечном счете были склонены на сторону восставших (кур-

²³ «Correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria. Turkey, № 4 (1880)», p. 79.

²⁴ Ibid., p. 62.

²⁵ Ibid.

²⁶ АВГР, ф. «Главный архив V—А₂», 1879, д. 1093, л. 37.

дов.— Д. Д.), если курдское восстание продвинется вперед с целью сбросить турецкое иго?».

Отвечая отрицательно на этот вопрос, он тем самым признавал ту важную роль, которую англичане отводили айсорам в делах Ближнего Востока. Аббот писал: «Не может быть ни малейшего сомнения в том, что под британским покровительством они могли бы быть счастливой и процветающей общиной, так же как и полезными (нужными.— Д. Д.) помощниками Порте в разрешении вопроса о недовольствах в Курдистане»²⁷.

Волнение курдов Хакяри вызвало отклик и среди иранских курдов. Для вовлечения последних в активные действия Обейдулла обратился к ним со специальным воззванием. На этот призыв первым откликнулось племя шикак, большая вооруженная группа которого перешла в Турцию, чтобы присоединиться к шейху²⁸.

Восстание в Хакяри грозило распространиться на многие районы турецкого и иранского Курдистана. Поэтому не удивительно, что англичане проявили большую заинтересованность в его подавлении. Майор Троттер, английский консул в Эрзуруме, в своем донесении послу в Стамбуле обвинял Самих-пашу в том, что он «недооценивает важность восстания»²⁹. Троттер курдское восстание считал настолько опасным, что на долгое время задержался в Эрзуруме и принимал личное участие в подготовке подавления выступления курдов. Более того, сведения о Курдистане, получаемые англичанами от своих агентов, передавались Самих-паше, чтобы он был в курсе всех действий восставших и мог быстро сориентироваться в обстановке. Самих-паша хотел лично встретиться с шейхом и потребовать от него объяснения его действий. Однако Обейдулла отказался от встречи, а свое выступление против посланных из Мосула турецких сил объяснил необходимостью защиты мирного населения от «дурного обращения солдат».

Уже после неудачного выступления курдов и участия в нем шейха Обейдуллы Клейтон сообщил своему шефу

²⁷ «Correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria. Turkey, № 4 (1880)», p. 102.

²⁸ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896, оп. 528а, д. 1202, л. 5 об.

²⁹ «Correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria. Turkey, № 4 (1880)», p. 77.

«хорошую новость», а именно: «В общем, кажется, как будто опасность серьезного объединенного восстания курдов в настоящее время миновала»³⁰.

Действительно, в то время Обейдулла придерживался выжидательной тактики. Не успев объединить силы примкнувших к восстанию курдских вождей, он не рисковал выступить против хорошо вооруженных турок. С наступлением зимы активность восставших совсем упала.

Убедившись, что курды Хакяри одни не смогут добиться успеха в борьбе против турок, Обейдулла установил непосредственную связь с другими курдскими вождями с целью создания союза племен.

Порта, боясь нового взрыва возмущения курдов в тот период, не могла запретить создание такого союза. Более того, она решила использовать союз курдских племен против армянского народа. Указывая на его якобы антиармянскую направленность, Порта пыталась добиться поддержки европейских стран при подавлении курдского движения.

Турецкая газета «Османлы», издававшаяся в Константинополе, обвиняла армян в преступном замысле — ассимилировать курдов путем распространения христианства.

Поводом для этого вымышленного заявления газеты послужило привлечение армянами курдских детей в свои школы. «Если болгары восставали против турок и убивали их, то армяне действуют еще опаснее, пытаются ассимилировать курдов, привить им свою культуру и т. д.»³¹, — демагогически писала газета. Газеты «Вахыт» и «Хакикат» начали помещать статьи в защиту «бедных» курдов, которых якобы «варварски эксплуатируют» армяне.

Английские дипломаты всячески пытались воспрепятствовать созданию курдского союза и проводили в этом направлении широкую агитацию среди армян. По поводу объединения курдов майор Троттер писал английскому послу в Стамбуле Гошену: «Я не могу поверить в то, что турецкое правительство повинно в такой глупости, как организация лиги». Он утверждал, что

³⁰ Ibid., p. 78.

³¹ Цит. по газ.: «Мшак», 1880, № 116.

такой союз «неизбежно должен быть направлен против самого же правительства»³². Создание союза курдских племен настолько беспокоило Англию, что депутаты английского парламента поспешили поставить этот вопрос на обсуждение³³.

Политика Порты была направлена на то, чтобы постоянно разжигать вражду между курдскими племенами, а также курдами и армянами. Именно поэтому Турции всегда удавалось справляться с волнениями.

В противоположность турецким газетам, на страницах которых проливались крокодиловы слезы в «защиту» курдов, армянская общественность разоблачала подлинные замыслы Турции относительно создания курдского союза. Армянский писатель Раффи в статье «Курдский союз» писал, что еще недавно турки требовали полного уничтожения курдов как ненужных и вредных элементов, чтобы восточные районы азиатской Турции избавились навсегда от постоянных набегов этих «разбойников»³⁴.

В литературе имеется довольно много материалов, касающихся взаимоотношений курдов и армян. В связи с тем что этот вопрос недостаточно изучен, считаем полезным изложить некоторые факты о дружественных отношениях, существующих между курдским и армянским народами. Показательны в этом отношении взгляды армянской прогрессивной общественности на курдский вопрос.

Прогрессивная армянская общественность предлагала следующий путь дальнейшего развития армяно-курдских отношений: создание братского армяно-курдского союза против Порты и пресечение всяких попыток выступлений за ассимиляцию курдов. Совместное выступление армян и курдов считалось возможным лишь при тщательной подготовке выступления. Норатункян в одном из своих писем известному армянскому фольклористу Срвандзтяну предложил, например, заняться изучением курдов. Он писал: «Для армян самым главным

³² «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 16.

³³ «Hansard's Parliamentary debates third series: commencing with the accession of William IV...», vol. CCLVI, London, 1880, p. 1045.

³⁴ «Мшак», 1880, № 167.

вопросом считаю ознакомление и поиски путей для связей с курдами»³⁵.

Когда в турецкой и европейской прессе поднялся шум по поводу создания курдского союза, армянская газета «Аревелян мамул» в одной из редакционных статей критиковала некоторых армянских «дипломатов» и, подчеркивая дружественное отношение армян к соседним народам, предлагала расширять и укреплять дружбу с курдами³⁶.

Правильно оценивая роль России в освобождении армян, прогрессивные армянские мыслители именно на эту страну возлагали надежды в деле освобождения курдов. Передовым людям Армении была близка судьба курдского народа, издавна связанного с армянским народом прочными социальными и экономическими узами и также томящегося под турецким гнетом. Вопреки армянской буржуазной историографии, старавшейся представить курдов как народ, постоянно грабящий и угнетающий армян, армянские демократические мыслители видели в курдах такую же угнетенную и поработленную нацию, как и армяне. Они сочувствовали курдскому крестьянству, задавленному социальным и национальным гнетом, возмущались бесчинством и коррупцией турецких чиновников, грабивших разоренных и без того курдов.

Еще в 1860 г. группа армянских деятелей в Константинополе во главе с известными армянскими публицистами Гарегином Сवादчяном и М. Момджяном организовала общество под названием *Քարեկարգություն արևելյան*. («Восточное благоустройство»), главными целями которого было распространение грамотности среди курдов. Деятельность общества способствовала формированию политической мысли в Курдистане и укреплению дружественных отношений между курдами и армянами³⁷.

Передовые люди Армении продолжали эту деятельность и в 70—80-х годах. Советский историк Нерсисян в работе «Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма 1850—1870 гг.» приводит

³⁵ Գ. Նորատունկյանի նամակը Գ. Վ. Սրուսնտձյանին քրդերին ուսում-նասիրելու առաջարկով, «Գրվան հայոց պատմության», հատոր ԺԳ, Թիֆլիս, 1915, էջ 345.

³⁶ «Արևելյան մամուլ». («Аревелян мамул»), 1880, № 85.

³⁷ Մ. Նուրատունկյան, Անտիպ երկեր, էջ 465.

следующее интересное сообщение: «...По рассказам известного армянского филолога Степаноса Малхасяна, в начале 1880-х годов некоторые из лидеров армянского национально-освободительного движения, переходя из Закавказья в Турцию, тайно вели переговоры с курдом Симко-беем, причем последний обещал поднять курдов вместе с армянами на борьбу против султанского правительства»³⁸.

В 1880 г. между газетами «Мегу Айастан» и «Мшак» началась горячая полемика по курдскому вопросу³⁹. Сторонники «Мегу Айастан», критикуя непоследовательность «Мшака» в курдском вопросе, призывали армян к дружбе с курдами⁴⁰.

Заслуживает внимания статья «Армяне и курды», опубликованная в ноябре 1880 г. газетой «Мегу Айастан». Автор статьи стремится показать на историческом материале постоянно дружеские отношения между курдами и армянами и критикует тех буржуазных деятелей, которые видели в курдах лишь враждебную армянам силу. Он отмечал, что разница в религии между двумя народами не должна служить причиной вражды. В то же время он пытался раскрыть и социально-экономические причины, заставлявшие многих курдов заниматься разбоями и грабежами. Глубоко симпатизируя простому курдскому крестьянству, автор статьи в то же время характеризует курдских феодалов, шейхов и бекков как людей, которые «не представляют курдского народа и никогда не были им»⁴¹. Призывая армян к тесной дружбе с курдами, он прямо указывал на ту огромную пользу, которую принесет эта дружба обоим народам. В качестве примера он приводит успехи, уже достигнутые армянами и курдами в районе Ерзнка.

Сообщая о первых попытках объединения армян, курдов и айсоров, газета «Мшак» писала: «Наконец среди народов турецкой Армении появляются зачатки

³⁸ Ի. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ., Երևան, 1955, էջ 290—291.

³⁹ Общественно-политическим взглядам этих газет посвящена интересная работа В. Рштуни. См. Վ. Ռշտունի, Հայ հասարակական հոսանքների պատմությունից 19-րդ դարի երկրորդ կեսին, եռտեֆորմյան շրջան, Երևան, 1956.

⁴⁰ «Մեղու Հայաստանի» («Мегу Айастан»), 1880, № 57, 60.

⁴¹ «Мегу Айастан», 1880, № 88.

единодушия... и армяне, и айсоры, и курды наконец начинают понимать... что интересы всех их одинаковы, что бремя, которое возложила на них Турция, тяготеет равномерно над всеми»⁴².

Однако в то время говорить об объединении было еще слишком рано. Немалую роль в разобщении армянского и курдского народов сыграла Турция, видевшая в их сплочении угрозу целостности империи. Для Англии такое объединение тоже было нежелательным (выступая «другом» и «защитником» армян, английская дипломатия склонна была поддержать лишь незначительные, поверхностные реформы).

К борьбе против турецкого ига готовились и другие народности восточной части Османской империи, например айсоры района Джуламерк. Маршимун, стоявший во главе движения, строго запретил какие бы то ни было действия айсоров против курдского мирного населения. Понимая важность дружественных отношений с соседними курдскими племенами, маршимун объявил, что для них остаются святыми права всех племен и честь каждого жителя в их стране, к какой бы религии и какой бы нации они ни принадлежали⁴³.

24 августа корреспондент венской газеты «Политиш корреспонденс» сообщал из Эрзурума, что маршимун, выступая перед руководителями вооруженных повстанцев, обратил их внимание на то, что начинающаяся война ведется ради спасения народа: «Ваша борьба,— заявил он,— должна быть направлена только против солдат и пашей, которые являются представителями власти»⁴⁴.

Из сообщения газеты «Мшак» от 14 сентября стало известно, что уже в сентябре в Ванском вилайете происходили случаи объединения вооруженных отрядов восставших армян и айсоров. Одновременно усиливались волнения и среди курдских племен.

Шейх Обейдулла понимал, что курды не добьются победы, пока среди курдских руководителей не будет достигнуто единство. Залогом победы могло быть только объединение всех курдов и тщательная подготовка восстания. Учитывая это, шейх Обейдулла отправил

⁴² «Мшак», 1880, № 162.

⁴³ «Мшак», 1880, № 161; «Мегу Айастани», 1880, № 72.

⁴⁴ Цит. по газ.: «Мегу Айастани», 1880, № 72.

своих представителей во все концы страны к курдским вождям с обращением, призывающим их к совместному выступлению против турецких и иранских поработителей. В своих письмах Обейдулла указывал на тяжелое положение народа и отсутствие всяких прав Турции и Ирана управлять курдами. Призывая к вооруженному восстанию, Обейдулла заверял, что при полной поддержке всех курдских вождей успех восстания можно считать обеспеченным. Помимо письменных обращений шейх посылал к вождям и людей, способных убедительно изложить его планы, а если нужно — подействовать уговорами. Люди шейха проникали даже в Россию⁴⁵. Они от имени шейха просили местных влиятельных курдов присоединиться к общекурдскому восстанию. В России местные власти следили за посланцами шейха. Так, в секретной записке эчмиадзинскому уездному начальнику было следующее предупреждение: «Ввиду движения турецких курдов, имеющего, несомненно, кроме политического, еще и религиозный характер, прошу ваше высокоблагородие обратить особое внимание на проживающих во вверенном вам уезде курдов, дабы они отнюдь не могли принять какое бы то ни было участие в означенном движении ни личным участием, ни денежными или иными вспоможениями»⁴⁶. Несмотря на эти строгости, шейх Обейдулла пользовался большим авторитетом среди курдов Закавказья, а его идея восстания в Турции и Иране была встречена ими с одобрением.

Примечательным является личный пример Обейдуллы в управлении своими районами. Например, он сам лично или его сын принимали посетителей по любому вопросу и вне зависимости от их социального положения. Как сообщили из Урмии английскому генеральному консулу Абботу, Обейдулла ежедневно принимал несколько сот человек. «Его личность,— говорилось в донесении от 8 июля 1880 г.,— представляет собою резкую противоположность тем, кого видели в персидских, а также в турецких официальных кругах»⁴⁷.

⁴⁵ «وقت» («Вақыт»), 1880, № 1851.

⁴⁶ Армянский государственный исторический архив, ф. 102, д. 46, л. 15.

⁴⁷ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 9.

По словам очевидцев, шейх действовал как настоящий правитель. Не менее интересен тот факт, что шейх в своем городке установил определенные нормы общественного поведения, ввел наказания за любое бесчинство или притеснение населения, строго запрещал употребление спиртных напитков.

За справедливость и скромный образ жизни Обейдулла пользовался большим уважением среди подвластного ему населения. «Он никогда не брал взяток и не позволял делать этого другим официальным лицам. Смерть грозила каждому, кто бы ни нарушил этот закон. Он был просвещенным человеком и стремился изучить по мере возможности идеи и образ жизни цивилизованного общества. Шейх старался сделать свой народ оседлым и не одобрял грабежей и разбоев»⁴⁸.

Пропаганда справедливости, защита прав населения от бесчинств турецкой администрации нашли особенно широкую поддержку среди тысяч разоренных, голодающих курдов. Все звали Обейдулла отцом, и при его имени любой слушатель в знак любви и уважения вставал с места⁴⁹. В глазах курдов Хакяри, нищих и разоряемых турецкими чиновниками, Обейдулла был народным защитником и идеалом справедливого правителя. «Он был замечательным человеком,— пишет о нем современник-армянин,— трудолюбивым, деятельным, вежливым и толковым. В отношении к сиротам и вдовам он всегда проявлял отцовскую заботу, попечение. Курды отовсюду приходили в Шемдинан, чтобы рассказать ему о своей горе и притеснениях, попросить совета, получить наставление в вопросах религии и совести, принять его заветы. Они уважали, чтили его как гуманного и справедливого вожда»⁵⁰.

Усилению авторитета Обейдуллы способствовало еще и то, что среди мусульман-суннитов он считался самым святым человеком после султана и шерифа Мекки. Тысячи мусульман готовы были следовать за ним, как за новым посланником Аллаха⁵¹. И у соседнего христи-

⁴⁸ Ibid., pp. 9—10.

⁴⁹ عزیز یامولکی، کوردستان و کورد اختلالمری، تهران ۱۹۴۶، ص ۴۲

⁵⁰ «Мурч», 1906, № 8, стр. 11—12.

⁵¹ S. G. Wilson, *Persian life and customs*, p. 110.

анского населения Обейдулла также пользовался авторитетом, так как проявлял к нему весьма дружеское отношение. Обейдулла, по словам Вильсона, постоянно повторял, что при его управлении христиане будут пользоваться такими же правами, как и мусульмане⁵².

Чтобы привлечь армянское население на свою сторону, Обейдулла устанавливал контакты с рядом представителей местной армянской церкви⁵³. Шейх несколько раз отправлял своих доверенных людей в Башкале к архимандриту Оганесу Вартапету (религиозный глава местных армян) с настойчивым предложением встретиться и поговорить о событиях в стране и о мерах, которые следует предпринять. Но, как признавался сам Оганес, всякий раз он отвечал отговорками, и встреча не состоялась⁵⁴.

Шейх обращался и к маршимуну с предложением присоединиться к восставшим курдам. Однако маршимун отвечал тоже весьма уклончиво. Это во многом объяснялось тем, что в то время англичане всячески стремились воспрепятствовать объединению айсоров с курдами. Частые поездки английских дипломатов к айсорам, переговоры и переписка между ними привели к тому, что маршимун воздержался от участия в восстании курдов. Он мотивировал это тем, что религиозный глава курдов-мусульман не может так искренне относиться к христианскому населению, как это могли бы сделать европейские страны. Русский вице-консул в Ване Камсаракан в одном из своих донесений от 29 апреля 1880 г. замечал по этому поводу: «Видимо... надежда на помощь христианских держав удерживает маршимуна от союзничества с шейхом Обейдуллой»⁵⁵.

В конце мая того же года во время встречи с русским вице-консулом Камсараканом маршимун прямо заявил, «что, несмотря на попытки шейха склонить его на свою сторону, он отказался от участия в его замыслах, питая надежду на то, что рано или поздно европейские державы облегчат участь турецких христиан»⁵⁶.

⁵² Ibid., p. 110.

⁵³ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 7.

⁵⁴ Ibid., p. 54.

⁵⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1880, оп. 96, д. 1566, л. 131.

⁵⁶ «Բանդերը Հայաստանի արևելքին», 1963, № 1, էջ 88.

В Ване ассирийский патриарх имел секретные встречи с Клейтоном и прибывшим в это время в Ван английским консулом Троттером, после чего немедленно отправился в свою резиденцию.

Очень большое значение для подавления курдского восстания англичане придавали укреплению турецко-иранской границы и запрещению перехода курдов из Турции в Иран⁵⁷. Английские послы в Тегеране и Стамбуле вступили в переговоры с султаном и шахом по вопросу о совместных военных действиях против пограничных курдов. Посол Англии в Тегеране Томсон систематически сообщал из Тегерана в Лондон о результатах своих усилий, о целесообразности совместных действий и заключения официального соглашения между Ираном и Османской империей.

В свою очередь Клейтон в июле 1880 г. совершил большое путешествие с целью собрать сведения о подготовке Обейдуллы к восстанию, а также о положении в Хакяри. В депеше, отправленной из Башкале Троттеру, он выражал надежду, что в предстоящем путешествии по Гевару и территории, где проживают айсоры, он сможет собрать более подробные сведения и одновременно встретиться с шейхом⁵⁸.

Во время шестидневного пребывания в Кочанисе Клейтон часто встречался с маршимуном и беседовал с ним. Затем он отправился к шейху в Шемдинан. Клейтону и его свите в Шемдинане был устроен почетный прием: сотни вооруженных курдов выстроились вдоль дороги; навстречу Клейтону вышли переводчик Ага Сеид Мухаммед Садык и сын шейха Абдул Кадыр. Первая встреча была кратковременной и носила официальный характер, шейх все время говорил по-курдски.

Во время второй аудиенции Клейтон изложил позицию Англии в отношении Турции. Он особенно подчеркнул, что Англия считает одной из своих задач предотвращение всяких «беспорядков» и волнений, угрожающих целостности дружественной Османской империи. Далее Клейтон заявил, что он был направлен в Хакяри по прямому указанию посла, чтобы непосредственно ознакомиться «со всеми обстоятельствами». Следует

⁵⁷ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 1.

⁵⁸ Ibid.

подробнее остановиться на беседах Обейдуллы с Клейтоном, поскольку они дают возможность составить хотя бы приблизительное представление о дипломатическом искусстве шейха.

Внимательно выслушав длинную речь Клейтона, шейх выразил свою благодарность английскому правительству за его доброжелательное отношение к Турции и опроверг всякие слухи о беспорядках в Хакяри, заверив Клейтона в полном спокойствии в стране⁵⁹. По свидетельству записавшего позднее беседу армянского купца Багдасаряна, присутствующие были поражены логичностью и убедительностью доводов шейха. Клейтон, надеясь вызвать Обейдуллу на откровенный разговор, сказал, что недовольство курдов вполне допустимо, поскольку местная турецкая администрация не может хорошо управлять ими. В ответ на это Обейдулла заявил, что все курды вполне довольны турецкой властью.

Вскоре подали кофе, что означало окончание беседы. На следующий день Клейтон уехал из Шемдинана⁶⁰.

Путешествие Клейтона пришлось как раз на тот период, когда шейх готовился к съезду курдских вождей. В Шемдинане Клейтон встретил многих курдских главварей из Сулеймание, Амадия, Орамара, Бохтана, Сасунских гор, Спирта, Муша, Ванского вилайета и из иранского Курдистана⁶¹.

Узнав о созыве этого съезда, турецкие власти решили использовать его в своих интересах. Так, мушир Самих-паша и Бехри-бей, адъютант султана, имели встречи с отдельными курдскими вождями, во время которых стремились повернуть готовящееся восстание против армян.

⁵⁹ «Мурч», 1906, № 3, стр. 33—34.

⁶⁰ По поводу путешествия Клейтона по Хакяри и его встречи с шейхом некоторые газеты выражают ошибочное мнение, будто путешествие Клейтона и волнения, начавшиеся в Хакяри, не случайное совпадение. Даже среди мусульманского населения существовало убеждение, что поездка Клейтона имела прямое отношение к готовящемуся восстанию Обейдуллы. Камсаракан признает, что англичане не были заинтересованы в поддержке курдского движения, что такие взгляды «бессмысленные... предположения» (К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы в Персию в 1880 г.*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», СПб., 1884, вып. XI, стр. 45).

⁶¹ «Мурч», 1906, № 3, стр. 31.

В конце июля 1880 г. в Шемдинане открылся съезд курдских вождей. Он был самым представительным в истории курдов XIX в. Главной его целью Обейдулла считал заключение союза курдских племен, а также подготовку к восстанию. Съезд проходил весьма бурно и обнаружил резкое расхождение взглядов среди курдов. Некоторые вожди племен, продавшиеся турецким властям, с самого начала поставили вопрос об использовании союза курдских вождей против армян и других христиан. Такие выступления отчасти были обусловлены тем, что пункт 61-й Берлинского трактата предусматривал автономию для армян. Турецкие власти вели пропаганду среди курдов, убеждая, что это решение направлено против их прав⁶².

Обейдулла решительно выступал против такой позиции, указывая на ее губительные последствия для курдов в будущем. Он считал, что «если Порты до сих пор во всем поддерживает курдов, то только с целью противопоставить их христианским элементам в Анатолии, но если армяне будут здесь уничтожены, то курды потеряют свое значение в глазах турецкого правительства»⁶³. Более того, Обейдулла утверждал, что анти-армянские действия восстановили бы против курдов также и европейские страны. Речь Обейдуллы, его высказывания о создании независимого Курдистана встретили одобрение большинства участников съезда.

В ходе работы съезда Обейдулла, учитывая разногласия между курдскими вождями и нежелание некоторых из них выступить против Турции, решил изменить план восстания. На последнем решающем совете в Нехри⁶⁴ свое право на власть над курдами шейх аргументировал тем, что некогда турецкие султаны, приняв титул халифов и прикрываясь правом на религиозную власть, узурпировали всю верховную власть над курдами. Высказав мысль о необходимости создания независимого Курдистана, Обейдулла прямо призывал выступить против поработителей. «...Довольно терпеть и

⁶² А. Карцов, *Заметки о курдах*, стр. 18.

⁶³ См. П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. 227—228.

⁶⁴ В совете в Нехри присутствовали 5 шейхов, 21 халиф, 42 мирзы и 68 беев (см. П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. 228).

оставаться подданными вероотступников — турок! Следует освободиться», — говорил он. В числе врагов курдов, кроме турецкого правительства, он называл и иранское. «Эти два правительства — пиявки, мешающие нашему развитию»⁶⁵.

Далее Обейдулла изложил свой новый план восстания. В качестве района его дальнейшего развития он указывал на Иран. Мудрость заключается в том, чтобы не упускать «благоприятного случая», говорил он. А «благоприятный случай» заключался в политическом и экономическом положении Ирана. «Персияне, — аргументировал он, — воюют теперь с туркменами, на что они направили все свои силы: значит, настоящее время очень удобно для вторжения нашего в Персию. Если бы даже внимание персиян не было отвлечено в сторону к Туркмени, мы и тогда не должны были бы бояться их, ибо Персия едва-едва может выставить 100 тысяч войска, половину которого составляют наши соотечественники — курды, невыпосимо притесняемые означенным правительством»⁶⁶. Вопрос об освобождении курдов из-под власти Турции должен был решаться на втором этапе движения.

Основной экономической базой для дальнейшего развития движения и упрочения завоеваний должны были стать плодородные районы иранского Курдистана. «Так как часть Курдистана, — говорил он, — принадлежит Персии, то, начавши войну со слабейшей (стороной. — Д. Д.), мы освободим наших братьев»⁶⁷.

После совещания началась усиленная подготовка курдов к восстанию. Чтобы обеспечить снабжение оружием, наиболее доверенные люди были направлены в важнейшие центры: Сеид Абдурахман — в Хой, Сеид Садык — в Салмас, шейх Бадин — в Урмию⁶⁸.

Большое значение Обейдулла придавал религиозному антагонизму между курдами-суннитами и иранцами-шиитами⁶⁹. Кроме того, он учитывал также взаимотно-

⁶⁵ П. И. Аверьянов, *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия*, стр. 229.

⁶⁶ Там же, стр. 229, 230.

⁶⁷ Там же, стр. 230.

⁶⁸ К. П. Қамсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы...*, стр. 39.

⁶⁹ А. Карцов, *Заметки о курдах*, стр. 19.

шения Турции и Ирана, которые были весьма прохладными после русско-турецкой войны.

Обейдулла принимал во внимание и то обстоятельство, что в связи с гератским вопросом и англо-афганским конфликтом Иран сконцентрировал большое количество войск в своих восточных районах за счет ослабления западных⁷⁰.

Среди иранских курдов Обейдулла пользовался огромным авторитетом. Многие курдские племена в Иране непосредственно подчинялись ему, а не иранскому правительству. Используя свое влияние, шейх сумел примирить племена мамаш, мангур и пиран⁷¹. Влияние Обейдуллы в Иране настолько возросло, что английский консул в Табризе Аббот 15 июня 1880 г. с опасением писал Томсону: «...Шейху удалось привлечь на свою сторону значительную часть племени шикак, которая ранее была верна шаху». Он предлагал иранским властям немедленно отправить генерала Кубу-хана из Табриза на границу для встречи с турецкими комиссарами по вопросам устранения напряженности на границе⁷². «Еще более нежелательно,— писал Аббот,— чтобы ему (шейху.— Д. Д.) позволили расширить свое влияние на границе Персии, и я выражаю это мнение местным властям»⁷³.

⁷⁰ «Голос», 1880, № 292.

⁷¹ АВПР, ф. «Миссия в Персии». 1877—1896, оп. 528а, д. 1202, л. 12 об.

⁷² «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», pp. 8, 9.

⁷³ Ibid., p. 9.

**ВОССТАНИЕ КУРДОВ
ПОД РУКОВОДСТВОМ ШЕЙХА ОБЕЙДУЛЛЫ
В ИРАНЕ В 1880 г.**

В начале июля 1880 г. губернатор Урмий поручил сыну шейха Абдул Кадыру собрать налоги в районе Сомави и передать их властям¹. Абдул Кадыр отказался выполнить это поручение. Тогда губернатор, руководствуясь политикой разделяй и властвуй, поручил одному из курдских вождей из округа Сомави — Али-хану — собрать эти подати². С этой целью Али-хан отправил в Сомави сына Маше³. Шейх Обейдулла, желая оказать поддержку Абдул Кадыру, предпринял военные меры, которые заставили Али-хана уклониться от выполнения приказа губернатора. Маше в знак покорности шейху поехал к нему в Хакяри, а Али-хан дал знать губернатору Урмий, что из-за противодействия Обейдуллы он лишен возможности исполнить его, губернатора, поручение⁴.

В течение августа на территории иранского Курдистана произошли события, которые явились новым поводом для возмущения курдов.

Известный курдский вождь племени мангур Хамза-ага после Шемдинанского совещания принял решитель-

¹ Абдул Кадыр в то время управлял теми четырьмя деревнями в Иране, которые шах подарил его отцу. После русско-турецкой войны почти все деревни Сомави, населенные курдами-суннитами, признали своим главой Обейдуллу и платили подати ему.

² К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы...*, стр. 36.

³ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 9.

⁴ К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы...*, стр. 37.

ные меры по подготовке будущего восстания⁵. Он уговаривал вождей многих племен присоединиться к восстанию. Среди курдского населения Ирана план восстания, принятый на совещании, нашел большую поддержку. Русский генеральный консул в Табризе сообщал, что курды, «измученные и разоренные персидской администрацией», возбуждены и настроены враждебно. Он заявлял далее, что они «встретят шейха с распростертыми объятиями как избавителя и почти поголовно перейдут на его сторону»⁶. Деятельность Хамза-аги вызвала репрессии правителя Соуджбулакского района. Тогда Хамза-ага поднял восстание своего племени и обратился за помощью к шейху Обейдулле. В августе Обейдулла отправил отряд в 1 тыс. вооруженных курдов во главе с сыном Абдул Кадыром на выручку мангурам. В составе отряда иранскую границу пересекли и курды племени барзани, верные шейху⁷. К восставшим присоединялись все новые и новые племена.

По заранее разработанному плану первый ударный отряд во главе с Абдул Кадыром и Хамза-агой должен был сначала захватить Соуджбулак, а затем Табриз; второй отряд, сформированный в Мергавере под руководством другого сына шейха, Мухаммед Садыка, был нацелен на Урмию, а третий, возглавляемый халифом Мухаммедом Сендом, должен был овладеть всеми районами, лежавшими к западу от оз. Урмия, в том числе городами Салмас и Хой. Общее руководство этими двумя отрядами осуществлял шейх Обейдулла⁸. Небольшая армия Хамза-аги и Абдул Кадыра, не встречая никакого сопротивления со стороны иранских по-

⁵ Племя Хамза-аги входило в билбасский большой аширет. Билбасы жили на иранско-турецкой границе, что обеспечивало им полунезависимое положение. Пользуясь постоянными конфликтами между Турцией и Ираном, аширет билбас зимовал в Турции, а летом поднимался на горные кочевья в иранские районы Ушну и Лахиджан.

До русско-турецкой войны Хамза-ага был арестован багдадским правителем и сидел в багдадской, а затем в стамбульской тюрьмах. Через несколько лет после войны ему удалось получить разрешение на жительство в Багдаде, откуда он бежал в Иран, где снова стал во главе своего племени («Мшак», 1880, № 203).

⁶ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896, оп. 528, д. 1202 л. 12 об.

⁷ همزه عبدالله، شورشی بارزان، سلیمانی، ۱۹۵۹، ل ۱۲—۱۳.

⁸ К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы...*, стр. 40.

граничных войск, дошла до района Мергавер, где к ней присоединился глава местных курдов Махмуд-ага с 500—600 курдами. Восставшие двинулись в район Ушну, где к ним примкнули 400 человек

10 сентября повстанцы заняли округ Мангура, где к ним присоединились более тысячи вооруженных всадников. 15 сентября они вошли в округ Лахиджан, населенный племенем пиран. Камсаракан отмечал, что они были «наиболее преданными идеям единства курдов»⁹. Племя пиран выставило около 2 тыс. пеших и 1 тыс. конных повстанцев. Таким образом, восстание курдов к этому времени приобрело значительный размах.

* *

Для освещения восстания, его причин, а также правильной оценки роли Обейдуллы в нем важное значение имеют письма шейха, отправленные с первых же дней восстания иранским и иностранным представителям.

Интересно заметить, что в двух письмах, посланных американскому миссионеру Кохрану в Урмию, шейх просил американца поставить в известность английского консула о тех мотивах, которые побудили курдов к восстанию.

В первом письме от 25 сентября шейх приводил факты бесчинства иранских правителей в отношении курдов и доказывал, что без восстания курды не смогут добиться освобождения. Он писал, что в 1879 г. Шуджа-од-Довле казнил 50 подданных шейха и причинил шейху ущерб на 100 тыс. туманов, а представители иранских властей избили до смерти курдского вождя Фараджулла-хана, оштрафовали на 20 тыс. туманов Абдулла-хана и Ибрагим-хана из Ушну, насильно увели курдских женщин, а также совершили другие преступления, переполнившие чашу терпения курдского народа. Далее Обейдулла просил американского миссионера изложить все эти мотивы английскому консулу, «чтобы дело Курдистана, если оно будет расследоваться, могло быть понято»¹⁰.

⁹ Там же, стр. 40.

¹⁰ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 47.

Цели восстания курдов Обейдулла излагает в письме, направленном Кохрану и губернатору района Урмии Икбал од-Довле.

Еще до этого в письме к губернатору Урмии от 15 сентября шейх затрагивал вопрос о преступном отношении Турции и Ирана к курдскому народу и делам Курдистана, население которого часто подвергалось ложным обвинениям. Обейдулла не отрицал, что в Курдистане иногда происходили разбойничьи акты, однако он правильно замечал, что «среди них (курдов.— Д. Д.) могут быть скверные люди, но почему невиновных сваливают в одну кучу с виновными... В результате о курдах идет плохая молва, да и сами курды не питают уважения к своим правителям»¹¹.

Шейх прямо называл племена в Турции и в Иране, которые причиняют беспокойство населению. Однако он причину этих явлений видел в том, что власти в отношении этих племен, в частности шикака (в Иране) и харки (в Турции), не проявляли надлежащего внимания и, следовательно, своим равнодушием поощряли эти действия¹². «Поэтому-то,— продолжал шейх,— курды Турции и Ирана объединились и решили образовать одну нацию, чтобы поддержать внутри своей страны порядок, и они дали письменное обязательство, что в их стране не будет беспорядков»¹³.

С целью обеспечить дальнейший успех восстания Обейдулла стремился привлечь на свою сторону некоторых иранских вельмож. Так, 29 октября он отправил письмо одному из претендентов на шахский престол, Аббасу Мирзе. Письмо шейх отправил с двумя своими людьми — Хусейном Нули и Абдул Рахимом, который от имени шейха предложил Аббасу Мирзе присоединиться к курдам.

Однако Аббас Мирза схватил этих двух курдов и вместе с письмом передал их в распоряжение шаха¹⁴.

¹¹ Ibid., p. 49.

¹² АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1882 гг., л. 29, 56 об.: «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 47.

¹³ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 49.

¹⁴ Ibid.

Вскоре все курдские районы были охвачены восстанием.

В первой половине сентября курды заняли округа Лахиджан и Сердешт. Повстанцы, силы которых пополнились за счет вооруженных отрядов населения, становились грозной опасностью. «Ныне,— писал один иранец своему знакомому,— против Ирана восстали не 20 тыс. курдов, а весь Курдистан»¹⁵.

Почти все курдские племена в Иране присоединились к Обейдулле. Среди них были: мангур (5 тыс. дымов), мамаш (5 тыс.), зарза (8 тыс.), мукри (10 тыс.), дебокри (10 тыс. дымов), гаврик, шикак, джаф (50 тыс. человек), пиран, аго, зуди и др.¹⁶.

Турецкая газета «Вақыт» объясняла массовое выступление курдов в Иране тем, «что курды жили под гнетом и вынуждены были платить налоги»¹⁷.

Не встречая серьезного сопротивления, повстанцы подошли к Соуджбулаку, главному городу иранского Курдистана. Видя, что население города целиком поддерживает восставших, губернатор вступил с ними в переговоры. В результате переговоров губернатору разрешалось покинуть город вместе со своей свитой, оставив оружие и имущество. После этого курды без единого выстрела овладели Соуджбулаком¹⁸.

Для управления захваченными районами шейх Абдул Кадыр назначил правителей — хакимов. Было создано временное правительство Курдистана.

Имам Джума в Соуджбулаке издал манифест, объявлявший священную войну иранцам-шиитам. Религиозный манифест имама Джума сыграл отрицательную роль, потому что религиозный фанатизм ослаблял прямое стремление к национальной независимости, усиливал сопротивление иранцев-шиитов и настраивал против курдов все немусульманское население¹⁹.

¹⁵ «Кавказ», 1880, № 284.

¹⁶ «Мурч», 1906, № 8, стр. 6.

¹⁷ «Вақыт», 1880, № 1868.

¹⁸ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5, (1881)», p. 32.

¹⁹ Американский миссионер Вильсон правильно замечает, что расправа курдов над иранцами-шиитами была ошибкой, «потому что это вызвало отчаянное сопротивление иранцев и рассеивало всякую симпатию к курдам, которая могла бы быть» (S. G. Wilson, *Persian life and customs*, p. 112).

Манифест имама Джума не отражал основной цели курдских повстанцев — достижения национальной независимости.

23 сентября курды заняли округ Шушеван, а 27 — г. Аштаруг²⁰.

При переходе через реку Татаву они встретили сопротивление в ряде городов и местечек, население которых составляли францы-шипы. Дольше других оказывали сопротивление курдам некоторые укрепленные пункты в районе Миандооба. Отряды Хамза-аги, продолжая стремительное наступление, оставили этот город в тылу и направились в сторону Завара, который сдался после двухнедельного сопротивления. Курды расправились с той частью населения, которая оказывала поддержку иранским войскам. После этого Хамза-ага овладел Миандообом. Разбитые иранские отряды из Завара и Миандооба, объединившись, пытались приостановить продвижение курдов у г. Мелик-канда. В середине октября в результате кровопролитного сражения курды взяли и этот город²¹.

Вскоре курдские отряды подошли к Табризу. Стремительное продвижение курдов и их неожиданное появление под Табризом вызвало панику в городе. Население начало срочно вооружаться и строить баррикады. Иностранные консульства подготовили свои архивы к немедленной отправке. Усилению паники способствовало и прекращение почтового сообщения²².

По мнению корреспондента «Таймс», большие успехи курдов объяснялись тем, что курдское население страны встретило Обейдулла как освободителя²³. Во время стычек с иранскими пограничными отрядами курдские офицеры и солдаты, состоящие на иранской службе, часто переходили на сторону курдов²⁴.

Во время продвижения по курдским и иранским районам Абдул Кадыр принял меры к тому, чтобы гарантировать сохранность жизни и имущества мирного населения. Покровительством Абдул Кадыра пользова-

²⁰ К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы...*, стр. 4.

²¹ Там же, стр. 41.

²² S. G. Wilson, *Persian life and customs*, p. 109.

²³ «The Times», 17.XI.1880.

²⁴ «Кавказ», 1880, № 317.

лись русские подданные. В этой связи коллежский асессор Шульжевский из Табриза в своем донесении от 20 ноября 1880 г. писал: «Арутюн Назарбеков (русский подданный.— Д. Д.), находясь все время в Соуджбулаке, был несколько раз у шейха (Абдул Кадыра.— Д. Д.), который дал ему людей для охраны городских амбаров русских подданных и просил его выдавать под расписку пшеницу и ячмень, если таковые понадобятся для войска»²⁵.

Несколько по-иному сложилась обстановка для курдских сил под Урмией, которые возглавлял Обейдулла. Иранским властям с помощью местных военных отрядов в Урмии удалось довольно долго удерживать город. Окружив Урмию, Обейдулла 21 октября отправил в город двух вестовых, предлагая населению добровольно сдаться. В ответ на это на следующий день главные муллы города послали шейху свои уверения в доброжелательности и выразили ему покорность. Однако правитель Урмии Икбал од-Довле вопреки такому ответу стал укреплять городские стены и усилил охрану.

Шейх, узнав об этом, начал готовиться к решительному наступлению. Икбал од-Довле с целью выиграть время попросил посредничества английского консула Аббота. «Икбал од-Довле просил меня,— писал Аббот в своем дневнике 22 октября,— в порядке одолжения добиться беседы с шейхом с целью убедить его приостановить военные действия, чтобы он тем временем мог связаться со столицей и с Табризом»²⁶.

Аббот охотно взялся за дело. Он в тот же день отправился в путь, чтобы передать шейху просьбу Икбал од-Довле и убедить его на время прекратить штурм города.

Однако шейх отказался вступить в переговоры с Икбал од-Довле. Обейдулла изложил Абботу цель восстания курдов, а также выразил свое недовольство иранским правительством. Впоследствии шейх направил к Абботу опытного халифа Санд Мухаммеда, который должен был убедить его в доброжелательном отношении Обейдуллы к европейским странам и доказать справед-

²⁵ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896, оп. 528а, л. 1202, л. 113.

²⁶ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 38.

ливость выступления курдов. Саид Мухаммед изложил Абботу нетерпимое положение курдского населения, указывал на незаконные иранских правителей и чиновников, в особенности на злодеяния губернатора Урмии. О результатах этой беседы Аббот писал в дневнике следующее: «Шейх намерен пресечь разбойничьи набеги различных племен, которые продолжают совершаться со стороны Турции и Персии, поскольку представители правительства этих двух стран не в состоянии сдерживать их, восстановить порядок на обеих границах и предоставить христианам и мусульманам равные права, способствовать развитию просвещения, строительству школ и церквей. Единственное, чего он хочет,— это моральной поддержки европейских держав...

Шейх предлагает испытать его. Если ему не удастся создать Курдистан и установить там сильное правительство, тогда он готов предстать перед лицом европейского трибунала со всеми вытекающими последствиями»²⁷.

И тем не менее Аббот дал понять представителю шейха, что Англия не проявляет интереса к возникшему спору между курдами и Ираном. Более того, узнав, что на стороне курдов выступили 300 айсоров-горцев под командованием митрополита Мар-Иозефа, Аббот стремится помешать дальнейшему присоединению айсоров, в особенности тех из них, которые проживали в окрестностях оз. Урмия²⁸. С этой целью он отправился в часовню и, выступив перед народом, напомнил о том, что Англия продолжает интересоваться судьбой христианского населения, и потому оно должно остаться в стороне от курдского движения.

Благожелательное отношение шейха к мирному населению, особенно к христианам и европейцам, наглядно проявилось с первых же дней его выступления. Шейх принимал все возможные меры для гарантии безопасности христианского населения. По его приказу были приготовлены сотни голубых флагов, которые должны

²⁷ Ibid., p. 39.

²⁸ Английский консул в Багдаде Пловден, ссылаясь на слухи, сообщил послу Гошену 8 октября, что число айсоров, принявших участие в курдском восстании, составило несколько тысяч («Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 13).

были быть укреплены на крышах домов христиан, чтобы отличить их от других²⁹.

Чтобы убедить население в освободительном характере борьбы, Обейдулла строго запрещал восставшим курдам бесчинствовать или заниматься грабежом в завоеванных районах. В одной корреспонденции английской газеты «Стандарт» сообщалось, что шейх распылял тридцать курдов за их бесчеловечное отношение к мирному населению³⁰. Накануне наступления на Урмию 23 октября шейх известил Аббота о готовящихся действиях, чтобы дать возможность мирному христианскому населению заранее покинуть город³¹.

Он предложил Абботу отправиться в город вместе с армянином Симон-агой³² и организовать эвакуацию населения. «Я согласился с этим предложением,— пишет Аббот в своем дневнике,— и в девять часов утра вместе с доктором Кохраном, Симон-агой и двумя моими персидскими телохранителями прибыл к главным воротам города...»³³.

Однако Икбал од-Довле встретил их градом пуль и заставил повернуть назад. Узнав об этом инциденте, шейх послал Абботу письмо с просьбой дать ему документ, который он в будущем смог бы предъявить в качестве доказательства своих гуманных намерений³⁴. Но Аббот не удовлетворил его просьбу.

Вместе с тем в октябре Аббот, пользуясь благожелательным отношением шейха к европейцам, совершил путешествие через Тергавер, Ушну, Сулдуз и Соуджбулак в Табриз с целью ознакомления с положением дел

²⁹ «Мурч», 1906, № 8, стр. 13.

³⁰ См. газ.: «Кавказ», 1880, № 229.

³¹ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 38.

³² Симон-ага — он же Кюрдукчи Симон Чилингарян, который присутствовал при встрече Клейтона с Обейдуллой. По мнению Вильсона, главная цель Симон-аги заключалась в защите интересов христиан. Из других, более достоверных источников, выясняется, что русскоподданный Чилингарян был главным советником Обейдуллы в его дипломатической переписке. Некоторые источники даже представляют его как министра иностранных дел шейха (АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1881, д. 1567, л. 2).

³³ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 38.

³⁴ Ibid.

в курдских районах и выявления дальнейших намерений курдов.

В Турции внимательно наблюдали за разворачивавшимися событиями в Иране. С одной стороны, Турция своей «лояльностью» фактически способствовала успешной подготовке восстания (желая, чтобы оно было направлено против Ирана, ее восточного соседа), а с другой — с опасением следила за успехами курдов. По этому еще в период подготовки выступления курдов Порта привела свои войска в полную боевую готовность. Штаб четвертого корпуса в начале августа получил телеграмму с предписанием немедленно приступить к мобилизации редифа. Крупные стамбульские банкиры Зарифы, Фостер и другие представили к оплате в Эрзуруме, Ване, Сивасе, Кастамону и Трабзоне для нужд военных расходов хавала (переводы) на сумму свыше 30 тыс. лир. Вали Эрзурума был секретно предупрежден о том, чтобы «ничего не платить, а собрать откуда бы ни было 30 тыс. лир». Не разгадав смысла этих приговорений, Обермиллер срочно сообщил из Эрзурума русскому послу в Константинополе: «Ваше превосходительство, извольте учесть, что переполох в турецком лагере необыкновенный. Весь корпус укомплектован, редифы стоят под ружьем и сверх этого, если не ошибаюсь, Порта предписала поспешно собрать следующий контингент рекрутов»³⁵.

Уже в период восстания происходила большая концентрация турецких войск в Эрзуруме. Из Вана, Муша, Битлиса и Эрзинджана в Эрзурум были отправлены 16 батальонов, а из Эрзинджана и Мамахатуна переброшено 28 крепостных орудий самого большого калибра с обслуживающим персоналом. Штаб-квартира четвертого корпуса срочно была перенесена из Эрзинджана в Эрзурум. Отсюда намечалась переброска этих сил в Ван, ближе к месту событий в Курдистане.

В октябре Самих-паше в Ван было отправлено 50 тыс. пиастров, 60 выюков патронов и 40 выюков обмундирования, а позднее — 20 батальонов пехоты.

Наряду с этим, чтобы подорвать авторитет шейха, в Стамбуле против него плелись интриги. Турецкое пра-

³⁵ АВПР, ф. «Главный архив V—A₂», 1880, оп. 181. л. 1095. л. 79 об.

вительство прибегло к своему излюбленному методу, натравливая одного влиятельного курда на другого. Были пущены слухи, будто султан намеревается создать курдскую провинцию на территории от Эрзурума до Вана, Диярбакыра и Мосула и назначить ее правителем приверженца султана Абдалла-пашу из рода Сулеймание. При этом султан знал, что Абдалла-паша враждовал с Обейдуллой. Кроме того, ходили слухи, что Абдалла-паша уже выступил со своей армией против восставших с целью усмирить курдов и удержать их под властью султана³⁶.

В этой критической обстановке иранское государство приняло все возможные меры для подавления курдского движения. По прямому указанию шаха главные иранские силы под общим командованием Итимад ос-Салтане двинулись со стороны Табриза. Вторая группа войск под руководством Хамза Мирзы Хишмет од-Довле в сопровождении европейских офицеров (австрийцев) выступила из Тегерана. На пути к ним присоединились войска, отправленные из Хамадана и Казвина. По многим сведениям, войска, вышедшие из Тегерана, были обучены австрийскими офицерами. Третья группа войск во главе с Тимур-ханом двигалась из Хоя. Принимались и другие меры³⁷.

В то время как Иран готовился к наступлению против восставших, курдские вооруженные отряды под Табризом ослабили свои военные действия и предались грабежу в районах Азербайджана. Многие курды, примкнувшие к восстанию с целью спастись от голода, захватив добычу, покидали лагерь повстанцев и возвращались домой. Это вело к ослаблению сил курдов, которое в дальнейшем резко сказалось на ходе военных действий против шахских войск.

Наряду с подготовкой выступления против курдов шах обратился к России и Англии с просьбой убедить Турцию, чтобы она приняла соответствующие меры для подавления курдского движения³⁸.

³⁶ «Правительственный вестник», 1880, № 263; «Кавказ», 1880. № 316.

³⁷ «The Times», 29.X.1880.

³⁸ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1881, оп. 8, д. 29, л. 5.

Царские власти, выполняя свой «дружеский долг» перед шахским правительством, сосредоточили в Нахичеване близ русско-иранской границы значительные военные силы под начальством Алхазова.

11 октября во время аудиенции, данной послу Англии в Тегеране Томсону, шах просил английское правительство воздействовать на Турцию, чтобы та предприняла военные меры против курдских повстанцев. Томсон в тот же день докладывал об этой аудиенции своему правительству, заметив при этом, что успехи курдов в Иране могут вызвать прямое вмешательство России в иранские дела. «Его величество (шах.— Д. Д.) очень опасается, что Россия... воспользуется промедлением, чтобы активно вмешаться, сославшись на необеспеченность безопасности интересов своих многочисленных подданных в Азербайджане, которых персидское правительство не было в состоянии защитить»³⁹.

В то же время английский консул Троттер высказывал соображения о том, что турецкому правительству следовало бы воспользоваться неудачами шейха в Иране и окончательно разгромить его в Турции⁴⁰.

Под нажимом Англии и России турецкое правительство, чтобы отрезать курдам путь отступления из Ирана в Турцию, выставило на границе кордон из 9 батальонов.

В свою очередь шахское правительство использовало и иррегулярную конницу, к помощи которой оно обращалось лишь в случае войны. На призыв шаха карадагцы и шахсеваны выставили около 20 тыс. всадников⁴¹. Эта иррегулярная конница оказала шахскому правительству большую услугу в подавлении курдского восстания. Своей жестокостью она вызывала ужас на территории всего иранского Курдистана. Эту жестокость поддерживали и австрийские офицеры на иранской службе.

К подавлению курдского восстания усердно готовился правитель Маку Тимур-хан. Он поставил под ружье почти все военные силы Макинского ханства.

³⁹ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 11.

⁴⁰ Ibid., p. 22.

⁴¹ Л. К. Артамонов, *Северный Азербайджан*, Тифлис, 1890, стр. 75, 78.

«По общему мнению,— писал Минорский в своем отчете о поездке в Макинское ханство,— оставались лишь старики и дети»⁴². Более того, Тимур-хан настаивал, чтобы армянское население участвовало в его походе против курдов⁴³.

Получив известие о приближении Тимур-хана с пяти-тысячной армией к Урмии со стороны Салмаса, Обейдулла выслал навстречу ему Мухаммед Садыка с двухтысячной армией. Однако Тимур-хан сумел уклониться от встречи с Мухаммед Садыком и подойти к городу с другой стороны. Обейдулла был вынужден сам выступить против Тимур-хана. И при стычке у Билавы Обейдулла потерпел неудачу.

Шейх со своими силами вынужден был отступить к Джиннискале. Тимур-хан преследовал его, грабя по пути совершенно беззащитных жителей Урмии: армян, иранцев и курдов.

Весьма неблагоприятная обстановка сложилась и для повстанцев, двигавшихся в направлении Соуджбулак — Табриз. Иранские власти жестоко расправлялись с курдами. Так, губернатор Миандооба — Хаджи Мирза Абдул Касым поклялся обезглавить любого попавшего в его руки курда. Его жестокость вполне одобрялась табризскими властями. За убийство курдов Валиахд награждал Хаджи Мирза Абдул Касыма 100 туманами⁴⁴. Такая же участь ожидала и тех курдов, которые добровольно приходили к ним с повинной. Шульжевский писал: «...Почти все курды, добровольно явившиеся в лагерь (иранцев.— Д. Д.), были казнены или закованы в цепи»⁴⁵.

Измена курдских вождей и дезертирство из войск повстанцев вынудили Абдул Кадыра и Хамза-агу поспешно отступить. У Бинаба между курдами и иранскими войсками произошло сражение, в результате ко-

⁴² В. Ф. Минорский, *Отчет о поездке в Макинское ханство*, — «Материалы по изучению Востока», вып. I, СПб., 1909, стр. 30.

⁴³ «Мшак», 1880, № 199. Основными курдскими племенами, которые входили в ополчение Тимур-хана, были джелали (более 1500 дымов), милан (до 1000 дымов) и хайдаранлу (до 200 дымов) (Минорский, *Отчет о поездке в Макинское ханство*, стр. 19).

⁴⁴ К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы...*, стр. 43.

⁴⁵ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., оп. 128а, д. 1202, л. 104.

того повстанцы понесли большие потери⁴⁶. В письме отцу Абдул Кадыр сообщал, что главной причиной его неудачи была измена курдских вождей. «...Некоторые из моих людей перешли на сторону врага, поэтому и потерпел неудачу... Мои люди склонны разбежаться. Я в течение нескольких дней пытался уладить эти дела. Если бы они не боялись, то определенно рассеялись бы»⁴⁷. Среди курдских вождей, изменивших восстанию, он называл Джелал-хана Карапапаху и Исмаил-ага Хаджи Хоша.

Большой ущерб делу повстанцев в 1880 г. был причинен теми вождями курдских племен, которые примкнули к восстанию с целью мародерства и грабежа. Положение усугублялось еще и тем, что некоторые курдские феодалы, участвовавшие в освободительном движении, руководствовались корыстными соображениями и преследовали свои личные интересы.

Иранские войска, не встречая серьезного сопротивления, на своем пути сжигали и грабили курдские деревни, убивали всех курдов, не щадя стариков, женщин и детей. Отряд Сипах Салара, присланный из Тегерана, сжег множество деревень в Соуджбулакском округе. По утверждению газеты «Вақыт», Сипах Салар приказал не щадить курдов, жечь их деревни, уничтожить урожай, оставив население без хлеба⁴⁸.

Иранские войска, в которых царило мародерство и произвол, грабили даже деревни, населенные не курдами. Так, все деревни округа Меджид-хана, которые были арендованы русским подданным Назарбековым, были разграблены и сожжены⁴⁹.

Не меньшую жестокость проявляли отряды Иттимад ос-Солтане и Хисам од-Довле. Особенной жестокостью отличались сарбазы, которых не могли обуздать даже их предводители. Зато эти действия поощрялись австрийскими офицерами, которые приказали войскам сжечь деревни Меджит-хана и перебить жителей. В ответ на протест Хисам од-Довле против этих крайних мер стар-

⁴⁶ «The Times», 3.XI.1880.

⁴⁷ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 77.

⁴⁸ «Вақыт», 3.II.1881.

⁴⁹ АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., оп. 528а, д. 1202, л. 95 об.

ший из австрийских офицеров пригрозил ему немедленно пожаловаться в Тегеран, где, по его словам, ему было приказано «уничтожить все в Курдистане на пути следования»⁵⁰.

Офицеры иранской армии брали взятки со всех ага и ханов за сохранение в целости их деревень. Кроме того, иранские власти наложили на курдов штраф в 40 тыс. туманов в качестве возмещения за их прошлые преступления⁵¹. Шульжевский в своем донесении от 10 декабря 1880 г. отмечал, что при подавлении восстания были убиты несколько тысяч курдов, разграблено и сожжено более двухсот курдских деревень⁵².

Под натиском шахских войск Абдул Кадыр, Хамза-ага и другие курдские вожди со своими отрядами через Лахиджан и Ушну отошли в район Мергавера. За ними шли четыре полка пехоты, 1500 всадников при четырех орудиях под начальством Сертип-аги Хана и Насыр-хана-Мулька⁵³. В ноябре повстанцы перешли границу Турции. Тогда шахское правительство потребовало от Порты выдачи курдских вождей. Это требование поддержали Англия и Австрия⁵⁴. Например, английский посол в Турции Гошен поставил перед Турцией условие: «Или показать Обейдулла или выдать его Ирану»⁵⁵.

После отступления Обейдуллы и Абдул Кадыра в Турцию, большинство вождей курдских племен в Иране выразили шаху свою покорность. Сопротивление продолжало только племя мангур во главе с Хамза-агой, который с самого начала движения не шел ни на какие компромиссы с иранскими властями. Против этого непокорного племени шах послал четыре полка регулярной кавалерии под руководством Али-хана Афшара. Иранские солдаты разрушили деревни Хамза-аги, убили и захватили в плен много курдов. По сообщению полкового

⁵⁰ Там же, л. 96 об.

⁵¹ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», р. 54.

⁵² АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., оп. 528а, д. 1202, л. 137.

⁵³ Там же, л. 113, об. [см. также «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5, (1881)», р. 57].

⁵⁴ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», р. 58.

⁵⁵ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1881 гг., оп. 8, д. 29, л. 47 об.

писца иранских войск, из деревень племени мангур было уведено около тысячи верблюдов с добычей⁵⁶.

Хамза-ага, с небольшим отрядом вооруженных курдов, бежал в горы к турецко-иранской границе и продолжал партизанскую борьбу⁵⁷. Внезапные нападения Хамза-аги на передовые отряды иранских войск наводили ужас на противника.

Губернатор Соуджбулака Хасан Али-хан решил хитростью захватить Хамза-агу. Он поклялся на Коране и посулил Хамза-аге полную безопасность, если тот проявит верность и прибудет к нему для встречи на празднике. Хамза-ага, поверив клятве, прибыл на праздник с несколькими своими всадниками. Однако губернатор, вероломно нарушив клятву, приказал уничтожить Хамза-агу и прибывших с ним всадников. Несмотря на проявленное мужество, Хамза-ага был убит; голову его губернатор послал в Урмию к главнокомандующему иранскими войсками⁵⁸.

После поражения восстания Обейдулла укрепился в своей резиденции в Шемдинане. Жестокие расправы иранских войск с повстанцами заставляли многих курдов перейти иранскую границу и искать убежища в Турции. По данным Порты, около 60—70 тыс. населения Урмии были вынуждены эмигрировать в Турцию, в том числе примерно 2 тыс. в Хакяри⁵⁹. Следовательно, происходила массовая эмиграция курдов из Ирана.

Для предотвращения возможных курдских восстаний в будущем иранские правительственные круги вынашивали планы расселения курдов. Они намеревались переселить курдов из Маку, Сенне, Керманшаха и других районов в самые отдаленные и глухие места Ирана⁶⁰.

Многие курдские племена, активно участвовавшие в восстании шейха Обейдуллы, были переведены к оседлому образу жизни. В результате племя зырза в округе

⁵⁶ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1880)», p. 80.

⁵⁷ S. G. Wilson, *Persian life and customs*, p. 120.

⁵⁸ АВГР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., оп. 528а, д. 1202, лл. 199—200.

⁵⁹ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 65.

⁶⁰ «Кавказ», 1880, № 304.

Ушну подало в крепостную зависимость от афшаров, которых иранские власти особенно поддерживали в деле закрепощения курдов⁶¹.

Однако эти меры не могли устранить возможности новой вспышки курдского восстания. Поэтому шахское правительство настойчиво требовало от Порты и европейской держав согласия на арест шейха. С этой целью в Ван был отправлен адъютант шаха полковник Мирза Риза-хан в сопровождении австрийца барона фон Лейтнера. Но Мирза Риза-хан, не встретив поддержки у турецких властей, вскоре возвратился в Тегеран. Тогда шахское правительство послало Порте ноту, обвинив турецкие власти в «халатности», которая послужила поводом к тому, что курды во главе с Обейдуллой вторглись на иранскую территорию и оказали помощь восставшим курдам в Иране⁶².

В ответной ноте от 28 ноября 1880 г. Порта в знак дружественного расположения к Ирану перечисляла меры, предпринятые ею для подавления курдов: «Благодаря этим эффективным мерам,— говорилось в ноте,— повстанцы не смогли сохранить единство рядов: среди них появились распри, и продвижение иранских войск было облегчено»⁶³.

В свою очередь Порта обвинила иранские власти в том, что они допустили ряд набегов иранских курдов на Багдад, Мосул и Ван, и отметила невнимательное отношение иранского правительства к жалобам турецких властей в свое время.

Боясь нового выступления курдов, шах, отказавшись от своих обвинений, дал указание своему послу в Стамбуле Мохсин-хану добиться от Порты гарантий относительно принятия ею эффективных мер, которые не дали бы возможности Абдул Кадыру вновь вторгнуться на территорию Ирана⁶⁴. Однако переговоры затягивались. Это было только выгодно Обейдулле. Воспользовавшись временным затишьем, он с первых дней

⁶¹ А. М. Колубакин, *Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г.* — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», 1883, № 4, стр. 58.

⁶² «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 63.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid.

по возвращении в свою резиденцию энергично взялся за подготовку нового выступления. Обейдулла вновь обратился с письменными воззваниями к курдским вождям, призывая их принять участие в новом восстании.

Вместе с тем он не переставал надеяться на благожелательное отношение России к курдскому вопросу. Так, доверенный Обейдуллы Халиф Мухаммед Саид в начале весны 1881 г. встретился с Камсараканом и передал ему прошение курдов, переселившихся из Ирана в Хакяри. Об этой встрече Камсаракан немедленно направил сообщение послу Нелидову в Стамбуле. В этом сообщении он писал: «Названный Халиф передал, что Обейдулла готов всегда и во всем слепо следовать указаниям России, если последняя будет настаивать на том, чтобы были вскрыты истинные причины вышеупомянутых беспорядков. В Константинополь Обейдулла отказывался ехать, совершенно не доверяя Порте. Лишь уверенность в поддержке России могла бы заставить его поехать туда»⁶⁵.

Серьезные выводы, сделанные Обейдуллой после неудачного восстания в Иране, сразу обнаруживаются в характере его деятельности, направленной на организацию нового восстания курдов.

С этой точки зрения большой интерес представляет письмо Обейдуллы одному из влиятельных курдов алашкертскому шейху Халифу. В этом письме большое место отводилось армяно-курдскому вопросу. Обейдулла отмечал, что при подготовке восстания он основное внимание уделял курдам, надеясь только с их помощью создать курдское государство. Однако опыт показал, что враждебное отношение некоторых курдских вождей к гостеприимным и миролюбивым армянам сильно повредило движению. Поэтому в освободительной борьбе необходимо объединение с армянами. «...Все-таки,— писал Обейдулла,— я больше верю армянам, чем персам и туркам. Нам лучше объединиться с армянами, чем с персами и турками, так как персы нас ненавидят, а турок желает сделать нас орудием своей политики». Далее он предлагал алашкертскому шейху прекратить всякое притеснение армян и не обманывать себя турец-

⁶⁵ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1881 г., л. 1567, л. 31.

кими предложениями и обещаниями. «Брат, я прошу,— продолжал он,— чтобы ты прекратил преследования армян и недоброжелательное отношение к ним. Мы, курды, живем среди армян, пусть они относятся к турецкому правительству как хотят, но ты не слушай никого, не верь никому, потому что последний опыт показал мне, что мы в руках турок — игрушка и больше ничего»⁶⁶.

В своем ответе шейху Халиф выразил благосклонность к нему, однако уклонился от предоставления помощи.

Тем не менее действия шейха по подготовке к новому восстанию вызвали одобрение среди населения соседних районов, не только среди курдов, но и арабов и многих айсоров.

Уже в январе 1881 г. из Багдадского и Мосульского вилайетов в резиденцию шейха прибыло около 5 тыс. арабов. Они выразили готовность служить шейху и выступить по первому же его зову⁶⁷. Помимо арабов в распоряжении шейха находились курдские вооруженные силы из пяти тысяч человек.

Чтобы приобрести достаточно оружия для дальнейшей борьбы, Обейдулла вел секретную переписку с турецкими чиновниками и правителями районов, у которых он пользовался уважением. Он направил шатахскому каймакаму своего представителя с просьбой оказать помощь оружием. «Пришлите мне сколько можете ружей Мартини, Капахлы (снейдер), Винчестер, особенно много Мартини»,— просил шейх каймакама в сопроводительной записке⁶⁸.

В то же время шейх придавал важное значение организационной структуре и обучению своих войск. С этой целью он пригласил к себе на службу 26 отставных офицеров турецкой службы, которые ежемесячно получали жалованье по 2 лиры.

Обейдулла прилагал большие усилия к тому, чтобы привлечь к освободительному движению айсоров. Он продолжительное время поддерживал переписку с мар-

⁶⁶ «Кавказ», 1880, № 343; см. также «Мегу Айастан», 1880, № 98.

⁶⁷ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1882 гг., оп. 8, д. 29, л. 136; см. также газ. «Правительственный вестник», 1882, № 239.

⁶⁸ АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1881 г., л. 1567, л. 13.

шимуном; в начале 1881 г. послал в Кочанис (резиденцию маршимуна) айсора-епископа Матрана, проживавшего вблизи Шемдинана.

По утверждению армянской газеты «Мшак», маршимуна со своими 15 меликами обещал шейху Обейдулле поддержку в случае его нового выступления против Ирана⁶⁹.

Несмотря на то что Порты оттягивала переговоры с шахским правительством, новые подготовительные действия шейха вызвали серьезные опасения у турецких властей, которые приняли предупредительные меры. Еще в ноябре 1880 г. они сосредоточили в Ванском вилайете около 12 батальонов пехоты (при каждом батальоне имелись два горных орудия) и полевую батарею. Этими войсками командовал Самих-паша⁷⁰. Вместе с тем султан отправил в Хакяри своего адъютанта — полковника Ахмед-бея с целью уговорить Обейдулла поехать в Стамбул⁷¹. Однако шейх, прикинувшись больным, выразил сожаление, что не может лично выразить свое уважение и почтение султану⁷². Тем временем Англия и Россия оказывали сильный нажим на Турцию, требуя принять меры к предотвращению нового курдского восстания. Граф Гренвил в своей записке графу Даферину в январе 1881 г. по поводу совместных действий Англии и России по курдскому вопросу прямо отмечал, что «в прежние времена совместное посредничество России и Англии было успешным для предотвращения конфликтов между Турцией и Ираном. И в настоящее время это могло возыметь такой же эффект и восстановило бы мир и спокойствие в обеспокоенных странах»⁷³.

А английский посол в Стамбуле Гошен прямо требовал от Порты наказать Обейдулла или выдать его Ирану⁷⁴.

⁶⁹ «Мшак», 1881, № 46. По другим данным, вопреки желанию маршимуна мелики отказались поддержать Обейдулла. См. «*Քաղաքացիական պատերազմը 1880-1882 թթ.*», 1963, № 1, էջ 89.

⁷⁰ К. П. Камсаракан, *Вторжение шейха Обейд-Уллы...*, стр. 45.

⁷¹ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1882 гг., оп. 8, д. 99 л. 154.

⁷² «Мшак», 1881, № 74.

⁷³ «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», р. 75.

⁷⁴ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1882 гг., оп. 8, д. 29, л. 47 об.

В свою очередь Насреддин-шах направил российскому императору специальную телеграмму с убедительной просьбой активно вмешаться в турецко-иранские спорные вопросы. «Умоляю вас,— писал шах в телеграмме,— принять меры, какие изволите признать необходимыми для обеспечения безопасности границы Азербайджана...»⁷⁵. Россия потребовала от турецких властей воспрепятствовать новому выступлению курдов. Требования России поддержала и Англия.

В такой обстановке турецкое правительство сочло нужным прибегнуть к резким мерам по отношению к курдам. Власти ультимативно предложили Обейдулле немедленно встретиться с представителем султана для переговоров, а также начали подтягивать к Хакяри новые регулярные войска.

Тогда Обейдулла потребовал создать специальную комиссию по расследованию положения, в состав которой, как он полагал, должны были войти представители европейских стран. Он просил турецкие власти приостановить концентрацию войск вокруг Хакяри до решения требуемой им комиссии⁷⁶. Обейдулла пытался достичь независимости курдов не только силой оружия, он возлагал надежды и на международную комиссию.

В конце весны в результате давления Порты Обейдулла был вынужден согласиться на поездку к султану.

В сопровождении турецкого «почетного эскорта» шейх отправился в Стамбул. Охрана, состоящая из батальона кавалерии и двух артиллерийских батарей, должна была воспрепятствовать любой попытке шейха совершить бегство⁷⁷.

Султан не скупился на то, чтобы принять своего «гостя» с достойным почетом. Навстречу шейху вышли все официальные лица города, улицы были переполнены народом. При входе Обейдуллы в Стамбул в его честь гремели артиллерийские салюты.

Однако, как писал Вильсон, скоро стало ясно, что в султанском дворце он не гость, а пленник.

В ноябре 1881 г. шейх подал прошение министру иностранных дел Турции, в котором выражал надежду.

⁷⁵ Там же, лл. 105 об., 106.

⁷⁶ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1882 гг., оп. 8, д. 29. л. 195.

⁷⁷ См. S. G. Wilson, *Persian life and customs*, p. 119.

что турецкие власти окажут ему поддержку в его требовании к иранским властям возместить убытки, причиненные иранским войском⁷⁸. Касаясь своего выступления в 1880 г., шейх указывал, что оно было вызвано грабительской политикой шахских властей.

В связи с прошением шейха 24 ноября 1881 г. турецкий посол в Тегеране Фахри-бей от имени своего правительства передал шахскому министру иностранных дел ноту, в которой, перечислив жалобы шейха и выразив сожаление по поводу действий иранских войск, обратил внимание на то, «что дальнейшее продолжение такого порядка вещей на границе может только повести к возбуждению умов среди пограничного турецкого населения...»⁷⁹.

Шахское правительство в ответной объяснительной записке, отвергнув доводы шейха, указывало, что подобные ноты турецкого правительства могут лишь послужить препятствием к упрочению дружественных отношений между двумя странами⁸⁰.

Не отказавшись от намерения сбросить турецко-иранское иго и создать отдельное курдское государство, шейх тайно поддерживал связь с сыном Абдул Кадыром и готовился к побегу. Избрав удобный момент — религиозный праздник рамазан в конце июля 1882 г., шейх объявил, что он будет проводить все время в молитвах наедине с богом, попросив никого не впускать к нему в комнату⁸¹. А в действительности он, переодевшись торговцем, с фальшивым паспортом, на французском пароходе компании «Пак» бежал в Потти, оттуда в Курдистан⁸².

Первые же слухи о появлении шейха на русско-турецкой границе вызвали большое оживление в Курдистане. Многие племена подготовили вооруженные отряды для почетной встречи его. Навстречу отцу вышел Абдул Кадыр с несколькими тысячами вооруженных

⁷⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1361, л. 13.

⁷⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1361, л. 14 об. Перевод ноты турецкого посла в Тегеране к шахскому министру иностранных дел от 14 мухаррема 1299 (24 ноября 1881 г.).

⁸⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1361, л. 16 об.

⁸¹ S. G. Wilson, *Persian life and customs*, p. 121.

⁸² АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1882—1883 гг., оп. 8, д. 54, л. 13.

курдов⁸³. По дороге шейх Обейдулла по приглашению архимандрита Оганеса Каджунн остановился в армянском монастыре св. Варфоломея (район Вана). В монастыре шейх заявил: «Благодарен вам за оказанный прием. С давних времен нам известны добродушие и честность армян, известно, что с глубокой древности наши предки находились в хороших отношениях и дружбе. Наше желание — не позабыть этого. Я уверяю, что впредь от моего народа армянам не будет ущерба»⁸⁴. Далее, шейх просил курдов, сопровождавших его в монастырь, считать армян своими братьями и никогда не обижать их, ибо в противном случае он воспримет это как личную обиду⁸⁵.

Турецкие власти, внимательно следившие за каждым шагом шейха, весьма настороженно отнеслись к дружеским отношениям шейха с армянами и айсорами. Более того, они прибегали к провокационным актам. В 1882 г. в Битлисе был сожжен городской рынок, где было много лавок армянских торговцев. Турецкие власти обвинили в этом курдов, будто бы подстрекаемых шейхом.

Из монастыря св. Варфоломея шейх направился в свою резиденцию через Башкале. Однако правитель Башкале запретил шейху и его людям проход через территорию, подвластную ему. Шейх не посчитался с запретом. Тогда правитель Башкале выслал отряд, чтобы остановить продвижение шейха. Но в стычке с войсками Обейдуллы этот отряд потерпел поражение и был вынужден отступить.

Постепенно охрана шейха достигла 5 тыс. человек⁸⁶. Главари курдских племен в знак преданности и уважения выезжали со своими вооруженными отрядами за десятки верст ему навстречу и сопровождали до Ноуче.

Прибытие Обейдуллы в Хакяри подняло большой шум в иранских кругах. Шах спешно стал укреплять турецко-иранскую границу. Для проверки боеспособности иранских сил выехал в Салмас Эмир Низам. В августе 1882 г. Эмир Низам обнаружил обращение, где

⁸³ «Мшак», 1882, № 163.

⁸⁴ «Мшак», 1882, № 189.

⁸⁵ Հոն Տիգրանյան, Ճանապարհորդական տպագրութիւններ Տաճկահայաստանում, — «Мшак», 1882, № 229.

⁸⁶ «Правительственный вестник», 1882, № 239.

строго предупреждали лиц, которые осмелятся примкнуть к шейху. «...Всякий,— говорилось в нем,— кто последует за ним, подвергнется большому несчастью и причинит себе огромный вред»⁸⁷.

Иранские власти приказали в кратчайшие сроки перестроить полуразвалившиеся городские стены Урмии⁸⁸. Одновременно происходило большое передвижение турецких войск в районе Вана. Из Эрзурума и Эрзинджана были отправлены в Ван четыре батальона и 14 орудий. После этого 15 турецких батальонов под руководством Муса-паша Кундухова двинулись из Вана к Хакяри. Турецкие войска по пути следования проявляли жестокость по отношению к населению. Корреспондент из Эрзурума писал, что «местное население этой части Оттоманской империи вовсе не дружелюбно относится к солдатам, которые своим поведением не завоёвывали расположения туземцев; впрочем, и содержание этих солдат, из которых большинство не имеет даже обуви, тяжело ложится на местных жителей»⁸⁹.

Шейх, не имея достаточно сил для сопротивления турецким войскам, прибег к маневру. Он уверял, что ближайшей зимой не предпримет никаких военных действий и собирается сыграть свадьбу сына. На самом же деле под этим предлогом шейх намеревался использовать время для подготовки курдских вождей к восстанию и для укрепления и построения крепостей в соседних районах.

Узнав об этом, Порта послала полковника Юсуф-бея с официальным поручением отговорить шейха от военных приготовлений. Однако миссия Юсуф-бея не имела успеха.

В середине августа в Ван приехал третий секретарь султана Кямиль-бей с поручением уговорить шейха поселиться в одном из священных городов Аравии на содержании турецкого правительства. Султан обещал шейху пенсию в 150 лир в месяц и другие привилегии⁹⁰. Однако шейх не принял это предложение и, укрепившись в крепости Орамар, усиленно готовился оказать сопро-

⁸⁷ «Мшак», 1882, № 196.

⁸⁸ АВПр, ф. «Главный архив I—9», 1882—1883 гг. оп. 8, д. 54, л. 53.

⁸⁹ «Правительственный вестник», 1882, № 239.

⁹⁰ ЦГВИА, ф. 450, д. 102, л. 2.

тивление турецким войскам. Вскоре турки подошли к крепости шейха и осадили ее⁹¹. Чтобы избежать кровопролития, шейх изъявил желание переехать на жительство в Мосул. Турецкие власти дали согласие на это. Но под различными предложениями Обейдулла не спешил с отъездом. Тогда Муса-паша начал вооруженные действия против шейха. После 18-дневной осады и двухчасового артиллерийского обстрела турецкие войска разрушили крепость, возведение которой, по сообщению газеты «Мшак», «в свое время подняло столь много шума, что обратило на себя внимание европейской прессы»⁹².

Крепость была захвачена. Арестованный шейх под конвоем четырех турецких батальонов был отправлен в Мосул. Опасаясь нападения Абдул Кадыра на конвой с целью освободить своего отца, турецкие власти в конце октября из Гевара двинули два батальона пехоты под начальством Мустафа-паши с заданием отрезать дорогу от Орамара к Нехри, куда были направлены еще два батальона. В качестве заложника в Стамбул был отправлен старший сын шейха Мухаммед Садык. Абдул Кадыр был провозглашен Обейдуллой своим наследником. Нелидов отмечал, что Абдул Кадыр пользуется почти таким же уважением, как и сам Обейдулла, «стоит ныне во главе курдской милиции и продолжает не признавать турецких властей»⁹³.

Меры, предпринятые турецкими властями в отношении Обейдуллы, не удовлетворяли Иран. В Мосуле, в одном из центров Курдистана, шейх пользовался не меньшим влиянием, чем в Хакяри; арабские и курдские племена Мосульского вилайета по первому же зову шейха могли поднять оружие.

Иранский посол в Стамбуле Мохсин-хан выразил беспокойство по поводу того, что шейх при первом же удобном случае легко может поднять восстание, поэтому от имени шаха потребовал от Порты отослать шейха в более отдаленное место от иранской границы⁹⁴.

⁹¹ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1882—1883 гг., оп. 8, д. 54, л. 42 об.

⁹² «Мшак», 1882, № 244.

⁹³ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1882—1883 гг., оп. 8, д. 54, лл. 72, 73 об.

⁹⁴ Там же.

Султан заверил Мохсин-хана, что теперь уж не трудно будет отправить шейха в более отдаленные места Аравии. «Цель моя,— заявил султан иранскому послу,— спокойствие на границе обоих мусульманских государств. Я знаю, что беспорядки очень возможны, чего я никогда не могу одобрить. Его сын останется здесь заложником, слава богу, цель достигнута без кровопролития»⁹⁵. Министр иностранных дел Ирана, выражая свое сомнение относительно заложника Мухаммеда Садыка, более важным считал арест Абдул Кадыра, чьи взгляды и стремления больше совпадали с намерением отца.

Опасения иранского министра имели основания. В ноябре Абдул Кадыр, возглавляя небольшой отряд курдов, у деревни Шептан⁹⁶ напал на сопровождавшие шейха турецкие отряды и освободил отца. Кямиль-бей, ответственный за успешное переселение шейха, срочно попросил помощи у правителей мосульских и багдадских вилайетов.

В то же время четыре батальона, оставшиеся в Нехри после ухода шейха, под командованием полковника Хусейн-бея двинулись к Шептану. Между силами Хусейн-бея и курдскими отрядами в горном проходе Курд-богазы произошло столкновение, в результате которого курды потерпели неудачу.

13 ноября объединенные турецкие отряды, подоспевшие на помощь Кямиль-бею, окружили Шептан, где укрепился шейх со своим сыном Абдул Кадыром. После шестичасового сопротивления шейх вынужден был сдаться⁹⁷.

Турки доставили арестованного шейха и его сына в Мосул, а через некоторое время их сослали в Мекку⁹⁸.

С удалением Обейдуллы временно затихли курдские волнения. Порта подкупамии расположила к себе многих курдских руководителей, ранее поддерживавших восстание шейха.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1361, л. 132 об.

⁹⁶ В 70—75 верстах от Ревандуза.

⁹⁷ АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1882—1883 гг., оп. 8, д. 54, л. 87.

⁹⁸ «İslam ansiklopedisi. İslâm âlemi tarih, cağrafya, etnografya ve biografya lugati», 68 cüz, 1955, İstanbul, s. 106.

Восстание Обейдуллы, принявшее широкий размах, было неожиданным не только для Ирана и Турции, но и для Англии, России и других стран. Правящие круги этих стран объясняли восстание внешними причинами. Английские и турецкие газеты склонны были признать главным возбудителем Россию, а русские, иранские и армянские газеты восстание курдов рассматривали как организованное Турцией и Англией.

В статье «Почему восстали курды» газета «Дейли телеграф» открыто защищала колониальную политику Англии на Ближнем Востоке. Сближение России и Ирана, проявившееся в период восстания курдов, весьма озаботило Англию. Автор статьи, стараясь объяснить причины этого сближения, пишет, что причиной восстания является именно Россия, поскольку она искала повода для вмешательства в иранские дела и захвата новых территорий⁹⁹. Как «верные друзья» Ирана, англичане предупреждали шаха в неискренности России. В статье говорится, что Иран должен полагаться на Турцию, а не обращаться за помощью к русским, которые воспользуются поводом и осуществят свои захватнические замыслы. «Вакыт», разделяя мнение английской газеты, в одном из номеров прямо заявлял, что Россия оказала курдам материальную помощь и предоставила вооружение¹⁰⁰. Однако обвинения России в организации курдского восстания не имели под собой реальной почвы.

Россия же поддерживала распространенное в Иране мнение о том, что в восстании курдов замешана рука Англии. Автор одного письма из Ирана, напечатанного в газете «Кавказ», объяснял успехи курдского восстания поддержкой со стороны Англии. Он писал: «...Благодаря интригам англичан (Обейдулла.— Д. Д.) успел поднять на ноги иранских курдов. Великобританский консул, находящийся в Урмии, поддерживает постоянную связь с шейхом Убейд-Уллахом и под предлогом покровительства злополучным армянам и протестантам оказывает

⁹⁹ Цит. по газ. «Вакыт», 1880, № 1858.

¹⁰⁰ «Вакыт», 1880, № 1868.

этому извергу денежную и продовольственную помощь»¹⁰¹.

Однако английские документы подтверждают несостоятельность таких мнений. Наоборот, в них мы находим подтверждение враждебности Англии к курдскому движению.

Армянские же газеты в организации восстаний курдов под руководством Обейдуллы немалую роль отводили турецкому правительству. Это нетрудно объяснить тем, что турецкие власти постоянно подстрекали курдов против армян.

Наиболее правильное толкование характера этого восстания среди использованных нами источников и литературы дано в статье «Курды и персияне», опубликованной в газете «Отголоски»¹⁰². Восстание курдов она рассматривает как национальное движение за независимость и объединение. Главной причиной восстания является тяжелое положение народа: «Вследствие притеснений со стороны персидских губернаторов курды восстали и вторглись в персидские территории...»¹⁰³. Интересно, что автор статьи рассматривает курдское восстание не в отрыве от событий окружающего мира, а, наоборот, подчеркивает влияние на него «духа времени», «нового веяния»¹⁰⁴. Под этим, вероятно, автор подразумевал прежде всего освободительное движение балканских и других народов. Далее он продолжает, что курды восстали не только по зову своего шейха или подстрекательству на грабеж, а что «принципы национальности проникли и в этот заброшенный уголок Азии». Анализируя последние события, происходившие в Курдистане, растущее национальное самосознание, автор приходит к выводу о важности поднимающегося курдского вопроса, который не может не обратить на себя «внимания дипломатического мира, как один из элементов восточных событий»¹⁰⁵. В лице шейха автор видит деятеля, который национальным самосознанием стремится объединить всех

¹⁰¹ «Кавказ», 1880, № 284.

¹⁰² «Отголоски», 1880, № 44, стр. 720.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Аналогичную же мысль выражает газета «Кавказ», где автор статьи «Вторжение в Персию» писал, что шейх «находится также под влиянием иных соображений» («Кавказ», 1880, № 317).

¹⁰⁵ «Отголоски», 1880, № 44, стр. 722.

иранских и турецких курдов в один народ, в одно национальное государство под своим управлением. «Курдский шейх... направил главные свои боевые силы к восточному берегу озера Урми, что свидетельствует о стратегической прозорливости этого полководца, поставившего своей задачей в жизни нравственное и материальное возрождение своего народа на совершенно новых началах... Он разумно управляет национальным движением. Уже то обстоятельство, что обыкновенно столь дикие и враждебные всему немусульманскому, курды не только щадят христиан, но даже заботятся об их безопасности, свидетельствует о совершившемся в среде этого племени замечательном перевороте и доказывает, что курды заранее хотят обеспечить за собою сочувствие христианской Европы и добиться, если не содействия европейских держав, то по крайней мере их нейтралитета»¹⁰⁶.

* * *

Курдское восстание 1880 г. потерпело поражение. Оно было кульминационным в незатихающей борьбе курдского народа за свое освобождение от иранских и турецких поработителей в период активного вмешательства европейских держав в жизнь стран Ближнего Востока.

Одной из причин курдского восстания 1880 г. был экономический кризис в районах, населенных курдами. Этот кризис явился следствием общего экономического ослабления Османской империи и Ирана. Усиление эксплуатации крестьян, налоговое бремя, большие потери во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. — все это привело к обнищанию и разорению курдских крестьян. В корреспонденции из Табриза неизвестный автор отмечал, что этим восстанием народ хотел предотвратить повторение голода, который так дорого обошелся ему¹⁰⁷.

Причиной поражения курдского восстания 1880 г. была в первую очередь его слабая организация. Внутренняя вражда между племенами не могла быть устроена авторитетом шейха Обейдуллы, как бы силен он ни был.

¹⁰⁶ Там же, стр. 721.

¹⁰⁷ «Мшак», 1880, № 190.

Временный союз курдских вождей и их преданность взглядам шейха рухнули при первой же неудаче. Обнаружилась ограниченность в понимании цели, отсутствие четкой программы, ради которой было поднято восстание. У многих курдских вождей преобладали узкоплеменные взгляды на характер восстания.

Корреспондент газеты «Отголоски» писал, что восстание могло бы кончиться для Ирана «весьма плачевно, если бы в среде курдов господствовало согласие»¹⁰⁸.

Иранские и турецкие власти в период подготовки восстания, а также в ходе его сумели использовать в своих интересах классовую ограниченность некоторых курдских вождей и распри между ними.

Не менее важной причиной его поражения являлось отсутствие единства действий среди армян, айсоров, арабов и курдов.

В связи с враждебным отношением правящих кругов Англии и России к курдскому движению многие айсоры и армяне относились к нему с недоверием. Правительство султанской Турции, которое всегда опасалось любого союза подвластных ему народов, сыграло немалую роль в усилении недоверия христианского населения к курдскому движению.

Восстание курдов не нашло поддержки ни у одной европейской страны. Больше всех была заинтересована в подавлении любого курдского движения Англия. Английская дипломатия поддерживала в то время целостность Османской империи, всячески стремилась использовать курдское движение в своих интересах для усиления и расширения влияния на Турцию и Иран, упорно добивалась упорядочения и укрепления турецко-иранской границы, т. е. пресечения всяких связей между курдами Турции и Ирана.

¹⁰⁸ «Отголоски», 1880, № 44, стр. 720.

ПРИЛОЖЕНИЕ

*Донесение русского консула в Табризе
послу в Тегеране И. А. Зиновьеву*

31 декабря 1878 г., г. Тавриз

Милостивый государь Иван Алексеевич!

Несколько времени тому назад дошел сюда слух о том, что известный курдский шейх Убейд-улла вновь собирает около себя толпы своих единоплеменников и единоверцев.

Как удалось узнать мне, ныне шейх замышляет возмущение против Оттоманского правительства и намеревается образовать из турецкого Курдистана независимое государство, стать во главе оною, избрав резиденцию город Мосуль. До сих пор идут, однако, лишь одни приготовления; к решительным же действиям еще приступлено не было.

Далее мне было сообщено из источника, заслуживающего некоторого доверия, что движение шейха Убейд-уллы не вполне изолировано и что курдский вождь вступил в сношения с шарифом Мекки и с хедивом египетским. К чему клонятся эти сношения и какое участие могут принять в этом движении владельцы Мекки и Египта, мне неизвестно однако.

Хотя я и не могу ручаться за полную справедливость сего последнего известия, я тем не менее почел долгом донести о всем слышанном мною Вашему Превосходительству, и с глубоким уважением и истинною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Вашего Превосходительства покорнейшим слугою

Кребель

АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., д. 1202, лл. 4, 4 об.

*Копия с донесения Генерального консула в Эрзеруме
ст. сов. Обермиллера в Императорское посольство в Константинополе
от 8 сентября 1879 года за № 361*

Из Вана получены тревожные для англо-турок известия. Шейх Обейдуллах, о котором я уже имел честь доносить, открыто востал и, как говорят, идет на Ван.

Курды Хайдеранлы, кочующие в долинах от Баязида до Ванского озера, возмутились открыто.

Вали Мустафа-паша сам сказал мне, что маршимун Хеккарский примкнул к партии недовольных.

Турки направляют несколько батальонов на Ван и Баязид и

поджидают сюда приезд Самих-паши, назначенного мюширом 4-го корпуса и получившего главное начальство в этой экспедиции.

Во всем этом деле забавно смотреть на англичан, которые управляют турецким азартом. Третьего дня впопыхах прискакали сюда из Вана два английских здесь деятеля: Lieutenant colonel, Crowder и Reverend M. Fozer. Эти господа исполнили путешествие в зигзагах через Самсун, Амасию, Сивас, Эрзингян, Муш, Битлиси и Ван и обратно через Мелазгерд сюда.

Из этого пути ясно, на что быют англичане и какими средствами они надеются задавить курдов.

С глубочайшим почтением и пр.

АВПР, ф. «Главный архив V—A₂», д. 1093, лл. 37, 38.

*Копия с донесения Генерального консула в Эрзеруме
Г-ну поверенному в делах в Константинополе
от 23 февраля 1880 года*

Положение здешних дел продолжает быть ненадежным — и носит на себе характер переходного состояния. Последняя война нанесла туркам такой удар, что оправиться они никогда более не смогут, притом происки протекторов явно готовят почву ввиду своего вступления в абсолютное владение всею страной.

Все распоряжения Порты за истекшую неделю только подтверждают ее безвыходное положение в финансовом отношении и ее мелочную страсть подводить своих же собственных подданных.

В прошлом году Порта фирманом обнародовала, что будет принимать [платежи] по 1 июня текущего 1880 года, в счет определенных правительственных налогов, по данному курсу найма. Ныне, не дождавшись срока, она отменила эту льготную меру и требует теперь же все платежи звонкою монетою.

Налог на баранов — «эгнам» — увеличен на 20 пар; т. е. вместо прежних 3 пиастров теперь с каждого барана Порта взимает по $3\frac{1}{2}$ пиас. саг. Поземельная подать «эмляк» удвоена, вместо прежних $\frac{1}{100}$ 4 теперь должно вносить по $\frac{1}{100}$ 8.

Все бывшие здесь заптие ныне переименованы в жандармы; и носится упорный слух, что по случаю безденежья Порта намеревается возложить жандармскую службу на некоторые части линии, которые попеременно будут служить то жандармами, то опять солдатами. Это нововведение проектировано, как сказывают, протекторами, которые и в этом мероприятии имеют свою заднюю, отчетливо ясную цель.

*С глубоким почтением и пр. и пр.
(Обермиллер)*

АВПР, ф. «Главный архив, V—A₂», 1880 г., д. 1095, л. 24.

После поклонов говорит, что он посылает ходжу Молла Исмаила для установления устной связи с губернатором. Он не забывает о прежних обязательствах и считает своим долгом прямо указать на то, что, по его мнению, выгодно Персидскому правительству, а уж последнее пусть сам решает, воспользоваться его советами или нет.

Губернатор несомненно знает, что в Курдистане 500 000 семей, включая турецких и персидских подданных.

На Курдистан никогда не допускалось никакой клеветы, но население всегда представляли в самом худшем свете.

Конечно, среди них могут быть скверные люди, но почему невиновных сваливают в одну кучу с виновными.

Единственной причиной жалоб на курдов является то, что ни турецкое, ни персидское правительства не имеют ни силы, ни желания управлять ими по-настоящему.

В результате о курдах идет плохая молва, да и сами курды не питают уважения к своим правителям.

Из-за такого положения вещей курды Персии и Турции решили объединиться и образовать единую нацию, чтобы поддержать внутри своей страны порядок, и они дали письменное обязательство, что в их стране не будет беспорядков.

Настоящее движение подавить силой невозможно. Если правительство прибегнет к насилию, оно проиграет и обе стороны понесут большие жертвы. Поэтому будет разумно, если правительство примет мирные решения, иначе возможны тяжелые последствия.

Шейх заканчивает тем, что все вышеизложенные указания сделаны им из добрых побуждений, а правительство, конечно, может поступать, как считает нужным.

«Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», pp. 48, 49.

Письмо шейха Обейдуллы к Др. Кохрану

25 сентября 1880

Вы, безусловно, слышали о том, как в предшествующие годы Шуя-эд-Дауле приказал обезглавить 50 моих подчиненных, которые ни в чем не провинились и не совершили преступления, и разорил меня на 100 000 туманов.

Ни оттоманское, ни персидское правительства не имеют честных намерений. Они не считались с нашими правами. Кроме того, они до смерти избили Фараджуллу-хана, сына Хаджи Гавур-хана, одного из вождей Ушну, до такой степени, что он умер; в прошлом году Моен-эд-Довле арестовал Абдулла-хана и Ибрагим-хана из Ушну и оштрафовал их на 20 000 туманов, таким образом полностью разорив их семьи. Он также взял в плен трех женщин. В этом году губернатор района Мукри арестовал Фейзула-бега, ни за что избил его и оштрафовал на 1500 туманов. Он также силой

забрал от мужей несколько женщин-тункус. Недавно губернатор Соуджбулака пригласил Хамзу Манкури, вождя нескольких племен той местности, под предлогом выражения доверия ему, но на самом деле с целью заключения его в тюрьму. Он убежал из комнаты, убив по пути двух мужчин, и с трудом освободился.

Трудно описать последствия такого рода фактов насилия и угнетения. Именно вследствие такого положения вещей Курдистан в настоящее время поставлен перед необходимостью объединения, которое нельзя больше оттягивать ввиду таких подлых и разорительных действий. Мы поэтому убедительно просим вас полностью сообщить и объяснить все британскому консулу в Тебризе так, чтобы дело Курдистана, если оно будет расследоваться, могло быть понято. Для объяснения положения посылаем Ходжу Исмаила. «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», p. 47.

Письмо шейха Обейдуллы к Др. Кохрану

5 октября 1880

Я посылаю Молла Измаила объяснить конфиденциально, как я изложил ему, положение вещей здесь, и я убедительно прошу вас сообщить английскому правительству факты о положении в Курдистане и поездке моего сына в Соуджбулак.

Курдская нация, состоящая из более чем 500 000 семей, является отдельным народом. Их религия отличается от религии остальных, их законы и обычаи особые. Она известна среди всех народов как злобная и развращенная. Вот как описывают Курдистан. Если один человек (среди них) совершает грех, тысяча мирных благонаправленных людей приобретают дурную славу. Да будет вам известно, что все это вызвано преступной халатностью турецких и персидских властей, так как Курдистан находится между этими двумя странами и оба правительства, только по их собственным соображениям, не видят разницы между добрыми и злыми людьми. И, таким образом, недобрые люди остаются такими же, а добропорядочные люди приобретают дурную славу и гибнут. Вы, вероятно, слышали о племени Али-ага Шекака, известном своими злодеяниями, одинаково разорительными как для своих, так и для иностранных сект, магометан и других. Каждое правительство слышало об их преступлениях. Независимо от того, возьмет ли Персия власть в свои руки или нет, эти люди никогда не станут цивилизованными, они останутся дикарями. Преступления, совершаемые племенами Харки, которые являются турецкими подданными, тоже очевидны. Оттоманское правительство, так же как и персидское, или не знает пугей цивилизации этих народов или пренебрегает ими. Курдистан пользуется дурной славой и опорочен. Не проводится грань различия между людьми мирными и склонными к преступлениям. Вожди и правители Курдистана, и турецкие, и персидские подданные, и все население Курдистана объединились в едином решении, что нельзя больше жить с двумя правительствами и что необходимо что-то предпринять, чтобы европейские правительства, поняв положение, расследовали обстановку. Мы также разделение нация. Мы хотим сами решать свои внутренние дела и быть сильными и независи-

мыми в наказании своих собственных нарушителей и обладать такими же правами, как все другие нации, а что касается наших нарушителей, мы готовы обещать, что от них не будет страдать ни одна нация. Цель и причины поездки моего сына в Соуджулак — добиться расследования положения в Курдистане, но с ним ничего не должно случиться,— иначе поднимется весь Курдистан, так как народ не может мириться с постоянным гнетом и злодеяниями, совершающимися двумя правительствами.

«Correspondence respecting the Kurdish invasion of Persia. Turkey, № 5 (1881)», pp. 47, 48.

*Копия письма русского вице-консула в Ване
послу в Константинополе Е. П. Новикову*

Милостивый государь Евгений Петрович.

Вслед за донесением моим из г. Битлиса от 10 августа сего года за № 31 я выехал в Сгерт, оттуда в Диарбекир, Харпут и затем через Дерсим и Арзинджян проехал в Эрзерум.

В дополнение к вышеупомянутому письму моему имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству следующее: По прибытии в Сгерт я виделся там несколько раз как с местным мутасерифом, так и с влиятельными лицами означенного города. Мутасериф, признавая вполне безотрадное положение вверенного ему санджака, высказал, что, несмотря на настоятельные требования его дать в его распоряжение хотя 2 батальона пехоты для прекращения беспорядков, производившихся в названном санджаке курдами, правительство оставляет без внимания его представления.

По словам названного лица, Порты, очевидно, мирволит курдам. Затем тот же мутасериф, а равно и все наиболее выдающиеся личности в Сгерте как из христиан, так из мусульман высказали убеждение, что шейх Обейдулла при первой возможности вновь поднимет знамя восстания в Хеккари. При этом считаю долгом заявить, что названный шейх имеет большое влияние на курдов Битлисского вилайета, с которыми он находится в беспрестанных сношениях. Упомянутый мутасериф не сомневается, что по первому призыву Обейдуллы курды Сгертского санджака присоединятся к восстанию. Добавлю, между прочим, что означенный шейх имеет на курдов округа Джезире несравненно большее влияние, чем адъютант султана, полковник Бегри-бей (сын известного курда Бедырхан-паши), выехавший уже из Вана в Константинополь.

Из Вана никаких сведений об Обейдулле не имею, мушир Са-мих-паша еще в Ване.

Получил на днях письмо от капитана Клейтона, который, извещая меня о поездке своей в с. Башкале (Хеккарие), сообщает между прочим, что в Хеккари в текущем году голод (une famine knepge) неизбежен. 7-го текущего месяца предполагаю выехать в Муш и Баязет.

С истинным почтением и преданностью имею честь остаться покорнейшим слугою Вашего Высокопревосходительства

К. Камсаракан

2-го октября 1880 г., г. Эрзерум

АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1880 г., д. 2667, лл. 110—111.

Руководствуясь последней шифрованной телеграммой Вашего превосходительства, я сообщил посольству 26 минувшего октября месяца по телеграфу следующее: «Обейд[улла] выехал Мусуль». В разъяснение этой телеграммы имею честь уведомить, что шейх поехал в Мусуль 25 означенного октября в сопровождении Кямил-бея и сына своего Магомед Садыка, о чем Мусса-паша Кундухов и дал знать на следующий день (26 числа) по телеграфу корпусному командиру в г. Эрзингян. Добавлю также, что упомянутый Магомед Садык намеревался поехать из Мусула в Константинополь, если ему разрешат совершить это путешествие.

По причинам, изъясненным мною в предыдущем донесении (№ 47), и опасаясь нападения шейха Абдул-Кадыра на свиту Обейд-уллы с целью освободить последнего, 24 октября двинуто было из Гявара 2 батальона пехоты под начальством Мустафы-паши, дабы отрезать дорогу от Оромара к Нери, куда также направлено было 2 батальона. Ныне решено учредить в округе Шамдинан каймакство или Мудирство с назначением местопребывания начальника округа в Нери. Затем, что касается шейха Абдул-Кадыра, последний находится до сих пор во главе курдской милиции в укрепленном им Оромаре, где он продолжает открыто действовать против турецких властей. Что Абдул-Кадыр действует в данном случае по соглашению с отцом своим, провозгласившим его помимо старшего сына своего Магомед Садыка наследником прав своих, в этом нет никакого сомнения. Таким образом, при настоящих условиях, если только Порты не удалит из Хакярии Абдул-Кадыра, пользующегося там почти таким же влиянием, как и отец его, в будущем всегда можно ожидать возникновения беспорядков на турецко-персидской границе. И произвести там восстания тем легче для курдов, что шейх Обейдулла, крайне не довольный Портой и едва ли могущий примириться с этим правительством, будет жить в городе Мусуле, где он так же дома, как и в Хакярии, как по близости расстояния, так и по тому громадному влиянию, которое он имеет на курдские и арабские племена, населяющие Мусульский вилайет.

Ввиду (угрожающего) враждебного против правительства положения, принятого шейхом Абдул-Кадыром, турецкие войска остаются еще в Хакярии. Вообще следует заметить, что удаление оттуда Обейдуллы не внесло пока порядка в дела Хакярийского вилаята, где и ныне царит также безурядица и та же неопределенность (в смысле спокойствия края), что и до выезда в Мусуль Обейдуллы.

30 числа минувшего октября месяца прошел через Ван шифр Али-Риза-паши (из Маденна) на имя Кямил-бея, которого запрашивают, можно ли оставить в Хакярии шейха Абдул-Кадыра, и существуют ли опасения, что последний произведет когда-либо беспорядки на персидской границе. Запрос этот основан, как видно из текста приведенной телеграммы, на требовании персидского правительства об удалении из Хакярии Абдул-Кадыра. Трудно объяснить себе подобный запрос после целого ряда телеграмм как Кямил-бея, так и высших военных властей турецких, указывавших правительству

своему на полную неблагонадежность упомянутого шейха и на его открыто враждебные Порте действия.

С истинным почтением и проч.

АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1882—1883 гг., д. 54, лл. 73—75.

*Господину Российскому императорскому чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском в Тегеране
Управляющего Генеральным консульством в Азербайджане*

Донесение

8-го ноября тегеранские войска соединились у Соучбулага с войсками, бывшими в Бинабе под начальством Иттимад-ус-Селтане, а с приездом туда Сипахсаяри-Азама разделились на два отряда, из которых один остался в Соучбулаге, а другой, в котором находятся обученные австрийцами войска и артиллерия, двинулся к Урмии. В этом же отряде находится Мирза Хусейн-хан.

Персидский офицер из саперной команды, находящейся под начальством барона Лейтнера, рассказывал мне, что по 10 ноября — день его выезда из Соучбулага — войска, шедшие из Тегерана, не имели ни одного сражения и нигде не встречали скопищ курдов, по пути следования действительно выжигали и грабили деревни, как он выразился, старые войска и иррегулярные конницы, а не они, как их в том обвиняют. Только раз пришлось им употребить в действие пушки, а именно в одной из деревень курда Фейзуллабека, жители которой встретили войска враждебно и убили нескольких солдат. Об этом еще раньше говорил мне и Сайд-ул-мульк.

В Соучбулаге и Лайджане давно нет курдов, все они ушли к племенам бильбас и зар и в Сердешт к Осман-аге. Войска шейха Кадыра очистили Соучбулаг и Лайджан после поражения, которое они потерпели в Бинабе, и когда бинабский отряд двинулся к Соучбулагу, то даже и жители-курды оставили свои деревни и, забрав скот и другое имущество, ушли в горы.

Дольше всех держался в десяти верстах от Соучбулага в деревне Киндир-Агаджа сын Кадыр-аги Мина-ага с двумя тысячами курдов. Кадыр-ага, бывший в персидском лагере, ездил уговаривать сына явиться с повинною в лагерь, но Мина встретил его выстрелами. Выбитый из деревни подошедшими войсками, Иттимад-ус-Солтане Мина-ага бежал вслед за шейхом и Хамза-агою в Сердешт.

На днях и Кадыр-ага тоже бежал из лагеря, боясь, что и ему также не миновать смерти, так как почти все курды, добровольно явившиеся в лагерь, были казнены или закованы в цепи.

Шейх Убейдулла, стоявший лагерем у г. Урмии, в день курбанбайрама ушел со своим полчищем в крепость Исмаил-ага, куда за ним последовали с войсками Икбал-уд-Доулэ и Теймур-паша-хан. Шейх, узнав о приближении персидских войск, с двух сторон двинулся в Черих к Али-хану Шеккак. В Мергавере и Тергавере укрепляются войска другого сына шейха Убейдуллы — Садыка, которого считали убитым в г. Урмии.

Сведения эти из Урмии доставлены людьми Теймур-паша-хана, приехавшими в Тавриз интриговать против Икбал-уд-Доулэ, врага Теймур-паша-хана, и привезшими головы убитых в Урмии курдов.

Посланные мною в Урмию два касыда не вернулись. Вследствие грабежей в Салмасе и Урмийском округе сообщение Тавриза с Урмией совершенно прекратилось как сухим путем, так и по озеру.

Ага Хан Сартип писал из лагеря старшин Оскар Беку, что по ходу дела в Курдистане уверен в невозможности подавить восстание скоро; по его словам, курды с приближением персидских войск ушли в неприступные в настоящее время для персидских войск места, куда согнали награбленный скот и свезли почти весь хлеб и фураж, которых им хватит надолго, и если курды не начнут снова военные действия против персиян зимой, то начнут весной наверно, так как трудно после стольких потерь отказаться от своей цели отложиться от ненавистной им Персии и добиться объединения Курдистана.

Убеждение это преобладает и в Тавризе, к тому же ходят слухи, что курдские шейхи, не принимавшие до сих пор участия в настоящем восстании курдов, а именно: шейх Джалал-Эддин — сын известного и убитого в последней Турецкой войне шейха Джелал-Эддина, Осман-ага и другие, склоняются на сторону шейха Убейдуллы и намерены оказать ему помощь для достижения задуманной ими цели.

По словам вышеупомянутого офицера, приехавшего из лагеря, после смерти Гшмет-уд-Доулэ и по принятии начальства над войсками, шедшими из Тегерана, Халжи Хиссам-уд-Доулэ в старых войсках между начальством и сарбазами начались страшные беспорядки: сарбазы не повиновались начальникам, грабили и жгли деревни, попадавшие им на пути, а начальники их брали взятки с агаян и ханов за сохранение в целости их деревень.

Между начальниками разных полков происходили постоянные ссоры, вследствие чего капитан Вагнер решился двинуть артиллерию под прикрытием новых батальонов с австрийскими офицерами на один переход вперед, чтобы быть свободнее и не столько зависящим от персидского главнокомандующего Хаджи Хиссам-уд-Доулэ. С приездом в лагерь Сипахсалари-Азама порядок восстановился.

В городе ходят слухи, что Иттимад-ус-Солтане с несколькими начальниками частей по жалобе жителей деревень и их агаян за вымогательство ими денег были арестованы.

В Урмии вследствие вражды Теймур-паша-хана с Икбал-уд-Доулэ боятся, что между войсками их может произойти столкновение.

При сем имею честь представить на благосклонное воззрение Вашего Превосходительства копию донесения старшины Аскер-бека и с только что полученного донесения старшины Мирзы Хасана из Урмии.

Коллежский ассессор Шульжевский

14 ноября 1880 г.

Тавриз

АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., д. 1202, лл. 103—125.

Д о н е с е н и е

Шейх Кадыр, уходя с войсками в Мергавер, оставил Соучбулагский округ нетронутым. Во время еще его пребывания в этом округе строго было запрещено войскам даже входить в деревни и в особенности в те, которые принадлежат подданным других держав.

Русскоподданные в особенности пользовались покровительством шейха Кадыра. Арутюн Назарбеков, находясь все время в Соучбулаге, был несколько раз у шейха, который дал ему людей для охранения городских амбаров русских подданных и просил его выдавать под расписки пшеницу и ячмень, если таковые понадобятся для войска.

С уходом шейха Кадыра и Гамза-аги по Соучбулагскому округу разбрелись шайками всадники, вызванные в Курдистан из Ардебилля, Карадага, Талыша и других мест, к которым присоединились разные лица для наживы грабежом, и начали жечь и грабить деревни и убивать курдов, жителей деревень.

Приехавшие из Соучбулага рассказывают, что оттуда возвращаются тысячами жители Марагинского округа с награбленным имуществом и хлебом.

С приездом в Соучбулаг Сипахсалари-Азама приказано было немедленно собрать всех всадников в лагерь и принять меры к охранению оставшихся в целости деревень.

В Мергавер, куда ушли сыновья шейха Убейдуллы Кадыр и Салык, отправлены 4 фюуджа, тысяча всадников при четырех орудиях под начальством Сертипа ага-хана и Насырул-Мулька. Сипахсалари-Азам писал Хаджи Шейху в Тавриз, что в Соучбулагском округе спокойно и нет ни одного вооруженного курда и жители начинают возвращаться в город и деревни.

Мирза Хусейн-хан едет в Урмию для ведения переговоров с приехавшими за границу турецкими чиновниками — Нашхат-эфенди и Обкар-эфенди.

Миссионер Кюзель писал господину Берне от 10 ноября, что шейх Убейдулла, которого Теймур-паша-хан мог несколько раз взять в плен и не сделал этого, чтобы иметь больше времени грабить Урмийский округ, из крепости Исмаил-ага ушел к себе в Ноуче, куда за ним последовали персидские войска.

Донося о вышеизложенном, имею честь почтительнейше представить при сем рапорты за истекшую неделю и сведения, собранные бывшим мирзою у Арутюна Назарбекова, который находился в Соучбулаге с начала движения курдов и только дней пять тому назад приехал в Тавриз.

Коллежский ассессор Шульжевский

20 ноября 1880 г.

Тавриз

АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., д. 1202, лл. 113—114.

Тавриз, 27-го ноября 1880 г.

Милостивый государь Иван Алексеевич.

Вашему Превосходительству угодно было знать, что рассказывал господин Аббот по возвращении его из Урмии. Господин Аббот так мало говорил о своей поездке и в особенности о том, что касалось его свидания с шейхом и вообще курдского восстания, что я положительно ничего не находил такого, что могло бы быть достойно внимания Вашего Превосходительства.

По словам Аббота, он предпринял эту поездку в Урмию по предложению из Тегерана по примеру прежних английских консулов обозреть положение несториан, ход пропаганды американских миссионеров и осмотреть их школы и больницу. Не отложил же он этой поездки до более удобного времени потому, во-первых, что жена его уезжала с семейством Кребеля в Тифлис лечиться, и, во-вторых, чтобы на месте проверить слух о движении курдов, которое он давно предвидел. Только около Урмии он узнал, что курды действительно показались в Урмийском округе, а потому нашел неудобным возвращаться обратно, так как позади него уже шайки грабивших курдов, и он счел, что нахождение его в деревне Сир, где живут американские миссионеры, будет безопаснее от курдов, которые, будучи под начальством предводителей восстания и ведя войну с Персией, не тронут, вероятно, европейцев. И действительно, скоро в деревню Сир пришли курды под начальством сына шейха Убейдуллы Садык, а за ними приехал и сам шейх Убейдулла.

Шейх Убейдулла говорил Абботу, что он не пришел грабить, а желает избавить своих соотечественников от ненавистного им всем владычества Персии и, если город [Урмия] сдастся добровольно, то он не тронет ни одного жителя города. Это уверение и опасение за жизнь христиан дало господину Абботу повод предложить Икбал-уд-Доулэ, который, как он полагал, не мог бы отстоять города с находившимися в его распоряжении силами, сдать город и не проливать напрасно крови, но, видя, что город укрепляется и Икбал-уд-Доулэ с жителями намерен сопротивляться, Аббот с согласия шейха и Икбал-уд-Доулэ вывел часть христиан, пожелавших оставить город, в построенный американцами вне города дом и после того всеми силами старался отдалить приступ шейха к городу для того, чтобы дать время подойти помощи к Икбал-уд-Доулэ, так как говорили, что Теймур-паша-хан уже послан из Маку с войсками.

Шейх Убейдулла, давший слово Абботу и американским миссионерам щадить христиан, действительно сдержал свое слово. Собравшиеся в дом американцев несториане не терпели никакого насилия со стороны курдов. Даже несторианские деревни были в безопасности от курдов, после того как несколько курдов за ограбление христиан были распяты шейхом.

После того как Икбал-уд-Доулэ отбил приступ шейха и даже вышел с войсками из города и оттеснил шейха к деревне, Аббот, поручив христиан покровительству шейха, хотел вернуться в Тавриз через Салмас, но шейх отсоветовал ему ехать по той дороге, так как там уже завязались стычки курдов с подошедшими войска-

ми Теймур-паша-хана, и, дав ему эскорт из курдов, направил его путем через Соучбулаг.

Доехав благополучно до Соучбулага с проводниками и рекомандательным письмом, Аббот остановился у сына шейха Убейдуллы, шейха Кадыра, который хотя и принял его очень гордо и даже не встал при входе Аббота, но приказал отвести ему помещение в том же доме, в котором он сам жил, и присылал Абботу и его всем людям обед и все необходимое.

По словам Аббота, шейх Кадыр гораздо менее общителен, чем его отец, и почти не говорил с ним. Аббот полагает, что шейх Кадыр был очень озабочен понесенным им поражением в Бинабе и тем, что многие из агаян курдских стали переходить на сторону персиян. В Соучбулаге к Абботу являлись: Гамза-ага, Мина, сын Кадыра-аги, Фейзулла-бей и другие предводители курдского восстания.

Из Соучбулага Аббот с данными ему шейхом Кадыром всадниками поехал к Бинабу...

Шульжевский

АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., д. 1202, лл. 125, 126.

*Господину Российскому императорскому
чрезвычайному посланнику и полномочному министру
при дворе персидского в Тегеране*

Управляющего Генеральным консульством в Азербайджане

10.XII.1880

Донесение

В дополнение к телеграмме от 2-го декабря имею честь почтительнейше донести Вашему Превосходительству, что, по-видимому, курдское восстание подавлено избиением нескольких тысяч курдов без разбора лет и пола и разграблением и сожжением более двухсот курдских деревень. Агаяни явились с повинною, а выпавший повсюду в Курдистане и Урмии глубокий снег приостановит действие персидских войск до весны и избавит от мести их курдов и их агаян, спасшихся в горах.

При сем имею честь представить на благосклонное воззрение Вашего Превосходительства копии с донесений Арутюна и Овакима Назарбековых из Соучбулага и таковою с донесения Мирза Хасана, старшины в Урмии, а также копии с трех писем Беюк Хана Тюфенкдара сипахсаляри-азама.

Шульжевский

АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1896 гг., д. 1202, л. 137.

*Копия с письма и. д. Российского вице-консула
в г. Ване, от 2.I.1881 г.*

Чрезвычайному послу в Константинополе Е. П. Новикову

В письме от 13/I, № 4 мною донесено было о приготовлениях шейха Обейдуллы к новому вторжению в пределы Персии. Ныне дошло до моего сведения, что к названному шейху прибыло из

Багдадского и Мосульского вилайетов от 4 до 5 тысяч арабов. Утверждают вместе с тем, что большая часть этих арабов из отставных солдат (низам). Арабы размещены шейхом в Хеккарин, в округах Ахана (или Алана), Герди и Герки. Сверх того собрано Обейдуллой около 5 тысяч курдской милиции, размещенной в округах: Пиньяниш, Ркан, Музури, Герки, Хакури и Арт(?). Вся эта милиция обучается ныне военному искусству. Офицеров турецкой службы (отставных) у шейха — 26. Живя на всем готовом, последние получают от Обейдуллы содержание в месяц 2 лиры, арабы — 2½ меджидие, курды — 1 меджид.

В том же донесении упомянуто, что названный шейх послал в Эриванскую губернию письмо к начальникам российских курдов, приглашая последних идти к нему на помощь. Добавлю, что для означенной цели послал туда племянника шейха — Магомеда-Эмина, которого сопровождал несторианин Бабана (в качестве проводника), переодетый священником.

АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1882 гг., д. 29, л. 136.

*Копия с перевода шифрованной депеши
(от 25 января сего 1880 года)
начальника 1-й дивизии IV корпуса Фазли-паши
на имя комиссаров Порты, из Дерсима в Ван*

«Правительственными властями предпослано было командиру войск, расположенных в сел. Бах, собрать недоимки в казах Млязгерд и Палу. С тою же целью послано было достаточное число войск в селения Даря. При этом жители названных селений восстали, хотя главные предводители их и были под арестом. Шах Гусейн, сын Давриш-Алия, в сопровождении 200 всадников, объезжая упомянутые селения, призывал всех к восстанию против правительства, говоря, что оттоманы из-за податей разрушат курдские селения. Шейх этот убеждал курдов зарыть свои драгоценности, угнать стада в горы и присоединиться к нему для сопротивления войскам. Таким образом, собрав более 500 вооруженных курдов, Шах-Гусейн занял все важнейшие горные проходы Дерсима. Не имея сведений об этом, 3 белюка войск нечаянно наткнулись на курдов. Причем после 2-часовой стычки войска, оттеснившие последних, расположились в сел. Канн. В означенном деле убиты 2 рядовых и ранены 1 капитан и 14 рядовых. Каймакам казы Мязгерд Темир-ага подоспел на помощь к войскам и окончательно разогнал курдов.

В такое время посылка войск для сбора недоимки — мера весьма непрактичная, если не опасная». Подлинное подписано Фазли-пашой.

Верно э. н. д. вице-консул К. Камсаракан

АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1880 г., д. 1566, л. 17.

*Донесение надворного советника Камсаракана
13-го января 1881. Ван*

Шейх Обейдулла продолжает серьезно готовиться к новому вторжению в Азербайджан. Более 20 писем было им разослано к

разным предводителям курдских племен с приглашением принять участие в этом вторжении. В Эриванскую губернию с подобным приглашением шейх отправил племянника своего в сопровождении несторианина, переодетого священником.

В настоящее время Обейдулла располагает уже 5 тысяч[ами] курдской милиции, которая обучается отставными турецкими офицерами, получающими от шейха ежемесячное жалованье. Кроме милиции в его распоряжении находится еще пяти тысячный корпус арабов, прибывший из Багдадского и Мосульского вилайетов. Несториане также ведут переговоры с Обейдуллой об оказании содействия курдам.

Все приготовления к вторжению производятся явно. Шейх Обейдулла по всем своим нуждам для успешного ведения военных действий обращается непосредственно к представителям турецкой администрации. Мирза Риза-хану, присланному в Ван для переговоров о мерах к обеспечению спокойствия на границе, дан местными властями уклончивый ответ.

АВПР, ф. «Главный архив I—9», 1880—1882 гг., д. 29, л. 103.

Телеграмма в Тегеран из Табриза

26 июля 1881

Персидские власти обещали прощение Гамзе-ага и старшему брату его Как-ага. Кадыр-ага и брат соуджбулагского кази Мирза Қасым поехали за Гамза-агой, первым приехал старший брат Как-ага Соуджбулагжий. Губернатор принял его хорошо и дал халат. Через два дня приехали Мирза Қасым, Гамза-ага, племянник его Сувар-ага и два родственника с нукерами. Спросили губернатора. Фараши-баши пригласил в палатку ожидать губернатора, который в эндеруне. Фараши-баши вышел из палатки, сделал знак сарбазы, и конные, заранее приготовленные, начали стрелять в сидевших в палатке людей Гамзы-аги. Гамза-ага, Сувар-ага и два его родственника убиты, головы их посланы эмиру. Говорят, Гамза-ага прострелен четырьмя пулями, выскочил из палатки, убил кинжалом одного султана и в свою очередь был заколот одним из людей губернатора. Старший брат Гамза-аги Как-ага назначен правителем Мангура. При перестрелке убиты восемь нукеров Гамза-аги, четыре сарбаза и ранены пять сарбазов и людей губернатора.

Сведения по письму из Соучбулага от Артуна Назарбекова. Донесение пришло почтою.

Шульжевский

АВПР, ф. «Миссия в Персии», 1877—1886, д. 1202, лл. 199—200.

Перевод секретной телеграммы персидского посла в Константинополе Мирза Саидхану от 14 октября 1882 г.

Сегодня я получил особенное приглашение от султана присутствовать на молитве в пятницу. Из мечети я был приглашен сул-

таном во дворец и был принят им особенно ласково. Примера подобной милости прежде не было. Его величество сказал, что исполнил свое обещание, и при этом показал мне две телеграммы шейха и Кямил-бея. Шейх объявляет покорность, отправил в Константинополь сына; сам едет в Мосул с семейством и приближенными. Кямил-бей пишет, что он отправит шейха и всех его приближенных в Мосул, а Садыка в Константинополь; а потом по прибытии доложит о другом своем намерении и приведет его в исполнение. Султан приказал доложить его величеству шаху, что затруднение заключалось лишь в отправлении шейха из его местожительства, из Мосула же сделать это очень легко. «Цель моя — спокойствие на границе обоих мусульманских государств. Я знаю, что беспорядки очень возможны, чего я никогда не могу одобрить. Его сын останется здесь заложником, слава богу, цель достигнута без кровопролития».

Его величество продержал меня два часа и разговаривал со мною очень ласково. Жду инструкций.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1361, л. 32 и об.

*Копия с донесения исправляющего должность
Российского вице-консула в Ване
к г. управляющему Императорским посольством в Константинополе
от 22-го ноября 1882 г.*

В дополнение донесений и телеграмм моих о шейхе Обейдулле имею честь разъяснить следующее: названный шейх, согласившись наконец выехать из сел. Евлиан, доехал только до сел. Шептан (в 70—75 верстах от Ревандуза), расположенного на горе, командующей окружающей местностью. При этом, ссылаясь на недостаток помещения, Обейдулла предложил сопровождавшему его Кямил-бею (с 30—40 сувар) поместиться в соседнем селении (в 3—4 верстах от Шептана). На что последний поневоле согласился, находясь в полном распоряжении Обейдуллы. Приблизительно в то же время шейх Абдул-Кадыр покинул Орамар, занятый после этого 2-м батальоном пехоты под начальством Мустафы-паши. Впоследствии оказалось, что Абдул-Кадыр направился в Бешал-баб (к стороне Ревандуза) с целью увеличить там свою милицию и соединиться с отцом.

Кямил-бей, сознавая безвыходное положение свое и убедившись вместе с тем, что без употребления силы Обейдулла не поедет в Мосул, отправил нарочных (по всей вероятности, приближенных Мамед-Садыка) в Нери и в сел. Канираш (в 25—30 верстах от Шептана), около которого находилось 4 батальона пехоты, направленных туда из Мосульского и Багдадского вилайетов. Здесь, что Нери, после выезда Обейдуллы в Мосул занят был 8-м стрелковым батальоном и 4 батальонами 32-го полка, командующим же, полковнику Гаджи-мамед-бею, и поручен был это. отряд.

Тотчас же по получении приказа Кямил-бея вышеупомянутые 4 батальона были двинуты из Канираша к Шептану под начальством полковника Гусейн-бея. Из Нери направлены были туда же 150 отборных стрелков, которые имели по дороге переселиться

с курдами, пытавшимися остановить их в горном проходе («Кюрд-богазы»); но стрелки, подкрепленные прибывшей из Нери на выстрелы пехотой, разогнали курдов и подошли к сел. Шептан. Таким образом, селение это обложено было войсками со всех сторон. Затем, 13 сего текущего ноября месяца, между курдами и упомянутыми войсками началась перестрелка, причем курды терпели особенно от действия горных орудий. После слишком 6-ти часового сопротивления Обейдулла сдался войскам вместе с Абдул-Кадыром, успевшим еще раньше соединиться с ним.

Кто начал перестрелку, турки или же курды, мне пока неизвестно. Неизвестны мне также потери с обеих сторон. В сел. Шептан турки нашли склад пороха — около 40 ок и 32—35 большого калибра персидских ружей (под названием «Мазгал»), некогда заменявших пушки.

О результате описанного дела телеграфировал Ванскому вали из Дизи 17 ноября Мустафа-паша, вызванный из Орамара Кундуховым, отправлявшимся вследствие вышесказанных причин в Нери. Ныне Муса-Кундухов вернулся уже в Башкала и на днях должен вернуться в Бан, куда он возвращает также несколько батальонов пехоты. Вообще здешние как военные, так и гражданские власти считают отныне дело Обейдуллы поконченным.

В заключение добавлю, что шейха повезли из сел. Шептан в Мосул не через Ревандуз, а через гор. Акру, о прибытии куда Обейд-уллы с сыновьями (13 сего ноября) здешний вали получил телеграмму из Мосула. Таким образом, можно полагать, что к 24, 25 ноября названный шейх будет в гор. Мосул.

С истинным почтением и преданностью и пр. и пр.

АВПР, ф. «Главный архив 1—9», 1882—1883 гг., д. 54, лл. 86—87.

*Копия с донесения управляющего генеральным консульством
в Азербайджане в Азиатский департамент
от 21 мая 1887 г.*

Ввиду того что Соучбулагская провинция служит весьма часто театром беспорядков, чинимых как населяющими ее курдами, так равно и курдами соседних с Персией округов Турции, имею честь представить на благоусмотрение Азиатского департамента некоторые сведения, собранные мною через посредство нашего агента в Соучбулаге и могущие служить к освещению тех событий, кои совершаются в этой провинции в последние два года.

Соучбулагская провинция, известная также под общим именем «Мукринской», состоит из двух округов: Соучбулагского с городом того же имени, служащим резиденцией губернатора, назначаемого обыкновенно Азербайджанским хукуметом, и Сердешского с местечком Сердештом. Этот последний округ управляется особым начальником, назначаемым уже Соучбулагским губернатором.

Преобладающий элемент населения Мукринской провинции по вероисповеданию составляют сунниты. Насколько значительно в количественном отношении это преобладание, видно из того что, например, в Соучбулаге из 1400 жителей, составляющих население этого города, насчитывают до 1300 человек суннитов, шиитов же

всего 40 человек. Остальное же население состоит из христиан и евреев.

Соучбулаг имеет питадель (Топ-ханэ), вооруженную десятью пушками, заряжающимися с дула, при коих находится до 40 человек артиллеристов. Гарнизон города состоит из 400 человек из Шикакского батальона (фауджа). Кроме того, в распоряжении губернатора имеется до 100 вооруженных всадников. Этим исчерпываются военные силы Мукринской провинции.

По отношению к национальности преобладающей народностью, являются курды, которые подразделяются на соучбулагских и сердештских. К первым принадлежат следующие племена: *Мамаш* (1500 человек мужского пола) и *Мангор* (800 человек). Сердештские курды подразделяются на шесть племен: *Гевурки* (1200 человек), *Беражи* и *Мелькери* (1300 человек), *Аланы* (400 человек), *Басыги* (300 человек) и *Келаси* (500 человек). Племена: Мамаш, Мангор и Гевурк управляются избираемыми ими самими начальниками «Мазингами». Остальные племена Мазингов не имеют, а управляются старшинами по назначению местных властей. Из всех курдских племен Мукринской провинции три вышеупомянутые племени, т. е. Мамаш, Мангори и Гевурки, могут называться полукочевыми, так как с половины весны и до половины осени кочуют в горах на турецко-персидской границе, а остальное время проживают оседло в деревнях. Прочие же курдские племена живут круглый год оседло.

Так как летовки Мамашей, Мангоров и Гевурков находятся, как уже сказано, на турецко-персидской границе, то в случае каких-либо недоразумений между администрацией и названными племенами, последние беспрепятственно переходят в Турцию и остаются там до устранения этих недоразумений. Так же поступают и курды, проживающие в пограничных с Персией округах Турции, а именно племена: Зуди, Акор и Пиран, весьма часто переходящие в Персию. Наиболее беспокойно племя Пиран, Мазингом коего состоит Папир Ага, один из сыновей известного деятеля во время последнего курдского восстания Гамзи-аги.

Такое положение дела служит причиной того, что в последние два года персидским властям каждое лето приходится отправлять военные экспедиции или для усмирения курдов, персидско-подданных, или для удаления турецких курдских племен. В минувшем году экспедиция была вызвана беспорядками, происходившими среди перехода в Персию турецких курдов племени Пиран. Ныне же, как Азиатский департамент благоволил усмотреть из донесения моего от сего числа за № 251, виновниками беспорядков являются курды племени Гевурк.

При том небольшом количестве военной силы, которая находится в распоряжении соучбулагского губернатора, в особенности принимая во внимание, что курды известны своею храбростью отличные наездники и стрелки и вдобавок все вооружены скорострельными ружьями систем Генри Мартини, Винчестера и Бардана, между тем как правительственные войска вооружены ружьями системы Вренделя, управление провинцией этой было бы немислимо, если бы, к счастью для персидских властей, все курдские племена не находились между собой во вражде. Этой враждой всегда с успехом пользуется администрация, причем постоянно в случае восстания какого-либо племени посылает против него для

усмирения враждебное ему племя, только благодаря этой вражде персидские власти могут справляться с курдами. Последнее курдское восстание наглядно показало, какую действительную силу представляют сплотившиеся курдские племена и как бессильны перед ними регулярные персидские войска.

К изложенному считаю не излишним прибавить, что Мукринская провинция включает в себе 750 деревень, из коих 650 приписаны к Соучбулагскому округу, а 100 — к Сердештскому, и дает Азербайджанскому хукумету ежегодного дохода до 25 500 туманов. Кроме того, учрежденная два года тому назад в Соучбулаке таможня отдается начальником азербайджанских таможен на откуп за 5750 туманов в год.

Хотя Мукринская провинция и принадлежит к числу плодороднейших округов Азербайджана, но к сожалению дурные пути сообщения делают невозможным сбыть местных произведений при среднем урожае в прочих провинциях в другие места, почему землевладельцы принуждены или сбывать сельские продукты на месте за ничтожную цену, почти не окупающую затраченного труда, или же должны выжидать повышения цен в соседних округах. Поэтому и запас зерна в Мукринской провинции весьма значителен.

Изложенное имею честь почтительнейше представить на благоусмотрение Азиатского департамента.

АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», 1883—1885 гг., д. 7608, лл. 33—41.

*Копия с донесения консула в Эрзеруме
к господину Российско-императорскому послу в Константинополе
от 25 июня 1872 года за № 124*

Во время моего путешествия по Эрзерумскому вилайету, оставившись в селах, местечках и городах, я коротко ознакомился с жизнью и с живыми потребностями народа. Обратив особое свое внимание на повинности турецких подданных вверенного моему наблюдению района, и. ч. представить на благосклонное воззрение Вашего Превосходительства систему всех ныне действующих правительственных сборов и в том числе рекрутского набора.

При этом случае считаю своим долгом оговориться, что если нынешние подати непомерны, систематическая неопределенность, недосказанность и неизвестность их невыносимы, то в особенности несносны для народа фантастически лишь на случайном капризе, личной жадности и вечном невежестве сборщиков и властей основанные способы самого взимания этих сборов. В разных деревнях одной и той же казы или даже одного и того же невзрачного нахия тот же самый налог именуется иначе, взимается иначе, в различном размере, в иные времена года и при иных условиях.

Дело в том, что сборщики собирают деньги лишь бы побольше и погрубее, отвечая перед своей только совестью и распоряжаясь по собственному только своему усмотрению, а подлежащие сбору жертвы уступают по глупости и по своей беззащитности.

Излагая употребительную в крае форму взимания законных сборов и рекрутского набора, я ничем не касаюсь злоупотреблений, которые в свою очередь в начале настоящего года в санджа-

ках Карском, Баязидском, Ванском и Мушском достигли неимоверных пределов. Не более как один месяц тому назад вследствие вопиющих неправильностей прежние мутесарифы всех упомянутых санджаков были сменены самой Портою и на их места назначены из Константинополя люди, если не ошибаюсь, относительно честные и более или менее приличные.

Быстрая смена лихоимцев, назначение честных пашей и приличных чиновников, хорошая часть последних нововведений, появление некоторой надежды на лучшую будущность изнуренного «стада» приписываются всеми здесь людьми как мусульманами, так и христианами, в том числе католиками и даже иностранцами моими коллегами, решительному влиянию императорского посольства на турецкое правительство.

Перехожу к самым сборам, но ни к тем, что имеют осуществляться в близком и прекрасном будущем, и ни в тех размерах, как то утверждают на словах вновь прибывшие из Константинополя образованные паша, а к тем налогам, которые ныне существуют на практике и в той пропорции, как я ее застал нынешнего года в апреле и мае месяцах.

А. Сборы, коим подлежат все без исключения турецкие подданные:

1. Ушр — собственно десятинный сбор со всех произведений почвы. Придумав объяснение, Порты сумела изменить и значительно увеличить десятинный сбор. Вместо одной части с десяти, т. е. 10%, в 1283 году Порты собрала 15%; в годах 1284, 1285, 1286, и 1287 правительство взимало по 12 $\frac{1}{2}$, т. е. восьмичу, а не десятину. Упомянутое объяснение есть следующее: вся земля есть собственность султана, а не землевладельцев. Султан в безграничной милости своей желает дать возможность землевладельцам приобрести свою землю, а поэтому позволяет им откупить оную. При этом Портою было обещано, что по истечении пяти чрезвычайных лет ушр опять будет взиматься в нормальном размере одной части на десять.

Будет ли когда-либо исполнено это обещание или нет, поселяне сомневаются. Будет ли их земля действительной их собственностью, никто не знает.

Отложив в сторону толкования и объяснения Порты, дело в том, что на практике десятина ныне заменена восьмичею.

Таким образом, например, поселянин, собрав 8 арабу сена, уступает правительству одну арабу сена или платит по желанию сборщика взамен натуры 30 пиастров.

Статистика ушра

В 1282/3 году (1865—1866), когда в последний раз ушр был еще действительной десятиной и правительство, согласно курану, довольствовалось 10% со всех произведений почвы, Эрзерумский вилайет принес казне: 124 410 золотых турецких лир.

В 1283/4 году (1866—1867), когда десятина была 15%, этот самый доход едва достиг 152 900 зол. лир.

В 1284/5 году (1867—1868) десятина была 12 $\frac{1}{2}$ %, правительственный доход был 184 470 зол. лир.

В 1285/6 году (1868—1869), десятина $12\frac{1}{2}\%$, ушр принес 149 930 зол. лир.

В 1286/7 году (1869—1870), десятина $12\frac{1}{2}\%$, то ушр доставил 177 782 зол. лир.

В 1287/8 году (1870—1871), десятина $12\frac{1}{2}\%$, ушр доставил 195 000 (?)

Из этой таблицы можно наглядно убедиться, что недостаточна одна алчность турецкого правительства увеличить, вопреки курану и здравому смыслу, число взимаемых процентов, чтобы затем увеличить в математической прямой пропорции и доход. Результат ушра доказал бессилие министерских финансистов, он не столько зависит от 2 или 3 лишних процентов, как в особенности от случайности цен на хлеб и ячмень. Предписать цифру цен вне силы Блистательной Порты. В 1869—1870 [годы] цены на хлеб были двойные и на ячмень были тройные против стоимости хлеба и ячменя 1866—1867 года, ушр и принес 177 782 зол. лир., хотя взимался лишь по $12\frac{1}{2}\%$. В 1866—1867 [годы] цены были низкие, ушр и принес лишь 152 900 зол. лир., несмотря на то что десятина была 15%.

2. Эмляк или, как он еще называется в деревнях, сальян — налог поземельный, взимается с домов, пахотных земель и лугов, принципиально в размере 4 с 1000. В городах и кабабах эмляк взимается довольно близко к определенной пропорции. Домовладелец, отдающий свой дом под наем, платит не 4 с 1000, а 40 с 1000, т. е. 4% с дохода. С пахотных земель и лугов вышеупомянутая пропорция принимает часто чудовищные размеры и выходит иной раз не 4, а 9 и более с тысячи. Эта разлапидца между принципом и практикой происходит преимущественно от негодности застарелых кадастров, которые с каждым годом все более расходятся с реальной сущностью.

Пример:

Поселянин засеял 10 сомаров пшеницы и платит за это правительству 200 пиас.

Считая один кот пшеницы в 15 пиас., 10 сомаров ее обходятся в 2400 пиастров. Здешний средний урожай, будучи сам-десять, мы можем считать ценностью упомянутого посева после снятия его с поля = 24 000 пиастров. Если затем правительство, взяв с этого количества восьмизу, т. е. 3000 пиастров, с остающихся на лицо 21 000 пиастров взимает еще 200 пиас., то сальян есть налог в $\frac{1}{16}\%$ со сбора и $8\frac{1}{4}\%$ с посева.

Статистика. Этот налог доставил казне в

1866/7 г.	1867/8 г.	1868/9 г.	1869/70 г.
73 700	69 300	70 950	69 410 зол. лир.

3. Верги и таматту, подходящий сбор, взимается принципиально по 30 с 1000, или 3% с ежегодного дохода каждого жителя.

Армяне и курды его платят, но смысла его и самого расчета большая часть из них отнюдь не понимает. Определение цифры ежегодного дохода какого-нибудь курда или армянина, самих ничего не смыслящих, зависит от доброй воли и благоусмотрения местных властей. Вообще этот налог окружен непроницаемым туманом.

Статистика его неуловима, если не ошибаюсь, тамattu эрзерумского виляета принес казне за прошлый год 16 000 (?) з. л.

4. Хамчур — такса с овец по 3 пиастра поштучно и ежегодно.

В прежнее время за баранов брали 60 пар, четыре года тому назад этот налог был возвышен и взимался в продолжение двух лет по 2 пиастра, с прошлого года и ныне взимают 120 пар, т. е. 3 пиастра с овцы и козы.

Приняв в соображение, что цена барана от 30 до 50 пиаст., козы от 20 до 32 п. (ягненок стоит от 10 до 25 пиастров, козленок от 3 до 10 пиастров), не подлежит сомнению, что нынешняя пропорция хамчура непомерна, она отбивает у поселян желание, в иных местах уничтожают самую возможность разводить стада. Часто случается, что бедный поселянин предлагает сборщику: «Возьми ягненка, возьми козленка — нет у меня денег!» На это сборщики хамчура отвечают: «На что мне твой козленок, он и со шкурой не стоит 3 пиастров. Подавай деньги, наличные деньги!»

Между тем стада всюду мелеют и мало-помалу совершенно исчезают. Козы почти совершенно вывелись. Вследствие этой подати уже укрепившиеся в Мушской долине курды опять все бросают и возвращаются кочевать и разбойничать в Мотку и Хыют, где никто ничего правительству не платит.

Пример: Мушской долины, нахие Чухур, в курдской деревне Нуршин еще в прошлом году существовало 400 дымов, ныне же осталось всего 50 дымов. Эти оставшиеся до поры до времени горемыки в числе $(50 \times 7) = 350$ душ, не имея от правительства ни малейшей защиты против нападений со стороны независимых курдов Моткинских и Хыютских и не будучи в состоянии отыскать себе насущный хлеб, тоже смотрят в горы. Норшинские курды мне говорили: «В Мотке хорошо, там хамчура нет. В солдаты тоже не берут. Моткинский каймакам хотя и есть, но он туда и показаться не смеет. Он живет и получает жалованье в г. Ахлате».

До прошлого года хамчур отдавался на откуп, в нынешнем году само правительство собрало его и выгадало этим способом 2 010 000 пиастров.

По официальным сведениям, такса на овец относительно санджаков была следующая:

	в 1871 году	в 1872 году
Эрзерумский санджак	1 697 000	2 233 311
Ванский	2 291 169	3 065 926
Мушский	921 124	1 371 661
Чилдырский	871 000	983 246
Баязидский	676 250	827 081
Эрзизгяльский	848 750	922 071
Карский		
Вияет . . .	7 334 292 пиаст.	9 404 286 пиаст.

Карский санджак в прошлом году представил 83 321 пиас., в нынешнем году еще не высылал денег за хамчур.

<i>Статистика:</i> Хамчур принес в			
1866/7 г.	1867/8 г.	1868/9 г.	1869/70 г.
48 930	52 030	55 000	77 077
	1870/71 г.	1871/72 г.	
	1287 8	1288 9	
	73 875 л.	94 875 тур. лир.	

5. Бейре. С пары быков собирается всюду по одной мерке пшеницы и по одной же мерке ячменя.

Несмотря на все мои усилия, я не мог привести в ясность этот туманный налог.

Дело в том, что он всюду свято существует, употребление же его, кажется, следующее.

Одна из вышеупомянутых мерок, т. е. половина со всего сбора, забирается казной и составляет капитал на какие-то неопределенные и непредвиденные нужды той самой местности, откуда собрано зерно. Другая половина сбора остается зацело на месте и расходуется тоже на неизвестный конец. Меня уверяли, что на эти деньги угощают проезжих турецких мюсафиров (?), следовательно, так или сяк, но бейре расходуется на славу султана.

6. Эхтисаб. При продаже или даже мене рогатого скота, лошади, мула, осла правительство взимает ни с того, ни с сего по 1 пары с одного пиастра с продажной цены, т. е. $\frac{1}{40}$ цены.

При этом случае покупатель и продавец обыкновенно сговариваются и, заявив меньшую против действительности цену, стараются обмануть мухтасиба, который в свою очередь, чуя всюду обман, обыкновенно кончает тем, что распорядится по собственному усмотрению, определит самовольно невозможно высокую цену.

7. Сбор с соли в количестве одного пиастра за оку соли.

Всюду поселяне жалуются на дороговизну соли. Судя по экономии и осторожности, с которыми они сохраняют соль, жалобы, как кажется, не лишены основания. Старший хозяин дома обыкновенно носит соль при себе в кармане и во время обеда сыплет щепоточку соли на общий стол. Эта щепоточка соли исчезает мгновенно. Опять просят хозяина, опять хозяин сыплет, но уже полпорции.

Статистика: Пошлина на соль во всем Эрзерумском вилайете дала в

1283/4 г.	1284/5 г.	1285/6 г.	1286/7 г.	1287/8 г.
1865—1867	1867—1868	1868—1869	1869—1870	1870—1871
19 800 л.	15 400 л.	20 020 л.	19 140 л.	25 300 л.

8. Такса на табак. В кассу Эрзерумского вилайета поступает лишь сбор с мушского табаку. Этот налог за прошлый год доставил казне 22 400 зол. л.

9. Таможенный сбор взимается более или менее правильным образом, но весьма часто случается, что тот же самый товар, уже заплативший пошлину, несмотря на таможенную марку, при переходе с места на место подвергается снова и опять снова той же самой пошлине. В Эрзерумском вилайете таможенная пошлина

взимается в следующем размере: с достоинства товаров, привозимых из Европы, взимается 8%, с персидских товаров — 6%.

Европейцы, отправляющие товары транзитом из Персии в Европу и из Европы в Персию, платят 1% с достоинства, персияне за то же самое — 6%. Год тому назад с персиян взималось за то же лишь 4%. С турецких товаров, отправляемых за границу, таможня взимает по 1% с достоинства.

Статистика: Эрзерумского транзита, т. е. с товаров, идущих из Персии в Европу, взято в

1866/7 г.	1867/8 г.	1868/9 г.	1869/70 г.	1870/71 г.
14 300 л.	14 190 л.	14 410 л.	17 050 л.	17 840 л.

Весь таможенный сбор за прошлый год вместе с транзитом, который представляет $\frac{1}{5}$ всего таможенного дохода, был 89 200 лир. Расход таможни на весь виляет был 23 150 лир. Следовательно, чистый доход = 66 050 лир.

10. Сбор с рыбной ловли. На Ванском озере в апреле и мае месяцах ловится огромное количество особенного рода маленькой рыбы, похожей на нашу корюшку. Вся ловля на Ванском озере поступает ежегодно на откуп и приносит значительный доход. В каком именно размере, неизвестно.

11. В касабах и городах имеются сверх вышеприведенных сборов еще многие таксы (ресюмат) =, взимаемый с предметов местного потребления, с торговли и с ремесленников.

Статистика: Ресюмат в

1866/7 г.	1867/8 г.	1868/9 г.	1869/70 г.
15 400	15 290	12 540	12 210

Такса на вина и спирты:

неизвестно	1 276	979	660
------------	-------	-----	-----

Правительственные сборы за паспорта, процессы, штрафы, гербовые бумаги

14 300	14 410	7 040	8 107 тур. лир.
--------	--------	-------	-----------------

В. Военная повинность

12. Рекрутский набор, которому подлежат исключительно мусульмане, в настоящее время производится в Эрзерумском виляете при самых нелепых и несправедливых условиях, так как списки подрастающего поколения, имеющего нести военную обязанность, давно застарели и сделались негодными. Тем не менее правительству и в голову не приходит проверить и возобновить эти списки, чтобы с некоторой достоверностью знать настоящую численность мусульманской молодежи в данной местности.

Дело в том, что многие десятки лет тому назад населенные местности ныне опустели, тогда [как] мелкие ныне расширились, появи-

лись наконец совсем новые центры — одним словом, все условия существенно изменились, а турецкая военная администрация все еще держится старых своих списков. Таким образом, часто случается, что рекрутская комиссия, имеющая набрать в данном месте, согласно со старыми списками, положим, десять конскриптов с сотни молодых курдов, она и соберет требуемое число, но ни с сотни, которых там вовсе не оказывается, а с имеющихся налицо всего-навсего шестнадцать человек. Понятно, что деревня, теряющая вдруг десять работников на шестнадцать молодых, неминуемо разрушается. Такое исчезновение населенного места, часто здесь повторяющееся, называется народом «хараб».

В других местах комиссия, согласно предписанию, набирает, положим, пять конскриптов, но опять же не с пятидесяти, как то сказано в старых списках, а с имеющихся налицо трехсот здоровых молодых.

Предположить, что, быть может, правительству неизвестна негодность старых списков, тоже невозможно, так как рекрутские комиссии, а в особенности военные медики из европейцев ежегодно доносят начальству о неизбежной необходимости возобновить перепись мусульманского населения по данным округам для раскладки в надлежащей пропорции рекрутского набора.

Ни один мусульманин Эрзерумского вилаята охотно и добровольно в солдаты не поступает. Курды в критический момент по большей части вместо [того, чтобы] идти в солдаты, поступают в разбойники или бегут в горы, или Персию, или Россию. По миновании опасности они иной раз возвращаются восвояси, где оставляются в покое равнодушными и добродетельными турками.

13. Евкаф. С церковных имуществ правительство взимает одну четверть годового прихода. Этот налог за прошлый год представляет сумму в 6600 т. лир.

С. Подать взимается исключительно с христиан.

14. Бедель, или харадж, взимается в замену рекрутской повинности в неопределенном размере от 21 пиастра до 32 пиастров поголовно и при различных условиях. В различных деревнях и местечках одного и того же нахия весьма часто бедель взимается иначе, в различных размерах, в иное время года и при иных условиях. Как кажется, это есть дело совести мюдир или простого записи, который часто стучится в дверь и кричит: «Эй, эй, поскорей! 32 пиастра!» — в то время, когда ребенок еще не совсем родился. Иной раз бедный армянин, со слезами на глазах, но с восторгом откликается докучливому записи: «Пробирайся, голубчик, у меня родилась дочь!»

В некоторых местах бедель платится христианами с минуты рождения по гроб, в иных местах с 3-х летнего, в других — с 15-и летнего возраста до 60-ти лет. Наконец, самый сносный способ платы беделя в тех местах, где раз и навсегда правительством положена известная цифра, требуемая ежегодно с известной местности, тогда вся община раскладывает рекрутскую повинность по усмотрению, но таких счастливых уголков в Эрзерумском вилайете оказывается очень мало. В городах бедель взимается более кротким образом.

В Ване, например, до прошлого 1871 года беделью подлежали все христиане, бедные и богатые, с 15 до 60 лет платили поголовно 21 пиастр. 20 пар. В прошлом году Ванский Идаре меджлис придумал странную льготу, от которой ванские армяне сначала пришли в восторг, но потом, раскусив секрет, поняли, что над ними еще издеваются.

Ванский Идаре меджлис решил: считать христиан мужского пола группами по ста, в том числе всех новорожденных, молодых и старых, бедных и богатых, из этих ста человек освободить от беделя 25 душ, а с остальных затем 75 человек требовать не 21 пиас. 20 пар, а 27 пиастров 30 пар поголовно. Иными словами, сотня ванских христиан ныне платит ежегодно 2081 пиас. и 10 пар рекрутской повинности тогда как сперва они хотя и платили 2150 пиас., но за исключением детей моложе 15 лет и стариков старше 60 лет. Эти цифры красноречиво доказывают, как турецкие льготы невыгодны для христиан.

В Эрзеруме все без исключения христиане с роду по смерть платят ежегодно и поголовно 21 пиастр. В самом городе Эрзеруме христиан и турецких подданных мужского пола всех исповедований считается всего-навсего 4000 душ, и, следовательно математический бедель должен бы быть ежегодно 84 000 пиас., но мусульманские власти, допуская добровольно, что между христианами города Эрзерума есть же и нищие, и убогие, и пьяницы, у которых действительно не имеется за душой ни одного пиастра, довольствуются сбором 82 000 пиастров. Но и из этой официальной цифры эрзерумского беделя явствует, что с христиан взимается солдатская повинность немилосердно.

Статистика:

1282/3 г.	1283/4 г.	1284/5 г.	1285/6 г.	1286/7 г.
25 960	25 960	24 860	23 650	30 960 (?)

Несмотря на такое изобилие всевозможных сборов и поборов и при полном и абсолютном отсутствии чего бы то ни было со стороны правительства, турки почти ежедневно открывают старое арабское слово, никому из жителей, конечно, не понятное, и ухитряются таким, можно сказать, филологическим способом выманить последнюю пару от злосчастного и беззащитного «стада». Считаю своим долгом повторить, что я отнюдь не касаюсь злоупотреблений. Между филологическими сборами, число коих legion, я привожу один лишь пример сбора, основанного на чисто коммунистическом начале и расхваливаемого донельзя турецкими прогрессистами и журналистами. Занимаемый нас чудовишный налог носит язвительное название «манфаа», т. е. польза. Христиане и мусульмане с воплем отказываются от этой пользы и называют этот соор «маззара», т. е. вред, тем не менее сбор манфаа был введен везде, где только оказалась возможность силой сломить всеобщее сопротивление.

Основная нелогическая мысль манфаа следующая: заставить богатых добровольно заплатить правительству 4 с 1000 с годового их дохода, а правительство обязуется из этого «добровольно-насиленного» сбора помогать бедным, выдавая им ссуды по 2½%.

То был и остался по сию минуту коммунистический мираж ни столько по воле самого правительства, как по природной нечестности турецкого чиновного люда. Эти господа или совсем забирали себе деньги из кассы манфаа, или платили сами кассе по 2½%, а отдавали эти же деньги бедным по 25 и 35%. Чтобы отбить у бедных всякое помышление на ссуду в 2½%, они сумели окружить выдачу денег такими формальностями, что потеря времени для поселянина не

взвешивала ожидаемую выгоду, и, попусту промаившись две-три и более недели в меркезе, поселянин с радостью принимал наличные деньги с эскономом 25—30%, чтобы только мог вернуться к своим полям, где работа не терпела отлагательства.

Таким образом, касса «пользы» ни одному бедному пользы не принесла.

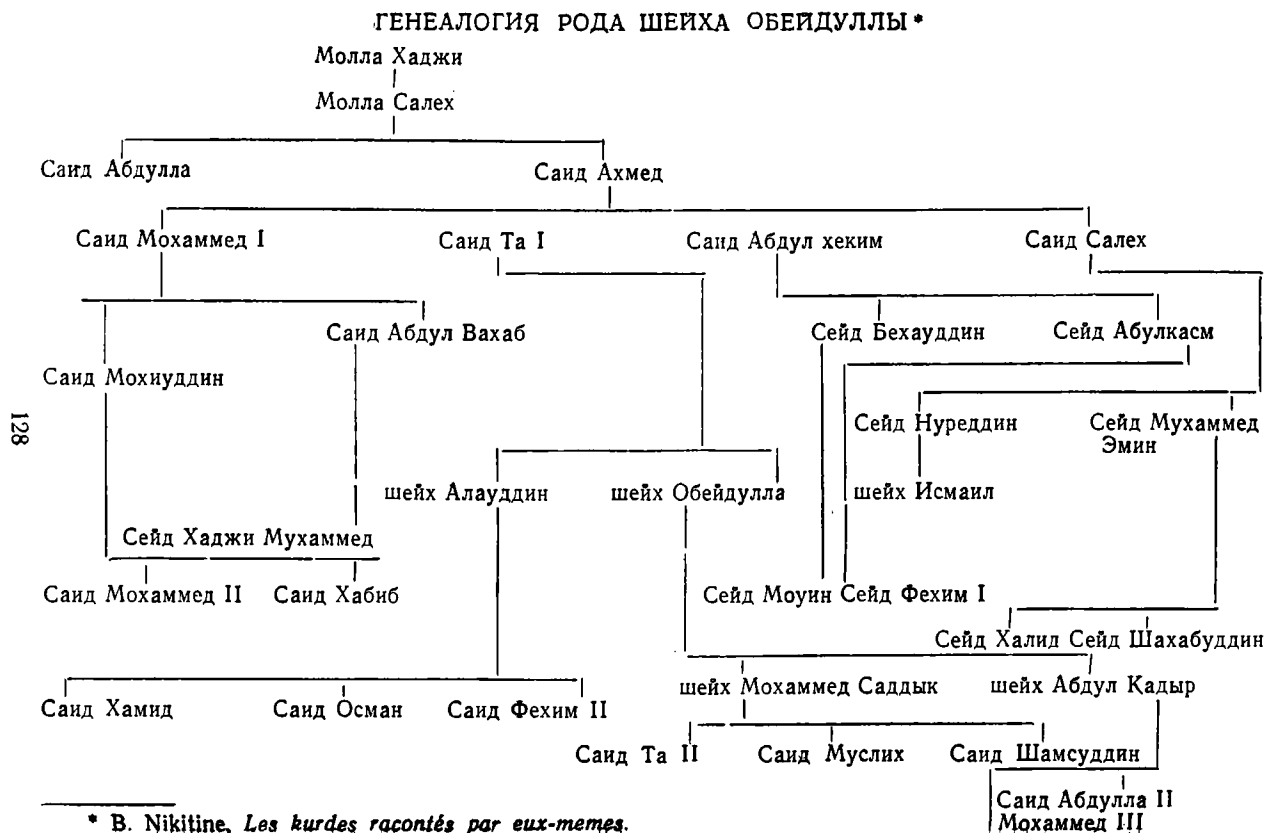
Пример:

В прошлом году Мушский мутесариф Ахмед-бей легальным образом собрал со вверенной ему Мушской долины, под именем Манфаа, 100 000 пиастров. Легальность была соблюдена до поступления 100 000 пиастров в Мушскую кассу, а там Ахмед-бей распорядился нелегально взяв без объяснений себе 80 000 пиас., подарив 10 000 хазнадару Пидросу Арамьяну и разделив остальные 10 000 пиас. на прочих крикунов-чиновников. Когда в нынешнем году Ахмед-бей опять предписал сбор манфаа, тогда все богатые отказались платить и пожаловались в Эрзерум и в Константинополь. Вследствие чего Ахмед-бей был смещен. Теперь Мушские жители наивно спрашивают: «А наши деньги?» и «Где же польза?»

Общий итог всего правительственного чистого дохода с Эрзерумского вилаята за истекший 1287/8 год можно считать 500 000 турецких золотых лир. Из них, по словам самого мюшира, им уже собрано 82 000 кисе=410 000 лир и надлежит еще получить 18 000 кисе=90 000 лир.

С глубоким почтением.

АВПР, ф. «Главный архив V—A₂», 1872 г., д. № 1083.

- Архив внешней политики России (АВПР): Ф. «Главный архив», ф. «Посольство в Константинополе», ф. «Миссия в Персии», ф. «Персидский стол».
- Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА): ф. «Военно-ученый архив».
- Армянский государственный исторический архив, ф. 102.
- Абовян Х., *Курды*, — «Кавказ», Тифлис, 1848, 15 ноября, стр. 184; 20 ноября, стр. 188—189; 4 декабря, стр. 196; 11 декабря, стр. 4;
- Аверьянов П. И., *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк*, Тифлис, 1900.
- Аракелян А. А., *Курды в Персии*, — «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», кн. XVII, Тифлис, 1904.
- Артамонов Л. К., *Северный Азербайджан. Военно-географический очерк*, ч. 1, Тифлис, 1890.
- «Библиография по курдоведению». Составитель А. С. Мусаэлян, М., 1963.
- Вильчевский О. Л., *Экономика курдской кочевой сельскохозяйственной общины Закавказья и прилегающих районов во второй половине XIX в.*, — «Советская этнография», 1936, № 4—5.
- Джалиле Джалил, *Курды и русско-турецкая война 1877—1878 гг.*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М., 1963, № 56.
- Джалиле Джалил, *Освободительное движение курдов под руководством шейха Обейдуллы против турецких и иранских поработителей*, — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М., 1963, № 39.
- Егиазаров С. А., *Краткий этнографический очерк курдов Эриванской губернии*, — «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», кн. XIII, вып. 2, Тифлис, 1891.
- Камсаракан В., *Письмо в редакцию*, — «Кавказ», Тифлис, 1875, 24 января (5 февраля), стр. 2.
- Камсаракан К. П., *Вторжение шейха Обейд-Уллы в Персию в 1880 г.*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XI, СПб., 1884.
- Канчели Х., *Из Эриванской губернии*, — «Кавказ», Тифлис, 1869, 29 августа, стр. 1, 2; 31 августа, стр. 2, 3.
- Карлайль Мак Коан, *Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии*, М., 1884.

- Карцов А., *Заметки о курдах*, Тифлис, 1896.
- Кемаль Мустафа, *Путь новой Турции*, ч. 1, М., 1922.
- Кишмишев С. О., *Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг.*, СПб., 1884.
- Колубакин А. М., *Материалы для военно-статистического обозрения Азиатской Турции*, т. III, ч. 1, отд. 2, Тифлис, 1891.
- Курдоев К. К., *Фальсификация истории курдов в персидской буржуазной историографии*, — «История и филология стран Востока», вып. 4, Л., 1954.
- Кюрзон Г., *Персия и персидский вопрос*, — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. VII, 1893.
- Лазарев М. С., *Курдистан и курдская проблема*, М., 1964.
- Лейлиханов М., *Еще о курдах*, — «Кавказ», Тифлис, 1875, 12 января, стр. 1.
- Лихутин М., *Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг.*, СПб., 1863.
- Малама Я. Д., *Описание Эрзерумского вилайета*, СПб., 1874.
- «Материалы для истории войны 1877—1878 гг. в Азиатской Турции. Процесс Файка-паша, начальника Ванского и Баязетского отрядов», пер. с турецк., СПб., 1879.
- Минорский В. Ф., *Поездка в Марагу и район рек Джагату и Татаву в начале августа 1906 г.*, — «Известия штаба Кавказского военного округа», 1907, № 20.
- Минорский В. Ф., *Поездка в Макинское ханство в октябре 1905 г.*, — «Материалы по изучению Востока», вып. 1, СПб., 1909.
- Минорский В. Ф., *Курды. Заметки и впечатления*, Пг., 1915.
- Минорский В. Ф., *Древности Маку. Путевые заметки*, Пг., 1916.
- Минорский В. Ф., *Турецко-персидское разграничение*, Пг., 1916.
- Новичев А. Д., *Очерки экономики Турции до мировой войны*, М.—Л., 1937.
- Петрушевский И. П., *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.*, Л., 1949.
- «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», М., 1896.
- Раймон К., *Курды и страна, ими обитаемая*, — «Кавказ», Тифлис, 1853, 25 мая, стр. 156—157 (2—3); 27 мая, стр. 161—162 (3—4); см. то же: «Сын отечества», СПб., 1839, № 12.
- Ростковский, *Налоги в Турции (Донесение консула в Битоли)*, — «Сборник консульских донесений», вып. VI, СПб., 1899.
- Саркисян Е. К., *Аграрная политика Османского правительства в западной Армении*, Ереван, 1957.
- Сон Э. Б., *О курдах и их стране*, Урмия, 1917.
- Халфин Н. А., *Борьба за Курдистан*, М., 1963.
- Хуршид Эфенди, *Сияхэт-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе*, СПб., 1877.
- Чириков Е. И., *Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849—1852 гг.*, Изд. под ред. М. А. Гамазова, — «Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества», кн. IX, Тифлис, 1875.
- Шамилов А. Ш., *К вопросу о феодализме у курдов*, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», Л., 1934, № 9—10.
- Элизе Реклю, *Земля и люди*, — «Всеобщая география», СПб., 1887.

- Bishop, *Journey in Persia and Kurdistan including a summer in the Upper Karum region and a visit to the Nestorian Rayahs*, vol. I—II, London, 1891.
- «Correspondence respecting the populations in Asia Minor and Syria, Turkey, № 10, (1879)», London, 1879.
- «Correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria, Turkey, № 4, (1880)», London, 1880.
- «Correspondence respecting the Kurdish invasion of Parsia, Turkey, № 5 (1881)», London, 1881.
- Cuinét V., *La Turquie d'Asie. Géographie, administrative, statistique descriptive et raisonnée de chaque province de L'Asie Mineure*, vol. I—IV, Paris, 1892—1895.
- Curzon G. N., *Persia and the Persian question*, vol. I—II, London, 1892.
- «Further correspondence respecting the affairs of Turkey, Turkey, № 54 (1878)», London, 1878.
- «Further correspondence respecting the condition of the populations in Asia Minor and Syria, Turkey, № 23 (1880)», London, 1880.
- «Hansard's Parliamentary debates third series: commencing with the accession of William IV...», vol. CCLVI, London, 1880.
- «Islam ansiklopedisi islam alami tarih, cağrafya, etnografya ve biografya lûgatı», 68 sür, İstanbul, 1955.
- Lewis B., *The Emergence of Modern Turkey*, New York, 1961.
- Millingen F., *The wild life among the Koords*, London, 1870.
- Minorsky V. F., *Kurdes, Kurdistan*, — «Encyclopedie de l'Islam», Paris, 1927.
- Nikitine B., Soane E. B., *The tale of Suto and Tato: Kurdish text with translation and notes*, — «Bulletin of the School of Orient and Afric Studies», 1923, vol II, pt I.
- Nikitine B., *Les kurdes racontés par eux-mêmes*, — «L'Asie Française», Paris, 1925, № 231.
- Norman, *Armenia and the campaign of 1877*, London—Paris—New York, 1878.
- Safrastian A., *Kurds and Kurdistan*, London, 1948.
- «Scheref-Nameh ou h'istoire des Kourdes par Scheref, prince de Bidlis, publiée pour la première fois par V. Veliaminof-Zernof», t. I—II, SPb., 1860—1862.
- Wilson S. G., *Persian life and customs*, New York—Chicago,—Toronto. 1895.

Ա-Դօ, Վանի, Բիթլիսի և էրզերումի վիլայեթները, Երևան, 1912

Անդրանիկ, Տերսիմ, Ճանապարհորդութիւն և տեղագրութիւն, Թիֆլիս, 1901

Ատրպետ, Ճիվաղ, Քյոռ Հյուսիսին փաշա, Թիֆլիս, 1911

Մ. Բաղդասարեան, Թուրքո-քրդական արշավանքի քսանհինգամեակը (1880—1905), «Մուրճ», 1906, № № 2, 3, 4, 5, 6, 8

«Բանբեր Հայաստանի արխիվներին», Երևան, 1963, № 1

Դիվան Հայոց պատմության, հատոր ԺԳ

Լեօ, Թիւրքահայ լեղափոխութեան գաղափարաբանութիւնը, հատոր Ա, Փարիզ, 1934

Կամսարական, Շէշիս Օբէյդ-Ուլլայի յարձակումը Պարսկաստանի վրայ 1880 թուին, «Արձագանք», № 115, 1893

Մախմուդով Ն. Խ., Քուրդ ժողովուրդը, Երևան, 1959

Մելիքզադե, Քրդական միություն, «Մշակ», 1880, № 167

Վ. Մելիքսեթյան, Զեյթունի հերոսամարտերը, Երևան, 1960
 Լեվոն Մևրոպ, Քուրդիստան եվ Քուրդերը, Փարիզ, 1957
 Մ. Նալբանդյան, Անտիպ երկիր, Երևան — Մոսկվա, 1935
 Մ. Գ. Ներսիսյան, Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական
 բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ., Երևան, 1955
 Յակոբ Շահպազյան, Քիւրդո-հայ պատմութիւն, Կ. Պոլիս, 1911
 Վ. Ռշտունի, Հայ հասարակական հոսանքների պատմությունից 19-րդ դարի
 երկրորդ կեսին, Խոռեֆորմյան շրջան, Երևան, 1956
 Լևոն Տիգրանյան, Ճանապարհորդական տպավորություններ Տաճկահայա-
 ստանում, «Մշակ», 1882, № 229

الدكتور بلهچ شيركوه، القضية الكردية، القاهرة، ١٩٣٠
 الدكتور شاكر خصباك، الكرد و المسألة الكردية، بغداد، ١٩٥٩
 صديق الدملاجي، اماره بهدينان، الموصل، ١٩٥٢
 علاالدين، سجادی، شورشه كانی كورد و كوردستان، به غدا، ١٩٥٩
 عبدا لعزیز ياملکی، كوردستان و كورد اختلالری، طهران، ١٩٤٦
 محمد أمين زكي، تاريخ الكرد و كردستان، القاهرة، ١٩٣٠
 محمد أمين زكي، مشاهير الكرد و كردستان، القاهرة، ١٩٤٧
 محمد أمين زكي، تاريخ الدول و الامارات الكردية، القاهرة، ١٩٤٥
 محمد أمين زكي، تاريخ السليمانيه و انحائها بغداد، ١٩٥١
 همزه عبدالاه، شورشى بارزان، سليمانى، ١٩٥٩

Джалиле Джалил Джасимович

ВОССТАНИЕ КУРДОВ 1880 года

Утверждено к печати Ученым советом Института народов Азии
 Академии наук СССР

Редактор М. Д. Панасьянц Технический редактор М. А. Полуян
 Корректор Е. Г. Григорьева и Г. А. Невелева

Сдано в набор 27/IX 1965 г. Подписано к печати 7/ I 1966 г. А 01403

Формат 84×108¹/₁₆ Печ. л. 4,125 Уч.-изд. л. 7,47

Тираж 1700 экз. Изд. № 1452. Зак. № 1527

Цена 45 коп. Индекс 1-6-3
 43-66

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука», Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

